

ИГО

НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ»

Российская Академия Наук

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ РАСХН

Архангельск, - с. 22-24

Вологодская (столица) - с. 31

ИСТОРИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ
ПОДМОСКОВЬЯ
XIV—XX вв.

Выпуск 2

Москва 1993

Digitized by srujanika@gmail.com

Bailey 2

XIV-XX B.B.

MENTAL HEALTH IN THE CHURCHES: HOW MUCH ROBES?

ATPAPRIBI MHCINILVT PACXH

NETOPEN Recognition

HAYHORN COBERT JO MCOPPIN ECKHORN JEMOL PAFFIN

Российская Академия наук

"*Thinking Jinn Poccncknx JIEPEEBs*"

HAYTHOE N KJWLFVPHG-ILPQCBEL-NTEJPCROE QBLLECF-BD

Накорінне наявніше підлітажніті зоопарків більшік із їхніх
найменших об'єктів, а також бомжів або пір'їн.

Pearlmonhaa Kojtjeri:

A. A.	Hinkohoe - <i>Hippocrateis</i> ,
A. B.	Borapackinn - <i>same Hippocrateis</i> ,
K. A.	Abepbarob,
M. B.	Kyaheloub,
E. H.	Mahyjibkinn,
A. B.	Theppinob.

J.O. A. TINXOHOB

(c) МОТОРНАЯ ГЕЛН МЕПЕРЕХ ТОЛМОКОРБА XIV-XX ВВ.
ЗИМНИЙ ОДЕЖДЫ ПОССОНДИКИ АПЕРЕХ,
1993. - 154 с. Бумгек 2. Монголия.

Хяпурохеекин Неп..». №. 21. Олтюою «Хяпурохеекин Догонжинкын
Домоюра Нискояда наемпаратын то атпоя: 107814 Мокка, Ботынан
Менганин то додхинкы, а тарке Нислохенин огъястанн б падате
Моккорокх жибчи, онисханн Гечиннэ то яхшы ниспецбариен. Б-
Стер азаподы, дөрөв ниспецбариинн олар Нискояхан бернөнөн
До ло опереңине с Нискояда додхинкын сантилэхе бакчында ко-
Додхинкын то Нислонин ойтушинн Гечиннэ Томмокора, Бакчына и та.
Ондохин Жяпурохеекин. Б сообатекинн о атн Адогунхине ниспец-
Боло и кылышпо-Нискояда наемпаратын олтюо «Хяпурохеекин Дог-
Жарылганнан то Юонана то Адогунхин ниспецбариин Бакчында додхинкын то
Додхинкыннан Адогунхин Адогуро додхинкы о атн и Нисланнен.
Додхинкыннан Адогунхин Адогуро додхинкы о атн и Нисланнен.

THE MIGRATION

AKCINPHOTO

MC TOPINA OT ABEHMX CEJLEHNN
HOUMOGKOBA

Онна непенменең ала «Аркадексы», а шарып оғажондерлармен

Б 1991 ж. оларның мәжілісіндең «Лаудаукорса»

АМЕКСЕБКЕ

К.А.Абділов.

Літ.: Жомарлопаш Б. Н. F., Негізгілекке нағылданылар... .

Болго 68 жаңыларда нұтқы 102 жаңылар дағынандағы

пескар таңдаст. Ол жаңылардың 1989 ж. Ақжаның шаңылдар

помощи логота, жаңылар олардың жаңылар дағынандағы

390 ойнаның оңайлықтарынан салынған жаңылар. Негізгілекке нағылданылар

боңаңдастырылғандағы көмекшіліктер

пескар, мемлекеттің тараптандырылғандағы көмекшіліктер

жыныштың жаңылардың шаңылдардың мәдениет, наука һ. ойнаның, наука-

жыныштың көмекшіліктерінен тараптандырылғандағы көмекшіліктер (151)

жыныштың 155 жаңылар, соодатхана орталықтардың көмекшіліктер

жыныштың 1926 ж. Ақжаның шаңылардың көмекшіліктер

ся когда-то здесь старинном селе Алексеевском.

Последовательная история села известна нам с рубежа XIV-XV вв., а сведения о нем в предыдущее время можно восстановить лишь пунктироно. Судя по всему, его история восходит к концу XIV в. В своей первой духовной грамоте 1407 г. великий московский князь Василий I в числе своих "примыслов" упоминает села, ранее принадлежавшие известному боярину в второй половине XIV в. Федору Андреевичу Свибло: "на Москве село Буиловское и с Олексеевской деревнею, да село Тимофеевское на Яузе (познейшее Свиблово)". Кто же был первым известным владельцем Алексеевского? В этот период оно "тянуло" к селу Буиловскому, а редким прозвищем "Буило" обладал толмач митрополита Митя во время его путешествия в Царьград в 1378 г. С ним был связан один из эпизодов политической жизни последней четверти XIV в.

Как известно, в этот период Северо-Восточная Русь в церковном отношении находилась в зависимости от византийских патриархов - русские митрополиты должны были утверждаться в Константинополе. В третьей четверти XIV в. митрополитом всей Руси был представитель старомосковского боярского рода Плещеевых Алексий. При этом следует учитывать, что территория митрополии охватывала не только русские княжества, но и территорию Литвы. Ставясь ослабить церковное влияние Москвы великий литовский князь Ольгерд стал добиваться особого митрополита для Литвы и в 1376 г. на Русь был поставлен митрополитом серб Киприан. В Москве были недовольны этим назначением преемника Алексию. Алексий хотел видеть своим преемником Сергея Радонежского, но тот отказался. Тогда великий князь Дмитрий Донской наметил на митрополию своего духовника Митяя, сделав его в день пострижения архимандритом московского Спасского монастыря. Когда Алексий умер, Митяй, без посвящения стал править митрополией. Прибывшего в Москву Киприана великий князь изгнал, а Митяй отправился за посвящением в Константинополь. Вместе с ним отправилось огромное посольство с большими подарками. Путешествие проходило успешно, но вдруг в море, уже в вилю Константинополя, Митяй умирает. Смерть его была явно неестественной. По рассказу летописца, иные говорили, что Митяя задушили, другие переплавали, что его "морской волю уморили", ибо все священники и бояре не хотели ви-

дать его митрополитом, лишь один великий князь желал этого.

Встал вопрос - что делать? При осмотре казны Митяя был обнаружен чистый бланк пергамента с великокняжеской печатью. После долгих спор решено было в него вписать имя участника посольства Пимена, архимандрита Горицкого Переяславского монастыря, и текст просьбы великого князя о его поставлении в митрополиты. Патриархзначаще послал отказ, сосяясь на предшествующее появление Киприана. Пимен, пользуясь именем великого князя, под грабитэльские проценты достал у ростовщиков колоссальную сумму в 20 тысяч рублей и в итоге добился посвящения в сан. Но торжество его было недолгим: когда он возвратился на Русь, великий князь его не принял, а пригласил к себе Киприана. Все участники посольства были посажены в железные вериги и разведены по тюрьмам. Среди них был, очевидно, и наш Буило.

Село досталось Федору Андреевичу Свибло, а позднее оказалось в руках Василия I. Позднее Алексеевская деревня оказалась в руках Андрея Ярлыка, дьяка великого князя, затем митрополита Ионы, под конец жизни постригшегося в Симоновом монастыре под именем Андриана. Около 1458 г. он отдал Алексеевскую и несколько других соседних деревенек по Язу властям Московского Чудова монастыря в качестве вклада по своим родителям. В качестве монастырского владения Алексеевская упоминается на рубеже 1470-80-х годов, но в дальнейшем из перечня чудовских вотчин исчезает.

Следующее упоминание Алексеевского относится уже к 20-м годам XVI в. - в источнике оно названо уже Копытовым. Такую перемену названия можно довольно легко объяснить. В числе вкладчиков Чудова монастыря известен Захарий Васильевич Копытов, отдавший обители в 1535 г. село Покровское в Горетове стану. вполне вероятно, что в качестве компенсации он мог получить Алексеевское, находившееся в стороне от основного комплекса монастырских владений, в силу чего было довольно сложно им управлять. По фамилии нового владельца деревня получила название Копытovo.¹ Существует версия, что село получило название от речки Копытовки. Этому противоречит показание писцовой книги 1573 г.: "Путятовская вотчина Михайлова: пуст. Копытово... на рчк. на Дретовке". Т.о. речка была переименована по селу.

В середине XVI в. Копытovo, уже сельцо, принадлежало Путине Михайлову, позднее запустило, а в 1621 г. указом царя было пожаловано в поместье князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. Этот владелец сельца оставил по себе обширную память в отечественной истории. Впервые в источниках он упоминается в 1608 г. с титулом стольника. В 1610-1612 гг. участвовал в целом ряде сражений с поляками, был сподвижником Минина и Пожарского в деле освобождения Москвы от иностранных интервентов и на время после изгнания врагов и до избрания царем Михаила Романова был избран главным и единственным правителем государства. За свои действия он получил титул "Спасителя отечества", впоследствии очистил Новгород от шведов и умер в 1625 г. воеводой в Тобольске. По описанию 1623 г. в его подмосковном поместье стоял боярский двор, да двор людской, где жили деловые люди. При нем здесь была построена каменная церковь во имя Алексея, человека Божьего, и Копытово по храму получает второе прежнее название Алексеевское.

В 1646 г. Алексеевское, Копытово тож, значится вотчиной его вдовы Анны Васильевны. В нем размещался боярский двор и 11 крестьянских дворов, где проживало 22 человека. Детей у Трубецких не было и после смерти княгини село перешло в дворцовое ведомство.

При царе Алексее Михайловиче в Алексеевском начинается широкое строительство. Расположенное в полуверсте от большой дороги из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, оно предназначалось для первого путевого дворца во время царских походов в знаменитую обитель. В конце 1667 г. на бывших крестьянских угодах сооружается обширный конюшенный двор, по соседству с которой было отведено место для солодовенного завода, а в 1673-1674 гг. ведется активное строительство царских хором. С его размахе свидетельствует то, что в октябре 1673 г. кроме стрельцов работало и почти до четырехсот наемных мастеров. Уже в этом месяце царь посетил свою усадьбу.

Царю, видимо, понравилось новое владение и строительство новых хором продолжалось, но закончить возведение дворцового комплекса целиком Алексею Михайловичу не удалось. Помешала смерть в 1676 г. При его сыне Седоре новое строительство было

прекрасно, а хоромы только достроены. В 1682 г. была завершена строительством церковь Тихвинской божьей матери.

Петр I и его наследники мало интересовались Алексеевским и его дворцом. Постепенно он приходит в упадок. Сохранилось свидетельство Н.М.Карамзина 1803 г. О дворце он писал: "...стены / его / разрушаются, но я осмелился войти в дом и прошел во всю длину его, если не с благоговением, то, по крайней мере, с живейшим любопытством. Печи везде большие, с разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцах. Внутренние украшения не могли истощить казны царской: потолки и стены обиты выбеленным золотом, а двери (и то в одних царских комнатах) красным сукном с широкими жестяными скобами; окна выкрашены зеленою краской... Вокруг дворца не осталось никаких других зданий, кроме погреба, где не только лед, но даже и снег не тает до глубокой осени".

Позднее путевой дворец был сломан. Разобрана была в 1824 г. и церковь Алексея Божьего Человека, поставленная еще Трубецкими. Храм же Тихвинской Божьей матери сохранился до нашего времени. В конце XIX в. через Алексеевское прошел Мытищинский водопровод, построена водоприемная станция, а в 1830 г. Алексеевская водокачка.

В пореформенный период население села бурно растет. Если в 1884 г. здесь считалось 350 человек, то всего через шесть лет население увеличилось в полтора раза, достигнув 580 человек. По данным 1890 г. в Алексеевском функционировало семь фабрик легкой промышленности, крупнейшим из которых считалось "заведение самоткацких и полушестьянных материй" отца и сына Филипповых со 143 рабочими.

С начала XX в. Алексеевское входит в черту Москвы, в 1930-х годы здесь сооружается Алексеевский студгородок, а с 1950-х годов - это район массовой жилой застройки.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1887. Вып. 5. С.5-7; Тиц А.А. Село Алексеевское и его хоромы в XVII в. // Архитектурное наследство. Сб. 16. М., 1967. С. 45-54; Алексеевское // Воронин Н., Ильин М. Древнее Подмосковье. Памятники зодчества XV-XVII вв. М., 1947. С.107-III.

К.А.Аверьянов.

АЛТУФЬЕВО

Название села Алтуфьева на севере современной Москвы имеет антропонимический характер и восходит к дворянской фамилии Алтуфьевых. К сожалению, ничего больше о первых владельцах села сказать нельзя, ибо, когда в конце XVI в. представители рода стали собирать сведения о предках, доказывая свое дворянство, им удалось найти данные лишь до начала XVII в. Более ранних документов обнаружить им не удалось — свою роль сыграли и многочисленные пожары и тот факт, что судьба разбросала лиц этой фамилии — частью они осели в Новгороде, а частью в позднейших Орловской и Тамбовской губерниях.

Первое же упоминание деревни Олтуфьево (написание Алтуфьево появилось только в XIX в.) на речке Самотышке относится к 1584 г., когда она входила в поместье Неупокоя Дмитриевича Мякишева и имела единственный "двор помещиков, а живут в нем дело-вые люди". Ни знатностью, ни богатством суздальчане Мякишевы не отличались.

Смутное время привело к полному разорению деревушки. В качестве пустоши в 1623 г. она значится владением братьев Архипа и Ивана Федоровичей Акинфовых, московских дворян. Архип Федорович служил в 1629 г. воеводой в Красноярске, а его брат Иван в 1643 г. был в той же должности в Шве, позднее дослужившись до стольника, и назначения послом в Варшаву. Со смертью брата он становится единственным владельцем Олтуфьева, и завещает его сыну Никите.

Никита Иванович Акинфов, думный дворянин, и в годы правления Софии окольничий, оказывается одним из самых деятельных строителей Подмосковья и рачительным хозяином, сумев превратить деревеньку в заселенное и благоустроенное сельцо. Согласно переписной книге 1678 г. здесь числился "двор вотчинников, живет прикащик и людей три человека, 4 семьи конюхов, в них 12 человек, да поваренных 2 семьи, в них 7 человек, 3 семьи деловых людей, в них 17 человек, двор скотника, людей 4 человека и 1 конюх". Он же построил в селе каменную церковь Воззвиженья Креста Господня, отчего село стало называться по церкви "село Крестное, или Воззвиженское, Олтуфьево тож."

Противник реформ Петра I, которых он не принимал ни в чем, в том числе и в архитектуре, Н.И.Акинфов завещал Олтуфьево одному из своих пятерых внуков – Николаю Гавриловичу. Согласно описанию 1704 г., в селе имелось "два двора вотчинниковых, 2 двора скотных с деловыми людьми". Н.П.Акинфов начал к концу своей жизни строительство новой каменной церкви, отвечающей вкусам середины XVIII в. (либо по проекту, либо под сильным влиянием известного московского архитектора К.И.Бланка).

В 1755 г., после кончины Н.П.Акинфова, в результате семейного раздела между вдовой, двумя дочерьми и сыном Юрием Олтуфьево досталось последнему. Юрий Николаевич Акинфов, проведший в родовом гнезде детство и юность, стал владельцем села "Воз-движенского, Олтуфьево тож". Первый Георгиевский кавалер, первый русский офицер, награжденный этим установленным в 1769 г. орденом, Ю.Н.Акинфов состоял при адмирале Спиридове, был героям Чесмы. Его имя запечатлено на стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца.

Ю.Н.Акинфов скорее всего даже не успел почувствовать себя владельцем Олтуфьева, как решился его продать. В 1759 г. село было продано Ивану Ивановичу Вельяминову, а в 1766 г. куплено у него графом Матвеем Федоровичем Апраксиным, почему-то в том же году перепродавшим Олтуфьево графине Наталье Федоровне Брюс, з女е Александра Романовича Брюса. Уже в 1768 г. новая владелица поспешила расстаться с Олтуфьевым, перепродав село А.А.Риндеру.

Доктор медицины Альтдорфского университета в Германии Андрей Андреевич Риндер находился на русской службе с 1738 г. при так называемой Сренбургской комиссии (позднее переименованной в губернию), где прослужил четверть века. В 1765 г. он получает назначение московским штадт-физиком, что побуждает его обзавестись подмосковным поместьем. Но А.А.Риндера очень скоро не стало, – он умер в эпидемию чумы 1770 г. в Москве и в 1771 г. село переходит к его малолетним детям – Якову и Софье. Яков наследовал и профессию отца: в 1778 г. он получил в Страсбурге звание доктора медицины. В 1786 г. сестра и вернувшийся из-за границы брат продают Олтуфьево князю Степану Борисовичу Куракину. При этом Я.А.Риндер продолжает служить в Москве. Годом по-

зже продажи села он назначается профессором Московской Медико-хирургической школы, а в течение 1790-х гг. состоит акушером Тверской губернской управы.

Покупка подмосковной во многом была вынужденной в жизни С.Б.Куракина. Блестящий офицер, участник Турецкой и Польской кампаний, он вынужден участвовать в подавлении восстания Пугачева. Для внука известного своими либеральными взглядами Никиты Панина это была "жестокая комиссия" и "мерзкая зимняя кампания". В 1783 г. С.Б.Куракин участвует в Крымском походе, а спустя шесть лет выходит в отставку с чином бригадира. К этому времени его первая жена бросила его, и генерал добивался развода. Жизнь со своей второй женой, Екатериной Дмитриевной Самойловой, должна была начаться в Олтуфьеве. Среди многочисленных гостей князя здесь стали бывать И.А.Крылов, В.В.Измайлов, И.И.Дмитриев, Д.И.Фонвизин. Коротко был знаком князь и с замечательным портретистом Ф.С.Рокотовым – оба они выступали основателями московского Английского клуба. Перестроенная, расширенная и обновленная усадьба в Олтуфьеве стала очень популярной среди москвичей. Оживлению строительных работ существенно способствовало назначение С.Б.Куракина в период правления Павла I начальником Экспедиции Кремлевского строения. Правда, пребывание в этой должности оказалось кратковременным – в 1805 г. князя не стало. Е.Д.Куракина умерла в 1841 г. Детей супруги не имели, и с этого времени снова начинается стремительная смена владельцев села.

Непосредственно после Е.Д.Куракиной владельцем Олтуфьева становится Д.П.Приклонский. Сын камергера, он был способным по-этом-лириком. В 1849 г. Олтуфьево переходит к Николаю Арсеньевичу Жеребцову. Инженер путей сообщения по образованию, он за свою сравнительно недолгую жизнь успел побывать и виленским гражданским губернатором, и вице-директором Третьего департамента Министерства государственных имуществ. Он избирается членом Вольного Экономического общества и успешно выступает как скульптор-любитель. Его перу принадлежит ряд трудов по экономическим вопросам и политических брошюрах.

В годы жизни и работы в Олтуфьеве Н.А.Жеребцов выпустил в Париже на французском языке свою "Историю цивилизации в России"

(1858), вызвавшую две критических статьи Добролюбона. Концепция Жеребцова сводилась к отрицанию прогрессивного смысла петровских реформ, якобы лишивших Россию своеобразного национального пути развития. Вкусы Жеребцова нашли свое отражение и во внешнем облике усадьбы: в 1851 г. у главного усадебного дома появилась галерея на псевдорусских кувшинообразных столбах.

По данным 1852 г. при нем в Алтуфьеве значились церковь, 36 дворов, где жило 209 человек, господский деревянный дом, 15 дворовых людей, оранжерея с садом, при котором были дачи госпожи Татищевой и купца Лебедева.

Со смертью в 1868 г. Жеребцова его вдова, урожденная М.Н. Денисова, расстается с усадьбой. Среди очередных владельцев появляются очень недолго имена Г.И.Алеевой, М.И.Лачиновой, а с 1884 г. - барона Н.В.Корфа. Последний был связан с Л.Н.Толстым. Оба они состояли членами Общества распространения полезных книг, при котором Н.В.Корф, кроме того, возглавлял Комиссию по бесплатному снабжению нуждающихся школ книгами. Судя по земельным документам, в 1888 г. Н.В.Корфа в качестве владельца усадьбы сменил Георгий Мартынович Лианозов, потомственный почетный гражданин, один из крупнейших деятелей московской финансово-предпринимательских кругов. Его сын Степан Георгиевич был видным нефтепромышленником. Октябрьская революция вынудила его уйти в эмиграцию.

В начала XX в. Алтуфьево начинает превращаться в дачную местность. Этому способствовала прокладка Савеловской железной дороги. По переписи 1926 г. из 84 домов села крестьянским хозяйством занималось всего 56. В Алтуфьеве располагались сельсовет, школа и проживало 377 человек.

В 1960 г. село вошло в черту Москвы, а в 1980-е годы его территория стала интенсивно застраиваться.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1885. Вып. 4. С.124-125; Молева Н.М. Земли московской давние преданья. М., 1985. С.169-188.
Н.М.Молева.

АМИНЬЕВО

Старинное село Аминьево, находящееся на юго-западе нынеш-

ней Москвы, в источниках упоминается лишь со второй половине XVI в., хотя его история, несомненно, гораздо древнее. Известный историк И.Е.Забелин полагал, что своим названием село обязано потомку Ратши в X колене Ивану Аминю, жившему в конце XVI - начале XVII вв. Но как показали исследования С.Б.Веселовского, подробно разобравшего всю генеалогию Ратши, одним из потомков которого являлся А.С.Пушкин, это родословие не состоятельно и, в действительности, Иван Юрьевич Аминь из рода Ратши жил в первой четверти XVI в. Между тем, в XVI в. в различных актах мы встречаем представителей другого одноименного рода Аминевых. Он оставил по себе гораздо меньше следов, чем первый, ибо его члены, служившие в XVI в. московским великим князьям, на рубеже XVI в. переходят на службу удельным звенигородско-галицким князьям, и в дальнейшем теряются в рядах провинциального костромского дворянства. Первым известным лицом этого рода следует признать киличея Аминя (так назывались русские послы в Орду), упоминающегося в летописи под 1348 г. Под этим годом летописец рассказывает, что великий литовский князь Ольгерд послал в Орду своего брата Кориада жаловаться на московского великого князя Семена Гордого. Последний, услышав о литовцах, послал в Орду боярина Федора Глебовича, а с ним своих киличеев Аминя и Седора Шубачеева, жаловаться на Ольгерда. В Орде московским дипломатам удалось решить спор в свою пользу: Кориад с сопровождавшей его небольшой дружиной был выдан московским киличеям и привезен в Москву послам хана. Лишь через год Ольгерду, привлавшему в Москву "многие дары", удалось выкупить брата и других пленников.

От этого Амина, очевидно, и произошло название села. О его истории в XVI-XVII вв. никаких сведений не сохранилось, но в 1570 г., составляя свою духовную грамоту, царь Иван Грозный упоминает его в числе сел, которые планировалось отдать его старшему наследнику царевичу Ивану Ивановичу. Однако, проект этот остался на бумаге, ибо вскоре царевич был убит отцом.

Следующее упоминание об Аминьеве относится к 1627 г. В писцовой книге читаем: "за стольником за князем Васильем Ивановым сыном Турениным старое ево поместье сельцо, что было село Аминево, на речке Ка Сетуне, усть речки Навершики, а в сельце

место церковное Успения Пресвятые Богородицы, да в сельце двор помещиков, да крестьянских и бобыльских два двора, в них 6 человек".

Этот владелец села был интересной личностью. За свою храбрость и отвагу он получил весьма характерное прозвище Жар. В годы Смутного времени он принимал активное участие в низложении Василия Шуйского и при обряде насильтственного пострижения даже произносил за бывшего государя требуемые ответы. При новом царе Михаиле Романове он воеводствовал в различных городах, пока, будучи на воеводстве в Астрахани, не умер в степи во время похода в 1634 г. Он оказался последним в роде князей Турениных и Аминьево было признано выморочным владением.

Этим обстоятельством воспользоваться знаменитый боярин, воспитатель царя Алексея Михайловича, Борис Иванович Морозов, ставший вотчинником Аминьева в 1634 г. При нем в 1641 г. была выстроена заново церковь и Аминьево стало селом.

В 1646 г. Аминьево у боярина Морозова купил патриарх Иосиф и село стало патриаршой домовой вотчиной. В 1646 г. в нем числилось 7 крестьянских дворов, а в 1678 г. значилось уже 11 крестьянских и бобыльских дворов. Московские патриархи заботились о своем подмосковном владении и нередко бывали здесь. Сохранилось описание 1701 г. местной церкви Успения Богородицы, живописующее ее богатое внутреннее убранство.

После упразднения патриаршества село переходит в ведение Синода. По переписи 1704 г. в Аминьеве числилось 19 крестьянских дворов, где проживал 51 человек. В середине XVIII в. село было секуляризировано, а еще спустя столетие в селе было 23 двора и 199 жителей, а само оно значилось в ведомстве Государственных имуществ.

Основным занятием местных крестьян продолжало оставаться сельское хозяйство. В годы советской власти здесь возникает колхоз. Близость огромного города требовала изменения характера производства — в селе создается парниково-тепличное хозяйство и молочно-товарная ферма. С 1960 г. село вошло в черту столицы, а с начала 1970-х годов стало районом массового жилищного строительства.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М.,
1886. Вып. 3. С.323-326.

К.А.Аверьянов.

АНГЕЛОВО

Село Ангелово Красногорского района расположилось в окружении лесов недалеко от Пятницкого шоссе. Его давняя история дает немало любопытных сведений, позволяющих конкретно представить жизнь сельского населения в разные времена.

Название села носит антронимический характер и, по мнению С.Б.Веселовского, восходит к Микуле Ивановичу Ангелову, греку по происхождению, выехавшего в Москву в свите царевны Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора. В конце XV в., будучи принятим на великокняжескую службу, он его купил или получил от великого князя, построил в нем церковь во имя своего патрона - святого Николая, дожившую до XIX в., и основанное им сельцо стало называться Ангеловым. Это предположение подтверждается и тем, что в числе "послухов" - свидетелей одной из купчих грамот 1505 г. в том же Горетове стану упоминается и Микула Ангелов.

Позже Ангелово оказалось во владении Ивана Ивановича Кувшина Заболоцкого, обмелчавшего представителя старого рода Все-воложей=Заболоцких. В 1532 г. Ангелово с деревнями у него купили предпримчивые монахи Иосифо=Волоколамского монастыря, отдав 400 рублей и кунью шубу "лоподника". Сравнительно скоро к захии округлили границы этого владения, прикупив за 250 рублей у родного племянника Кувшина-Тимофея Васильевича Бражникова=Заболоцкого смежную деревню Забанье, ныне не сохранившуюся.

Ангеловская вотчина благодаря своей близости к Москве была ценным владением монастыря. Ее расположение у большой дороги давало немалые дополнительные выгоды: здесь останавливались обозы с зерном и другими продуктами для монастырского подворья в Москве, старцы-приказчики, а порой и сам игумен монастыря. По сведениям писцовой книги 1574 г. в Ангелове были церковь "да двор монастырский да два двора крестьянских, а людей в них ток, да двор попов да десять дворов крестьянских пусты".

Документы прекрасно сохранившегося хозяйственного архива Иосифо-Волоколамского монастыря рассказывают о том, как привлекались в вотчину новые поселенцы с помощью денежных ссуд. Так, в 1575 г. "дано в Ангелове детенышу Ортошке Левонтьеву сину десять алтын, а как отживет год, дать ему пятнадцать алтын". Рядом следуют записи о выдаче денег еще четырем "детенышам" и поварнице Ермолке Иванову. В 1579 г. "дано на клеть четыре гривны нововходцу Иванку Самойлову", в 1581 г. - "детенышам Деменки, да Мишке Браге да Онашке". Официально юнастрыскими детенышами называли сирот, живших в монастыре, но часто под этим названием записывались люди, пришедшие со стороны. Поступая первоначально на работу по найму, в дальнейшем большинство из них становились "старожильцами" и теряли право на уход из монастырской вотчины.

По данным хозяйственной переписки выясняется внутренняя жизнь села. В 1594 г. только на монастырской пашне (не считая крестьянских наделов) было собрано 343 четверти ржи, 334 - овса, 46 - жита, 20 - пшеницы, по две четверти гороха и конопляного семени - всего более 280 тонн зерновых. Третья часть их оставалась на семена и около 40 тонн шло на "сельские годовые обиходы": "про игуменские проезды и соборных старцев и всяких проезжих людей, и приказчику овса на брагу и кисель и на толокно и на крупы - 40 четей, да лошадям всяkim овса 60 чети, конопель осмина".

На рубеже XVI-XVII вв. меняется характер расселения крестьян. Пустоши на месте прежних деревень редко заселялись вновь. Развивались главным образом центральные селения вотчин, где крестьяне находились под присмотром приказчика. В 1601-1603 гг., когда в стране разразился страшный голод, население Ангелова, судя по документам, значительно возросло за счет приплытия крестьян: "Гаврилку куплена изба в Сабурове"..., "Меньшику куплена изба в вотчине Ростовского монастыря"..., "Ваське Еремееву куплена изба в Нахабине"..., "да из монастырской вотчины свезено пять изб, да с монастырского двора из Забанья свезена изба, да свезена мыльня на избу крестьянину". В это же время куплены II избы для крестьян в деревне Аристово.

В начале XVII в., как и другие селения, Ангелово повидимо-

му не смогло избежать опустошения. По писцовой книге 1625 г. в нем значится деревянная церковь Николая Чудотворца, пять дворов монастырских детинец, пять дворов крестьянских и семь бобыльских. В дальнейшем население Ангелова медленно увеличивалась в соответствии с естественным приростом: в 1646 г. числился 47 жителей, 65 человек - в 1678 г., 80 человек - в 1704 г.

После секуляризации церковных владений в 1702 г. крестьяне перешли в подчинение Государственной коллегии экономии. Барщину заменил денежный оброк. Доходной статьей в крестьянском хозяйстве стал извоз, а для женщин - "домашнее изделие" - вязание чулок из козьего пуха для продажи в Москве. После 1812 г. северо-западное Подмосковье стало местом широкого распространения мебельного промысла. Начинали с белых березовых стульев, наиболее опытные мастера перекодили к производству дорогой разной мебели. Первыми резчиками были специалисты по "кривью" в селе Козине. Среди тех, кто обучался у них, были и братья Аксеновы из Ангелова, открывшие затем собственные мастерские, где работали 25-30 наемных рабочих. Мебель Аксеновых славилась в лучших магазинах Москвы, в 1860-х гг. им был дан заказ на изготовление мебели для царского имения в селе Ильинском.

Согласно данным за 1869 г. в Ангелове тогда проживало 235 человек, имелись лавка, харчевня, две мебельных мастерских. На 36 дворов приходилось 47 лошадей и 44 коровы.

Рост благосостояния отразился и на духовной жизни крестьян. Деревянную церковь, в приход которой входили Аристово, Костово, Сабурово и Ивановское, сменил каменный храм. В 1869 г. в селе было лишь два грамотных жителя, но уже в 1872 г. появилась возможность обучать детей в земской школе в деревне Митино, а в 1900 г. была открыта церковно-приходская школа и в Ангелове.

Вместе с тем уже в XIX в. проявляются симптомы оттока сельского населения на сторону. Если в 1869 г. "отлучались" из села 8 человек, то в 1878 г. уходили "по былатам" на год 13 человек, на полгода - 7 человек, в четырех хозяйствах жители не занимались земледелием. И не только город привлекал крестьян. Многие из них нанимались на работу по соседству: на ткацкую фабрику Поляковых и красильную фабрику Миттельштедта, где ус-

ловия труда были не из легких, а рабочий день продолжался 13-14 часов. По данным переписи 1926 г. в Ангелове числилось 69 хозяйств(из них 60 крестьянских), 289 жителей, сельсовет и школа первой ступени. Годы советской власти мало внесли изменений в число дворов. По данным 1989 г. в Ангелове было 72 хозяйства но зато количество постоянных жителей сократилось до 193, большей частью пенсионеров.

Село все дольше превращается в дачный поселок, привлекающий живописной природой и близостью к большому городу. Последним, и наверное, решающим шагом в этом направлении становится передача в годы перестройки едва ли не последнего полевого участка совместному предприятию с целью строительства комплекса коттеджей для отдыха иностранцев.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1834. Вып.3. С.115-116.

Е.Н.Мачульский.

АНДРЕЕВСКОЕ

Село Андреевское, к северо-западу от Звенигорода, принадлежит к древнейшим селам Подмосковья и впервые упоминается в духовной грамоте московского великого князя Ивана Калиты, среди сел, передаваемых его сыну Ивану Красному. Последний завещал его в 1358 г. своему сыну Ивану, но тот вскоре умер, и село вместе со всем звенигородским уделом перешло в руки Дмитрия Донского. По завещанию 1389 г. Дмитрий отдавал звенигородский удел своему второму сыну Юрию, но Андреевское из него было выделено его супруге Евдокии, с условием "а что бог размыслит о моей княгине, и те волости и села во чьем оуделе, то тому и есть". Согласно этому распоряжению, после того, как княгиня постриглась в монахини, село перешло к Юрию Дмитриевичу.

Понятие "село" в средневековой Руси имело несколько другой смысл, чем ныне. Тогда этим термином называли не только крупное поселение с церковью, но весь комплекс земель, вокруг селения, все "тянувшие" к нему уголья. Нередко они занимали настолько обширные пространства, что, вследствие роста народонаселения и притока его извне, здесь возникали и другие населенные пункты и тогда прежнее село начинало именоваться волостью.

Именно так, в качестве волости, Андреевское в первый раз упоминается в духовной грамоте князя Юрия Дмитриевича 1433 г. В том же качестве Андреевское упоминается и в докончании Василия Темного с князем Василием Ярославичем в начале 1450-х гг. Сохранившаяся разъезжая грамота 1504 г. дает представление о большом количестве деревень, починков и пустошей, входивших в эту волость. Нередко они отдавались во владение мелким служилым людям, но основное ядро волости по-прежнему оставалось в руках князей.

Последним князем – владельцем Андреевского был сын Ивана Ш Юрий Иванович Дмитровский. В своем завещании он отдавал село крупнейшему из русских духовных феодалов Троице-Сергиеву монастырю. Но обитель не сразу получила Андреевское.

Поступило оно туда, уже будучи "подклетным", по жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана IV от 19 сентября 1549 г. как вклад по душе его дяди, "в вечной поминок". Андреевская вотчина в это время насчитывала 12 деревни. В селе была церковь Дмитрия Солунского, а под селом погост с церковью святых Бориса и Глеба. По царской грамоте население села освобождалось от дани, ямских денег, посошной службы и других пошлин, "опричь городового дела". Судебный иммунитет монастыря в этом селе ограничивался только делами о "душегубстве". 10 июня 1555 г. Иван IV подтвердил эту грамоту на имя троицкого игумена Иоасафа. В подтверждение был включен сюжет о крестьянской торговле в данной вотчине. Если крестьяне в ней что-либо покупали "просебя, а не на продажу", то они освобождались от мыта и явки. Если же они торговали купленным или иным товаром, то тогда должны были платить различные таможенные пошлины. Все остальные прежние иммунитетные привилегии для села Андреевского царь подтвердил.

В середине XVI в. район вокруг села стал местом интенсивного развития разных форм феодальной собственности, что приводило к острой борьбе за землю. С целью избежать земельных конфликтов монастырские власти сразу же после получения села проводят целую серию межевых разъездов Андреевского с соседями и уточняют границы своих владений.

С переходом села Андреевского в составе уезда не короткое время под патронат уделенного князя Владимира Старицкого,

в результате обмена землини с Иваном IV 11 марта 1566 г., изменений в его статусе не наступило. Жалованной тарханно-несудимой грамотой келарю Дорофею от 1 августа 1566 г. удельный князь подтвердил прежний иммунитет Андреевской вотчины, "опричью городового дела и душегубства".

В XVI в. было проведено два писцовых описания села - в 1558 и 1593 гг. Первое из них отметило несомненно хорошее хозяйственное состояние вотчины: в селе и 36 деревнях было свыше 2 тысяч четвертей крестьянской пашни.. Кроме того в самом селе монастырь имел и свою запашку - 64 четверти пашни и 100 копен сена. К сожалению, приправочный характер списка, передающий нам текст писцовой книги 1558 г., не позволяет судить о количестве дворов и крестьянского населения Андреевской вотчины в это время.

Спустя три десятилетия картина резко изменилась. Писцовая книга 1593 г. А.Ф.Загряжского и подьячего К.Степанова показывает значительный хозяйственный упадок. К селу тянуло теперь только семь "живущих" деревень, остальные же 27 стали пустошами. В селе было всего шесть крестьянских дворов, а также жил и два бобыль, один из которых был плотником. Виной этому был хозяйственный кризис конца XVI в., вызванный длительной Ливонской войной, бедствиями опричнины.

Окончательный удар селу нанесло Смутное время с гражданской войной и иностранной интервенцией. Дозорная книга 1614 г. отметила уже полный хозяйственный упадок данной вотчины - все селения, включая и село Андреевское, запустили, были показаны пустыми и 1964 четвертей заброшенной земли. Писцовая книга 1624 г. застает ту же картину, фиксируя пустоту, "что было село Андреевское". И только с середины XVII в., уже при царе Алексее Михайловиче, начинается медленное хозяйственное возрождение села. По переписи 1678 г. в деревне Андреевской числилось 5 крестьянских дворов, где проживало 16 человек. В 1705 г. в ней было зафиксировано уже семь дворов. И лишь к концу XVIII в., когда село из монастырского превратилось в "экономическое",

оно достигло прежних размеров. Тогда в нем было 30 крестьянских дворов, где проживало 130 душ мужского и 145 женского пола.

Дальнейшие сведения о селе весьма скучны. По данным 1852 г. оно находилось в ведении Ведомства Государственных имуществ, в нем тогда значились церковь, 44 двора, где жило 27 мужчин и 216 женщин. Спустя четыре десятилетия, в 1890 г., здесь было уже 459 жителей, появилась сельская школа, попечителем которой был купец Иван Герасимович Герасимов.

Практически все население села занималось сельским хозяйством. По данным переписи 1926 г. в Андреевском было 69 дворов, где жило 384 человека, школа первой ступени, кооператив и сельсовет. Само оно входило в состав Ягунинской волости.

Осенью 1941 г. на короткий срок село было оккупировано немцами. В здешних глухих лесах действовал партизанский отряд. В бою около Андреевского был ранен командир партизан Сергей Иванович Солнцев. Не смотря на рану, он продолжал сражаться, но снова был ранен. Потерявшего сознание Солнцева захватили фашисты, пытали, но сведений о партизанах получить не смогли. Тогда у дороги в Андреевское немцы повесили командира партизанского отряда. Позднее Сергею Ивановичу Солнцеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы судьба Андреевского была такой же, как и у большинства подмосковных сел.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...
М., 1882. Вып. 2. С.24-26.

К.А.Аверьянов, М.С.Черкасова.

АФИНЕЕВО

Село Афиинеево, в современном Наро-Фоминском районе Подмосковья, хотя и упоминается впервые в известных нам источниках лишь в 1627 г., принадлежит к одним из древ-

них сел Московской области. На протяжении ХУП-ХIX вв. село носило два имени: Финеево и Афинеево (последнее название было более распространенным и окончательно закрепилось за селом в 1910-е годы). Происхождение названия села связано с легендами. Известный театровед Ю.А.Бахрушин, поселившийся здесь с матерью и отцом, основателем Театрального музея в Москве А.А.Бахрушиным, весной 1913 г., объясняет тем, что в далекой древности на месте Афинеева существовало финское поселение, от которого остались курганы, один из которых Юрий Алексеевич сам раскопал.

Однако, происхождение названия села, как и многих подмосковных поселений, носит владельческий характер. В числе бояр, подписавших первую духовную грамоту сына Дмитрия Донского – Василия I (1406/7 г.) упоминается Дмитрий Афинеевич. В составленном в середине ХVI в. Государеве родословце самых известных боярских родов лица с подобными именем и отчеством нет. Судя по разысканиям С.Б.Веселовского Дмитрий Афинеевич был представителем особого рода, ибо сыновей у него не было и его род пресекся в начале ХV в., так что столетием спустя, когда составлялся родословец, уже некому было подать родословную роспись.

Судя по всему, это был видный боярин своего времени. По данным С.Б.Веселовского он состоял через дочерей в родстве с самыми верхами московской аристократии рубежа XIU-XV вв., а около 1390-1392 гг. упоминается как боярин митрополита Киприана, участвовавший в мене последнего землями с великим князем. Со смертью в 1406 г. митрополита Киприана митропольчья кафедра на несколько лет оказалась вакантной и Дмитрий Афинеевич мог перейти на службу к великому князю, а следовательно, стать свидетелем его первой духовной грамоты.

Как видим, Дмитрий Афинеевич был довольно заметной фигурой. Несомненно, что и его отец занимал видное положение. Вероятно, он был именно тем Афинеем, у которого великий князь Иван Калита купил село во Владимирском ве-

ликом княжении. К сожалению, текст второй духовной грамоты Калиты имеет здесь лакуну, но из общего смысла этого места можно предположить, что Афиней принадлежал к числу митрополичьих бояр. Очевидно, что Афиней был человеком богатым и как тогда говорили многовотчинным. От его-то имени и получило свое название одно из его многочисленных сел, расположившееся на юго-западе тогдашней Московского княжества.

Судя по писцовой книге 1627 г. Афинеево в конце XVI в. было вотчиной Ивана Патрикевича Милокова, а после "за дочерью его за девкою Марьей". В Смутное время Афинеево превратилось в пустошь и в 1627 г. принадлежало Петру Степановичу Корсакову. "А писана за Петром Корсаковым та вотчина пустошь Афинеева по данной князя Михаила, князя Иванова сына Коркодинова, да Петра Денисьева сына Протасьева 135 (1627) году, что они дали тое вотчину за сестрою своею за девкою Марьей Ивановою, дочерью Милокова, ему Петру в приданое".

В 1646 г. Афинеево переходит к роду Протасьевых, которые владеют им более столетия. Упомянутый Петр Корсаков в 1646 г. "заложил" это, тогда еще сельцо, в котором находились: двор вотчинников, где жили 9 человек, да задворных 4 двора - 11 человек, вместе с деревней Першиной (в ней один двор бобыльский - 2 человека и три двора пустых) Петру Даниловичу Протасьеву.

Новый владелец села в конце 20-х-30-е годы XVII в. служил сначала в патриарших, а затем государевых стольниках, а в 1643 г. был отправлен воеводой в Сибирь, в Красноярский острог, где пробыл до 1647 г. Его пребывание там ознаменовалось принятием в российское подданство части бурят и построением Удинского острога. В 50-60-е годы XVII в. мы видим Протасьева в посольстве в Польшу, воеводой в украинских городах, активно участвовавшего во всех событиях, связанных с воссоединением Украины с Россией.

После его смерти в 1671 г. сельцом владел его сын

окольничий Александр Петрович Протасьев. При нем в сельце значился двор вотчинников, где жило 15 человек, и крестьянский двор с 6 крестьянами.

В 1704 г. следующий хозяин Афинеева - сын А.П.Протасьева Михаил начал строительство каменной церкви во имя Иоанна Предтечи. К этому времени в сельце в дополнение к двору вотчинников появились скотный и конюшенный дворы, а состав населения "перераспределился": скотный и конный дворы насчитывали 14 человек, вотчинный - 2, а три задворных - 5.

В 1709 г. церковь в стиле московского барокко с характерными для него наличниками окон и порталов с "разорванными" фронтонами, была построена. К концу XVIII в. к ее западной стороне пристроили портик, а на рубеже XIX вв. возвели колокольню в псевдоготическом стиле и северный портик, а также классический карниз и венчающий барабан, чем нарушили единый стиль всей постройки. В таком виде этот храм дожел до наших дней и, более того, не столь давно заново отштукатуренный в красно-кирпичный цвет с белоснежными наличниками, действует.

После смерти М.А.Протасьева селом владела его дочь Любовь Михайловна, вышедшая замуж за Петра Афанасьевича Щекова и получившая Афинеево по разделу с матерью, но в 1761 г. она продала его жене Ивана Михайловича Волынского - Анне Семеновне. В 1779 г. оно перешло к их родному внуку Захару Егоровичу Волынскому. В руках Волынских село находилось до конца XIX в. При них в усадьбе построен барский дом и разбит сад.

К концу столетия село перешло к московскому предводителю дворянства Ступишину, который благоустроил имение в соответствии со вкусами того времени: регулярный парк, каскадные пруды с искусственными островками и вычурными висячими мостиками, миловиды, беседки придавали особое очарование усадьбе.

После смерти Ступишиных Афинеево достается их дальнему родственнику, человеку достаточно известному в исто-

рии нашей культуры - писателю, художнику, географу, основателю одного из самых популярных журналов "Отечественные записки", коллекционеру Павлу Петровичу Свиньину. Петербуржец П.П.Свиньин не очень интересовался подмосковным имением и, вывезя оттуда все ценное, продал его, а усадебный дом продал на слом. С той поры, за исключением небольшого периода, владельцами Афинеева стали купцы.

Первым из них был московский перевозчик мебели Ступин. Он начал сводить лес, поставил мельницу с крупорушкой, выстроил полуузимнюю дачу, куда паведывался изредка и "гулял", оставляя после пиршеств огромное количество пустых бутылок из-под вин самых разнообразных марок, которые находили еще в начале XX-го века в лесу, в прудах и реке.

В середине XIX в. одна часть Афинеева принадлежала Мусиным-Пушкинам, другая - подпоручику Александру Сергеевичу Степанову. Здесь же находилась дача князя Голицына, занимавшая лучшую землю, из-за чего крестьянам приходилось использовать неудобные участки и они добивались перенесения территории и "составления полобовой сказки на раздел этой дачи" для "уравнительного между собою раздела".

В конце XIX в. имение приобрел купец Н.Н.Власов. К этому времени парк пришел в полный упадок. На месте старого дома Волынских новый хозяин выстроил каменный дом в стиле ампир и тут же его изуродовал двумя нелепыми вышкиами на крыше - в угоду желанию обожаемой, но безвкусной дочери. Н.Н.Власов владел усадьбой до 1913 г., когда, как уже говорилось, ее купил Алексей Александрович Бахрушин. В честь жены - Веры Васильевны Носовой - он "переименовал" Афинеево, но, понятно, в своем кругу, в "Верино". А.А.Бахрушин принял благоустраивать дом и запущенную усадьбу. Он снес безобразные башни с крыши, через год пристроил крыло к дому. Возводили въездные ворота, сооружали лестницу к реке. В имении появились птичник, скотный двор, огород, цветник, начали разводить пчел. Бахрушины рассчитывали жить здесь долго, но начавшаяся

первая мировая война и последовавшая за ней революция нарушили их планы. В ходе "великой ломки" погибли и усадебный дом, и все относящиеся к нему постройки. Уцелел лишь храм, который и сейчас нарядно смотрится на высоком берегу Десны. При церкви большое кладбище, на котором встречаются относительно старые могилы — черные мраморные надгробия купцов и купеческих жен из соседнего Т.менино. К сожалению, могила захороненного здесь в 1815 г. поэта Н.П.Николева — владельца близлежащих Горок, не сохранилась.

Сейчас Афинеево, в котором в прошлом веке был развит промысел художественной обработки дерева (и иконостас церкви был сделан, по всей видимости, местными мастерами), — обычное дачное место; покой его нарушается лишь в дни церковных праздников, когда съезжаются сюда верующие из всех окрестных селений, а порой и из Москвы. Но не только колокольный звон плывет над тихой заводью, что пониж храма, и самой Десной. Летом звуки горнов двух пионерских лагерей — "Чайка" и "Имени В. Терешковой", что расположились неподалеку, разрывают тишину мирно спящего старинного села Афинеева.

Лит.: Холмогоровн В. и Г. Исторические материалы...
М., 1886. Вып. 3. С. 95-97.

Е.И.Македонская, К.А.Аверьянов

БЫКОВО

Деревня Быково Дмитровского района расположена в 18 км севернее Дмитрова. Это небольшое, ничем не примечательное селение. С ним никогда не были связаны ни знаменательные события, ни деятельность выдающихся людей. Тем не менее оно имеет свою достаточно древнюю историю.

Наиболее ранние сведения о Быкове имеются с начала XVII в. В писцовой книге 1626 г. есть описание владений, которые числились "за Дмитровцом за Демидом Правоторховым сыном Батюшковым, отца ево поместье пустоши Быково ... да полпустоши Лодыгина...", Батюшковы владели этими

землями, по крайне мере, до конца XVII в. Сохранилась грамота 1684 г., где речь идет о спорных границах между владениями вдовы и детей Демида Батюшкова и землями московского Новоспасского монастыря в селе Орудьеве.

Судя по размерам владений, Д.Батюшков был довольно состоятельный человеком. Очевидно, он пользовался уважением своих сограждан. Об этом свидетельствует челобитная дмитровских дворян и детей боярских, которые в 1647 г. просили государя вновь назначить Демида Батюшкова губнм старостой в Дмитрове.

К началу XVIII в. все земли, которые в последующие годы входили в имение Быково, принадлежали дьяку Артемию Васильевичу Корницкому. В 1697 – 1700 гг. он упоминается как дьяк Приказа Большой Казны. В 1714 г. А.В.Корницкий продает "вотчину свою и поместье" стремянному конюху Ивану Любимову сыну Бугайскому. С тех пор и до 1917 г. имением Быково владели Бугайские.

В роду Бугайских большинство его представителей были служилыми людьми. В XVII в. они служили при государевых конюшнях. И.Л.Бугайский и один его сын Петр были стремянными конюхами, а другой сын Михаил был шталмейстером (придворный чин 5-го класса для лиц, состоящих при придворной службе). Согласно его послужному списку он в 1764 г. начал службу ротмистром, а в 1791 г. ему присвоили звание унтер-офицера. Позже он дослужился до чина подпоручика.

Сын Н.М.Бугайского Михаил Николаевич (1798–1882) служил в корпусе инженеров сообщения. "За оказанную его в службе ревность и прилежность" он заслужил чин генерал-майора. Выйдя в отставку, М.Н.Бугайский жил в своем имении и занимался сельским хозяйством. При нем в сельце по данным 1852 г. насчитывалось 10 дворов, где жило 65 душ мужского пола и 66 женского. По подворной переписи 1893 г., в Быкове уже было 20 хозяйств и в них проживало 129 человек взрослого населения. Из них были грамотными 21 мужчина и было 11 горо учащихся. До революции основным занятием жителей сельца было сельское хозяйство. Некото-

рые из крестьян жили в услужении в Дмитрове и даже в Москве, а свою землю сдавали в аренду. Но таких было всего 8 человек.

Последним владельцем усадьбы был сын Михаила Николаевича Николай Михайлович Бугайский. В конце XIX и начале XX вв. он принимал активное участие в работе уездной земской управы. Его избирали губернским секретарем, заседателем Дмитровской опеки, он был попечителем начального училища погоста "Черная Грязь" и в своей усадьбе га свои средства содержал частную лечебницу. Совместно с соседним помещиком Г.Н.Зерцаловым он владел торфяными разработками, торф с которых продавали на стекольный завод в Запрудне. Память о прежних владельцах до сих пор сохранилась в названии "Бугай - Зерцаловский торфяник".

С последним владельцем Быкова связана романтическая история. В молодости он влюбился в простую работницу, "пололку", как ее называли местные жители. Она покорила его своим голосом и песнями. Двоих сыновей от их гражданского брака Николай Михайлович, позднее женившись на Надежде Ипполитовне Неверовой, воспитал вместе со своими дочерьми. Оба сына обладали прекрасными голосами. Старший сын, Борис, стал профессиональным артистом, был солистом Большого театра и имел звание заслуженного артиста республики. Второй сын Константин жил в Вологде и работал на транспорте.

После Октябрьской революции в деревне Быково был организован совхоз. По данным переписи 1926 г. в деревне насчитывалось 40 хозяйств и 216 жителей. Позже многие жители Быкова работали на стекольном заводе в Запрудне и на ближайших торфяных разработках.

В настоящее время деревня почти опустела и сжигает только летом. От усадьбы Бугайских сохранился запущенный пруд, остатки фруктового сада, кусты сирени, да заросший фундамент господского дома.

Г.В.Буланже

ВОСКРЕСЕНСКОЕ (ПТИЧНОЕ)

Несколько подмосковных сел имеют название Воскресенское, получив имя от местного храма. Одно из них расположилось на правом берегу р.Десны, в нынешнем Наро-Фоминском районе, и в годы советской власти получило название - совхоз "Птичное".

Издавна, здесь на р. Малой Пахре (как тогда именовалась Десна) стоял погост, где существовала церковь Воскресения Христова. В период Смутного времени церковь была уничтожена. Во всяком случае, писцовая книга 1627 г. упоминает лишь пустошь на месте бывшего погоста и на нем церковное место, где прежде стоял храм. Неподалеку от погоста находилась деревушка Тетеревлево. Свое название она, очевидно, получила от живших здесь тетеревников - мелких лиц княжеской администрации, на обязанности которых лежало устройство и организация тетеревиной охоты. Охота на тетеревов на Руси всегда признавалась одной из самых интересных. Весной птицу добывали преимущественно на токовищах, где устраивались шалаши, где охотники засиживались еще ночью, дожидаясь рассвета и прилета тетеревов. Летом разыскивали тетеревинные выводки, приманивая их свистом. Осенью их ловили, заманивая специально изготовленными чучелами птиц, или облавой, вспугнув стаю и загоняя ее к поджидающему в засаде охотнику.

В конце XVI в. Тетеревлево принадлежало Федору Челантьеву, а по описанию 1627 г. уже как пустошь значилась в поместье за Прокофием Патрикевичем Бестужевым. В середине этого века Тетеревлево уже деревня и числилась за Михаилом Григорьевичем Бестужевым=Рюминым и женой его брата - Никиты Григорьевича, вдовой Аксиньей. При них в 1678 г. в Тетеревлеве было "два двора вотчинников, в них 9 человек".

После смерти Михаила Григорьевича деревня в 1687 г. досталась его сыну Петру Михайловичу Бестужеву=Рюмину. Новый владелец села оставил довольно значительный след в отечественной истории. Он родился в июле 1664 г., но с

жизни и деятельности его до начала XVIII в. мы не знаем. В 1700 г. он получил чин стольника, а в следующем году стал воеводой в Симбирске. Петр I лично знал Бестужева как человека деятельного и ловкого, и это открыло ему путь к возвышению. Убедившись в дипломатических и хозяйственных способностях Бестужева, Петр I в июне 1712 г. назначил его обер-гофмейстером и генерал-комиссаром вдовствующей герцогини курляндской Анны Иоанновны. Ее положение в Курляндии в этот момент, после кончины супруга, было весьма затруднительно, но благодаря кипучей энергии Бестужева ее положение на курляндском престоле удалось упрочить. Однако, после смерти Петра I всесильный Меншиков, в свое время сам мечтавший в курляндских герцоги, стал противодействовать Бестужеву. Последнего вызвали в Петербург для следствия по доносу. Анна Иоанновна неоднократно писала Меншикову, Остерману и другим вельможам, стараясь спасти своего любимица. Меншиков вскоре пал и, казалось, гроза для Бестужева прошла. Но его отсутствие в столице Курляндии Митаве лишило Бестужева фавора герцогини. Его место занял обер-камер-юнкер Эрнст Бирон, между прочим возвышенный самим Бестужевым, который увлекался сестрой Бирона. Новый фаворит поспешил отдельаться от покровителя-сопечника. Взойдя на русский престол, Анна Иоанновна в 1731 г. повелела сослать своего бывшего любимица на житье в дальние деревни. Ссылка продолжалась до осени 1737 г., когда ему "за верную службу сыновей" позволено было жить свободно в Москве или деревнях. Незадолго до своей смерти, в день коронации Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г., вспомнившей о старике, он был возведен в графское достоинство.

При Петре Михайловиче Бестужеве-Рюмине на землю бывшего погоста предъявил претензии московский Симонов монастырь. Дело тянулось почти четверть века и после долгих разбирательств Патриаршего Казенного приказа с властями Симонова монастыря, приписавшего себе в 1674 г. землю бывшего погоста, Бестужев стал, наконец, в 1698 г.

"вечным" владельцем спорной земли с условием, что он за два года построит на этом месте храм.

Получив с благословения патриарха Адриана камень, кирпич, известье, песок, железо и другой строительный материал, Петр Михайлович построил в 1701 г., уложившись в назначенный срок, церковь во имя Воскресения Христова. Близлежащая деревня Тетеревлево, она же Тетеркино, была соединена с погостом Воскресенское, и все это место стало называться "село Воскресенское - Тетеркино тож". Позже второе название отпало. В 1704 г. в селе значились дворы вотчинников, скотный и конюшенный, где числилось 8 человек.

После смерти Петра Михайловича принадлежавшие ему земли разделили два его сына. Воскресенское с деревней Алексеевской достались Михаилу Петровичу Бестужеву=Рюмину – действительному тайному советнику, дипломату, послу России в Стокгольме, затем в Берлине, Варшаве, Вене и, наконец в Париже, где он и умер. Детей у него не было, и брат его, Алексей Петрович Бестужев=Рюмин, крупный государственный деятель, через три года после его смерти продал Воскресенское в 1763 г. Лукьянну Ивановичу Камынину, который владел им почти до конца XIX в. При нем в 1783 г. к церкви были пристроены колокольня и паперть.

В начале XIX в. Воскресенское покупает дед известного драматурга, философа и математика Александра Васильевича Сухово=Кобылина – секунд=майор Александр Васильевич Сухово=Кобылин.

При отце драматурга, Василии Александровиче Сухово=Кобылине (1782-1873) строится тот дом в Воскресенском (и флигели), который в сильно искаженном поздними перестройками виде дожел до наших дней. Из флигелей сохранился лишь один; церковь же была разрушена в 1938 г.

Въездная аллея ведет к обращенному к югу парадному фасаду бывшего господского дома; северный фасад смотрит в парк. Несколько старых лиственниц, пихт, обездная лиловая аллея, да полузысохший один из копанных прудов –

вот все, что осталось от некогда прекрасного парка, спускавшегося к Десне. Относительно хорошо сохранились служебные постройки: двухэтажный кирпичный до управляемого, кирпичный и деревянный сараи (в кирпичном до недавнего времени находилась амбулатория).

В.А.Сухово=Кобылин, боевой офицер, участник сражений 1805, 1807, 1810, 1812 и похода 1814 гг., потерявший под Аустерлицем глаз, выйдя в отставку в чине полковника, женился на Марии Ивановне Шелевовой. Женщина неординарная - умная, образованная, экстравагантная, она сумела создать в своем московском доме литературный салон, который мог поспорить с салоном Елагиной-Киреевских, а его известные посетители нередко были и гостями в Воскресенском,

В этой усадьбе семья Сухово=Кобылиных проводила не одно лето. Самый выдающийся ее представитель - Александр Васильевич Сухово=Кобылин (1817-1903), трагичная судьба которого и приведшая к нему лишь в конце жизни заслуженная слава, "запутал" многих исследователей, написав в прошении в Московский университет (в 1834 г.), что родом он из Московской губернии, Подольского уезда. Поскольку в Московской губернии было лишь одно имение Сухово=Кобылиных - Воскресенское, большинство биографов Александра Васильевича заключили, что там он и родился. Но в автобиографии, которая хранится в ЦГАЛИ, А.В.Сухово=Кобылин написал точно место своего рождения - Москва, в приходе Харитония в Огородниках. Однако дело не в том, что Александр Васильевич родился не в Воскресенском; там он провел самые светлые дни своей молодости; туда привозил любимую женщину, нелепая смерть которой надолго очернила его жизнь, обрекла на безумные страдания. Усердно занимался там сельским хозяйством, строил стеариновый и паточный заводы, проводил химические опыты, но все его экономические, как и торговые начинания, кончались провалом. Зато успешно продвигалась литературная работа. В Воскресенском он писал и оттачивал ставшие бессмертными свои произведения; туда к нему приезжали послушать их

актеры Малого театра - Шумский, Феоктистов, Корш, Ложвицкий.

Летом 1834 г. в имении Сухово=Кобылиных жил профессор Московского университета, издатель "Телескопа" и "Молвы" Николай Иванович Надеждин, дававший уроки старшей дочери - Елизавете Васильевне, будущей плодовитой писательнице, выступавшей под псевдонимом "Евгения Тур". В тенистых аллеях парка, на берегу прозрачной Десны, под ласковым летним солнцем вспыхнула ничем потом не закончившаяся любовь между учителем и ученицей. А в 1839 г. и тоже летом такое же острое чувство испытал в Воскресенском Н.П.Огарев, приглашенный туда отдохнуть Марией Ивановой Сухово=Кобылиной, но уже к ее средней дочери - Евдокии, Душеньке. Свои чувства к этой доброй и милой девушке Николай Платонович запечатлел в цикле посвященных ей стихов, о которых она узнала, когда его уже не было в живых.

В прекрасном имении на Десне проводила летние месяцы и младшая дочь Сухово=Кобылиных - Софья, талантливая художница - пейзажистка, учившаяся под руководством академика Е.Мейера, много обещавшая, но рано умершая. Она скончалась в 1867 г. в возрасте 32 лет.

В 1857 г. Александр Васильевич Сухово=Кобылин продал Воскресенское купцу Ситникову. Позднее владельцы села часто менялись, а последним из них был Сергей Васильевич Глинский.

Вехой в истории Воскресенского уже в послереволюционное время стала организация большого птицеводческого хозяйства, которое дало взамен прежнего новое название этому месту - "Птичное". Одновременно совхоз "Птичное" занимался огородничеством и садоводством, выращивал зерновые культуры, разводил молочный скот. В 30-е годы начали проводить племенную селекционную работу: выводили породную группу высокопродуктивной яйценоской птицы, особую породу уток. Построили новые жилые дома, инкубатор; разрушили, как уже говорилось, церковь. Во время Великой

Отечественной войны в помещении инкубатора разместился военный завод. В бывшем господском доме, последняя перестройка которого, особенно его северного фасада, очевидно, проходила в 50-е годы, обосновалось правление или дирекция совхоза, работающая там и по сей день. По дороге к дому, вдоль въездной аллеи, расположились три новых корпуса санатория "Новинский" Министерства здравоохранения бывшего СССР. В недавнем прошлом вне усадьбы выстроен современный торговый центр.

Таким теперь предстает взору старинное село Воскресенское.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...
М., 1886. Вып. 3. С. 48-52.

Е.И.Македонская.

ДАРЬИНО

Село Дарьино в нынешнем Одинцовском районе расположилось между речками Шивка и Чернявка, впадающими в р. Слезню, являющуюся в свою очередь одним из многочисленных правых притоков р. Москвы.

Первое упоминание Дарьина в источниках относится к 1627 г., когда эта деревушка, "а в ней двор помещиков с деловыми людьми", принадлежала Федору Петровичу Неелову, который владел поместьем после своего отца, по вводной грамоте 1616 г. В 1651 г. им владел его сын Моисей Федорович Неелов, от которого Дарьино перешло к его двоюродному брату Семену Осиповичу Неелову, а в 1665 г. оно досталось детям последнего Луке и Корнилу. В переписных книгах 163 г. значится: "за Корнилою Семеновым сыном Нееловым деревня Дарьина, а в ней двор вотчинников, в нем один зеловек, 2 двора бобыльских, людей в них 5 человек".

После смерти Корнилы Неелова его родичи Кирилл и Альберт Васильевичи и Никита Петрович Нееловы променяли Дарьино в 1691 г. Петру Юрьевичу Бестужеву-Рюмину, от которого деревня перешла к его детям стольникам Ивану, Степа-

ну, Семену и Дмитрию. При них в Дарьине была построена церковь и оно стало селом.

Возвведение храма началось в сентябре 1698 г. после того, как было получено на то соответствующее разрешение церковного начальства. Строительный материал доставлялся из окрестных лесов, а финансирование осуществлялось за счёт средств пещников. Уже в следующем году в западной части села на возвышенном месте красовалась церковь во имя Николая Чудотворца – популярнейшего на Руси святого. Храм был деревянный, на кирпичном основании, с такой же колокольней. Один из двух приделов был сооружен в память Александра Невского. По церкви село именовалось Дарьиным, Никольским тож.

Судя по описанию 1704 г. село принадлежало Ивану Петровичу Бестужеву=Рюмину. В нем находился двор вотчинника и 2 крестьянских двора, где жило 14 человек. В 1711 г. оно, после раздела с Семеном и Дмитрием Петровичами Бестужевыми=Рюминами, было владением вдовы Степана Петровича Евфросиньи Селиверстовны Бестужевой=Рюминой с детьми Иваном и Алексеем Степановичами.

В конце XVIII в. Никольское-Дарьино принадлежало Степану Алексеевичу Бестужеву=Рюмину. В селе находились однотажный господский деревянный дом, при котором был разбит сад с плодовыми деревьями, и 12 крестьянских дворов, где проживал 121 человек.

С 1848 по 1882 г. усадьба принадлежала подпоручику Адаму Петровичу Столповскому. По данным 1852 г. в селе значилась церковь, 16 дворов и крестьян 110 человек. После его смерти усадьба досталась его вдове Елизавете Трофимовне Столповской (умерла в 1906 г.) и ее детям, старшим из которых был присяжный поверенный Московской судебной палаты Петр Адамович Столповский.

П.А.Столповский имел 12 сестёр и брата и ряду из них выделил в имении земельные наделы для сооружения собственных домов. Многое он сделал и для местных крестьян. В 1894 г. им была основана школа на 50 учеников, которая

содержалась на его средства.

Особо стоит остановиться на его попытке превратить Дарьино в подмосковный курорт. В 1885 г. в окрестностях села был открыт железисто-известковый минеральный источник. Чистая, довольно прозрачная вода с температурой 6,6° не содержала ни аммиака, ни азотных солей. Бьющие ключи выступали в нескольких местах правого берега р. Чернявки. Особенno большое их количество было сосредоточено в так называемом "бездонном бочаге". Так местные жители издавна именовали яму неправильной формы, дно которой покрывали ржавчина и черноватый ил. Вода в ней не замерзала даже в самую лютую стужу.

Московское губернское врачебное управление нашло сходство воды с известными заграничными источниками, используемых для лечения малокровия, неврастении и истощения организма от переутомления. Ближе всего по химическому составу подмосковный источник стоял к минеральной воде курорта Морица (Швейцария). В виду меньшего содержания двууглекислой закиси железа Дарьинская минеральная вода оказалась не столь труднопереваримой для организма, как воды Шальбаха в Пруссии и Спа в Бельгии.

Анализ воды, произведенной в 1888 г. профессором Московского университета А.П.Сабанеевым, позволил прийти к выводу, что Дарьинская вода по ряду показателей превосходит лучшие российские слабошелочные источники - Липецкие, Кургинские, Железноводские, Березовский, Полистровские и другие.

Красивая окружающая природа, здоровый климат, близость Москвы и удобство сообщения с нею по железной дороге и шоссе обещали хорошую будущность источникам. Ими могли пользоваться лица, привязанные текущими делами к Москве, и те, кто не мог себе позволить больших денежных затрат на поездки для лечения к дальним минеральным источникам.

Летний лечебный сезон длился с I июня по конец августа. Сперва здесь в разных частях имения имелось 7 пла-

тных дач с "полным пансионом" (чаем, едой и прочим), рас- считанным на 30 человек. Затем в начале века появился не- большой пансионат. Отдыхающие пользовались минеральными ключами, над которыми был сооружён деревянный павильон. Общее количество воды, вытекающее из водоёма "бездонный бочаг" достигал 8000-10000 вёдер в сутки.

В поместье Столповских было наложено также производ- ство" минеральной воды. Ею заполняли стеклянную тару и закупоренные ёмкости везли на телегах в первопрестольную столицу. Одно время в московских аптеках продавалось до 1000 бутылок с Дарьинской минеральной водой.

С осени 1905 г. на площади в 50 десятин началось со- оружение курортного посёлка "Новинка". Для индивидуальной застройки были выделены участки размером от 300 до 2700 квадратных сажен. Владельцы имения отвели землю под парк, пруды, аллеи, проезжие дороги и другие места общественно- го пользования. Поднялся вопрос о сооружении на р.Мос- кве купальни, куда транспорт за определённую плату дол- жен был доставлять всех желающих.

Однако начавшаяся революция 1905 г. и последовавшие за ней войны не позволили реализовать в жизнь намеченные планы. Вопрос о разработке Дарьинских минеральных источ- ников был вновь поднят в конце 1930-х гг. Однако, и на этот раз свои корректиды внесла война.

По данным переписи 1926 г. в Дарьине считалось 52 двора, где жило 218 человек. После революции здание школы какое-то время использовалось под избу-читальню, и лишь позднее в нем возобновились занятия начальных классов. В середине 1960-х гг. из-за аварийного состояния школа была закрыта. Возводить новую было признано нецелесообраз- ным, т.к. в других селах посёлку имелись свои школы.

После революции уездные власти предпринимают выселе- ние бывших помещиков из их домов - это было предписано сделать и Столповским, но крестьяне воспрепятствовали эпо- му мероприятию, т.к. Столповские за свои личные качества пользовались среди них большим уважением. Крестьянское

общество на своём сходе постановило принять барскую семью в крестьянское сословие и бывших дворян представители новой власти оставили в покое. В период коллективизации Столповские добровольно вступили в колхоз, передав имевшиеся у них земли, скот и хозяйственное постройки в общественное пользование.

Во второй половине 30-х гг. Дарьинская церковь разделила судьбу многих сельских культовых сооружений. Здание разбирается и в виде строительного материала продаётся на нужды звенигородскому санаторию. Иконы крестьяне разобрали по домам, а ящик с церковной утварью передали в сельский совет. В настоящее время на месте бывшей церкви возрождённая христианская община намерена воздвигнуть часовню.

Дарьино не раз посещали многие деятели отечественной культуры. В летние месяцы 1925 и 1926 гг. здесь отдыхал К.С.Станиславский. Режиссер Г.В.Кристи, вспоминая о приезде Станиславского в Дарьино и его участии в организации детского любительского спектакля в поселке, писал: "Это было в 1925 г. Константиф Сергеевич Станиславский приехал сюда с семьей и с маленькой внучкой... Здесь... он надеялся отдохнуть от двух осаждавших его театров и многочисленных московских посетителей. С момента его приезда дети ходят за ним толпой, сперва незаметно, на почтительном расстоянии, потом все ближе и ближе. Всем хорошо известно, что Станиславский не отдыхает, как другие, а что-то пишет, что он гуляет по утрам и пьет чай на балконе в четыре часа. Во время прогулки он подходит к играющим детям, узнает о том, как они играют и как их зовут. Поэтому ребятишки с плакатами о спектакле, чувствуя себя знакомыми со Станиславским, зашли к нему без особых церемоний... На следующий день мы с волнением ждали Станиславского на репетицию и принесли в рощу соломенное кресло. Станиславский не обманул наших ожиданий: он явился сияющий и строгий, без всякой тени иронии или снисхождения. Раз это для нас было настоящим театром - значит, и для него тоже".

В Дарьине последние годы своей жизни провел известный русский ученый, профессор Московского университета С.Г.Григорьев. Крупный географ-путешественник, он в 1901 г. участвовал в экспедиции А.П.Федченко на Памир, занимался обследованием полуострова Канин, озера Имандря, Кавказа, вел педагогическую работу. Здесь отдыхали актер В.И. Качалов, исследователь Центральной Азии П.К.Козлов, поэт Е.А.Долматовский. После приобретения в 1934 г. у А.П.Столповского его дома в нем до 1959 г. жил известный зодчий И.В.Жолтовский.

В 60-е годы территория, предназначавшаяся для посёлка "Новинка", была отдана под дачи академиков, писателей и артистов. Впоследствии это поселение получило наименование "Ново-Дарьино". В настоящее время в нём насчитывается 280 дач, в то время, как в "Старо-Дарьино" - 45 домов.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1886. Вып.3. С.117-118; Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание сёл Дарьина-Никольского и Назарьева (Звенигородского у., Московской губ.) и их храмов с приходом. С приложением краткого историко-медицинско-топографического обзора Дарьинских (Подмосковных) железисто-минеральных вод. М., 1901; Описание вновь устраиваемого подмосковного села "Новинка" Московской губ. Звенигородского уезда при селе Никольском-Дарьино тоже владения Петра Адамовича Столповского. М., 1906; Миловидов М.А. Дарьинские (подмосковные) железистые минеральные воды. М., 1898.

И.И.Попов

ЕРШОВО

Село Ершово к северу от Звенигорода имеет многовековую историю. В 1454 г. великий московский князь Василий Васильевич Темный отдал своему союзнику князю Василию Ярославичу целиком Звенигородский удел, "oprочь Ершовского села", которое великий князь обменял вдове кн. Андрея Ивановича и ее сыну Дмитрию. На протяжении последующих полутора веков Ершово упоминается в источниках как двор-

цовое село удельных князей, а затем царей.

В начале XVII в. оно было пожаловано в вотчину "за московское осадное сиденье в кортежевичев приход" Ивану Андреевичу Лехову. В годы Смутного времени село, расположеннное на большой дороге, сильно пострадало и, судя по описанию 1624 г., в нем числилось 20 крестьянских и боярских дворов с 23 жителями, и 15 пустых "мест дворовых крестьянских, а крестьяне побиты в разоренъ". Вскоре Ершово было куплено боярином Михаилом Михайловичем Салтыковым, в роду которого находилось свыше столетия.

Новый владелец села был довольно видной фигурой середины XVII в. и, благодаря родству с матерью царя Михаила Романова, пользовался при дворе значительным влиянием. Используя свое положение, именно он стал главным виновником интриги, жертвой которой стала в 1616 г. первая невеста молодого царя Михаила Федоровича - Мария Ивановна Хлопова. Будучи уже официальной невестой царя, Хлопова заболела - ее "рвало, и ломало нутро, и опухоль была". По мнению ее дяди Гавриила Васильевича Хлопова болезнь приключилась от неумеренного употребления сладкого. Несмотря на благоприятные отзывы врачей и на то, что она вскоре выздоровела, Салтыков, которому был поручен общий надзор за лечением, объявил, что болезнь Хлоповой неизлечима, ее сослали в Тобольск и только в 1621 г. перевели в Нижний Новгород. Царь между тем не покидал мысли жениться на прежней невесте. К тому же в Москве стало известно, что Хлопова совершенно здорова. Дело было по совету отца царя патриарха Филарета поднято вновь. По объяснению Гавриила Хлопова Салтыков устроил эту интригу из вражды к нему, после того, как они однажды в присутствии царя присмотре Оружейной палаты крупно поссорились. За эту проделку Салтыков с братом подверглись опале и были высланы из Москвы. Несмотря на то, что Филарет был за брак с Хлоповой, царю не пришлось привести в исполнение свое желание. Резко воспротивилась мать царя, объявившая, что не потерпит, если Хлопова будет царицей, и сын был вынужден,

скрепя сердце, подчиниться. Вскоре после смерти Филарета Салтыков был возвращен из ссылки, а через несколько лет получил чин боярина.

В 1662 г. Ермово досталось его сыну Петру Михайловичу Салтыкову. Боярин, видный администратор в торой половины XVII в., он был одним из наиболее близких лиц к царю Алексею Михайловичу. В 1662 г. он управлял Галицкой четью, а вскоре получил в свое ведение важный Малороссийский приказ. Будучи ярым противником патриарха Никона, он стал во главе следственной комиссии для расследования "всяких вин" патриарха, присутствовал при окончательном приговоре суда над ним. При Петре Михайловиче в Ермове по переписи 1678 г. значилось уже 40 дворов, где проживало 129 человек. Под конец своей жизни ему пришлось пережить личную трагедию. 15 мая 1682 г. во время мятежа стрельцы по ошибке убили его сына стольника Федора Петровича, которого приняли за Афанасия Кирилловича Нарышкина. Убедившись в этом, они отвезли тело убитого к отцу с извинениями. Старик отвечал: "Божья воля!", и велел угостить убийц вином и пивом. Он умер в июле 1690 г. По свидетельству современников, хваливших его за редкое благородство и непоколебимую верность, он был ровестником и очень любим царем Алексеем Михайловичем.

В 1691 г. после Петра Михайловича Салтыкова село перешло к его малолетним внукам Василию и Алексею Федоровичам Салтыковым. В 1702 г. был произведен между ними раздел и Ермово досталось Алексею. При нем в 1706 г. в селе значилось 49 дворов и 171 человек. После смерти Алексея Федоровича в феврале 1712 г. его вдова Настасья Михайловна уступила село деверю и оно вновь оказалось у Василия Федоровича Салтыкова. Его карьера складывалась удачно. При императрице Анне Иоанновне он был генерал-адъютантом, петербургским генерал-полицмейстером и сенатором. Во время кратковременного правления малолетнего Иоанна Антоновича был пожалован в генерал-аншефы, а в день венчания на престол Елизаветы Петровны получил Андреевскую ленту.

Он умер в 1755 г. 80-ти лет отроду.

По наследству Ершово досталось его третьему сыну Сергею Васильевичу Салтыкову. Он практически не занимался селом. При Елизавете Петровне он служил камергером, затем был посланником в Гамбурге и Париже, где и скончался, в чине генерал-поручика.

В 1764 г. Ершово было дано в качестве приданого за его сестрой Марией Васильевной, вышедшей замуж за Адама Васильевича Олсуфьева, действительного тайного советника, статс-секретаря императрицы Екатерины II. По воспоминаниям современников Олсуфьев был человеком очень умным, общительным, не принимавшим активного участия в интригах. Любя спокойную и привольную жизнь, при веселом характере и остроумии, он посвящал свой досуг музыке, театру, литературе. Прекрасно владел шестью европейскими языками, он хорошо знал иностранную литературу и переводил много пьес и комедий, которые нередко ставились при дворе. Мария Васильевна пережила мужа на восемь лет и скончалась в ноябре 1792 г.

Село досталось ее сыну Дмитрию Адамовичу Олсуфьеву, действительному статскому советнику и московскому губернскому предводителю дворянства. При нем в селе числилось 39 дворов с 372 жителями. Но настоящий расцвет усадьба переживает при его сыне Василии Дмитриевиче Олсуфьеве. Будучи 17-летним молодым человеком, в сентябре 1813 г., по окончании Пажеского корпуса, он становится гусаром и участвует в заграничных походах русской армии. По возвращении в Россию, он в январе 1820 г. оставляет военную службу и в течении двадцати лет служит на разных выборных должностях в Московской губернии. В 1828 г. он был избран звенигородским уездным предводителем дворянства. В 1830 г. он был пожалован в камергеры, а в 1836 г. в церемониймейстеры. В 1839 г. он был назначен московским гражданским губернатором. Все это требовало известного представительства и он в середине 20-х годов XIX в., после смерти отца приступает к перестройке усадьбы. В 1826 г. закладывает-

ся церковь. В 1829 г. ее строительство заканчивает архитектор из крепостных крестьян А.Г.Григорьев, ученик Д.И. Жилярди. Она считалась одной из лучших усадебных церквей Подмосковья. По церкви село получило и второе название - Троицкое. В 1837 г. было завершено строительство усадебного комплекса. Но в 1840 г. он переводится на должность гофмаршала двора цесаревича Александра Николаевича и с тех пор до конца жизни состоял на придворной службе, где в 1856 г. получил графское достоинство. После его смерти в феврале 1868 г. имение перешло к его сыну графу Алексею Васильевичу, который владел им вплоть до начала XX в. В 1901 г. в Ершово уже было 71 двор и 431 житель.

В советский период история села была такой же, как и у других окрестных селений. В усадьбе был создан дом отдыха. В годы Великой Отечественной войны Ершово оказалось на линии фронта. Немцы, захватив село на очень короткое время, сожгли его, а церковь была взорвана вместе с запертными в ней ранеными бойцами и жителями села. После войны на месте церкви был воздвигнут памятник погибшим воинам, село заново отстроено, восстановлено здание усадьбы, где снова разместился дом отдыха.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1882. Вып.2. С. II2-II4; Виноградов Н. Историческая заметка о селе Ершово Звенигородского уезда Московской губернии // Московские церковные ведомости. 1901. № 20. С. 252-256.

К.А.Аверьянов.

ЗНАМЕНСКОЕ

Село Знаменское, расположенное на высоком правом берегу р. Москвы, близ владения в нее Истры, первоначально называлось Денисовым или Денисьевым. Первые сведения в источниках сохранились о нем в разъезжей грамоте 1504 г., где упоминается "селцо Денисовское, что за Ермолово за дьяком". Следующее упоминание о нем находится в писцовой книге 1584 г. Судя по ней, в середине XVI в. сельцо Денисево было в поместье за Грязным Андреевым сыном Иващкова и

дьяком Иваном Михайловым. В 1584 г. оно оказалось вотчиной дьяка Андрея Яковлевича Щелкарова.

Щелков происходил из малоизвестного рода, но несмотря на происхождение, он вместе с братом Василием достиг изумительного влияния на государственные дела в последней четверти XVI в. и на протяжении своей почти полувековой службы исполнял различные должности, управляя иногда несколькими приказами одновременно. Впервые в документах его имя встречается около 1550 г., но первые годы ничем не выделяется. Звезда Щелкова взошла с опричниной. В 1564 г. он участвует в дипломатических переговорах с немцами и литовцами, выполняет другие дипломатические поручения, в 1569 г. мы видим его уже главой Разрядного приказа, а некоторое время спустя — Посольского приказа, т.е. руководителем всей русской внешней политики. Венцом карьеры Щелкова был последний период правления Ивана Грозного и царствование его сына Федора. Вот его характеристика словами современника — голландца Масси: "Кроме Бориса (Годунова — Авт.), от которого зависели все дела государственные, в Москве имел такое значение дьяк Андрей Щелков, человек необыкновенно проницливый, умный и злой. Борис, считая его необходимым для управления государством, был очень расположен к этому дьяку, стоявшему во главе всех прочих дьяков в целой стране. Во всех областях и городах ничего не делалось без его ведома и желания. Не имя покоя ни днем, ни ночью, работая как безглазый мул, он был еще недоволен тем, что у него мало работы, и желал ее еще больше. Борис не мог достаточно надивиться его трудолюбию и часто говорил: "Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, что весь мир был бы для него мал. Ему было бы прилично служить Александру Македонскому". С ним были согласны и русские современники, например, дьяк Иван Тимофеев.

Отношения Щелкова с Годуновым долгое время были прекрасными, но в начале 1590-х годов у них наметились разногласия по вопросам внешней политики, в частности,

об отношениях с Англией. Весной 1594 г. он уходит в отставку. По мнению историка С.Ф.Платонова, ее действительной причиной явилось то обстоятельство, что Щелкалов, хотя и был другом Годунова, но когда Борис обнаружил явные стремления занять престол после смерти Федора, Щелкалов резко воспротивился этому. Отойдя от дел, где его заменил брат Василий, он принял иночество под именем Феодосия и вскоре после этого умер, приблизительно в 1597 г.

По описанию 1584 г. при нем в Денисьеве считалось 6 крестьянских дворов и еще три двора стояли пустыми. В последующие годы о нем сведений нет вплоть до 1623 г., когда Денисово принадлежало Томиле Луговскому, думному дьяку в царствование Михаила Романова.

В 1646 г. селом владел его близкий родич Алексей Иванович Луговской. При нем в Денисове числился двор вотчина, 24 крестьянских двора, где проживало 43 человека. Новый владелец села был довольно заметной личностью своего времени. В 1646 г. в числе четырех дворян он был послан в Швецию к королеве Христине. Через четыре года его направляют во Псков, где он участвует в подавлении народного восстания. Во время церковных преобразований середины XVII в., он активно поддерживал сторону патриарха Никона, за что и поплатился. В 1654 г. во время волнений в Москве по поводу морового поветрия его дом был разграблен сторонниками раскола. После этого времени его имя в документах не упоминается и он видимо, вел жизнь частного человека. В историю же он вошел как автор сочинения о суде над патриархом Никоном.

По переписи 1678 г. Денисово принадлежало уже Кирилу Полуектовичу Нарышкину. При нем в селе был двор вотчикников и двор скотный, людей в них 5 человек и десять дворов крестьянских, в них 40 человек. Сам по себе он не представлял видной фигуры, сумев к началу 60-х годов XVII в., на сороковом году жизни, дослужиться лишь до второго воеводы в Казани. Но брак его дочери Натальи Кирилловны с царем Алексеем Михайловичем резко переменил его судьбу.

Вызванный в Москву, он присутствовал на свадьбе дочери, занимая одно из наиболее почетных мест, и тотчас же получив многочисленные награды. В 1671 г. он был сделан думным дворянином, а в 1672 г., в день рождения царевича Петра, был пожалован в окольничие и получил большие поместья, а через несколько месяцев стал боярином. Впрочем, выдающейся роли в политической жизни государства он не играл, лишь изредка оставаясь "ведать Москву" во время отъездов царя Алексея Михайловича на богоомолья по монастырям и окрестным селам. При царе Федоре, из-за происков родичей первой жены царя Алексея Милославских, он вообще отошел от всяких дел. Во время стрелецкого бунта 1682 г. ему пришлось пережить очень тяжелые дни, когда погибли его сыновья, а он сам, по требованию стрельцов, был пострижен под именем Кирилана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. После воцарения своего внука он мог вернуться и даже иметь снова значение при дворе, но он уже был слишком стар и не пожелал покинуть монастыря, где и умер в апреле 1691 г.

После пострижения Кирилла Полуектовича в 1682 г. Денисово перешло к его жене Анне Леонтьевне и сыну Льву Кирилловичу. Во время стрелецкого мятежа, едва спасшись от смерти, он был вынужден отправиться в ссылку, но довольно скоро вернулся в Москву. После устраниния от власти царевны Софьи, пользуясь расположением родной сестры царицы Натальи Кирилловны, он занимает одно из первых мест среди руководителей государства. В 1697 г. он входил в совет из четырех бояр по управлению страной, созданный на время первой поездки Петра I за границу.

При Кирилле Полуектовиче в селе была построена Знаменская деревянная церковь и с последней четверти XVII в. село начинает носить двойное название - Денисово=Знаменское. По переписным книгам 1704 г. село принадлежит уже князю Борису Ивановичу Прозоровскому (очевидно оно перешло к нему в качестве приданого). В селе числилась тогда деревянная церковь, боярский двор, скотный двор, где бы-

ло 13 человек, и двенадцать крестьянских дворов, в них 66 человек. Он был сыном астраханского воевода Ивана Семеновича Прозоровского и в 1670 г. шестнадцатилетним юношей находился при отце с матерью. Летом 1670 г. Астрахань была взята Степаном Разиным, а тяжело раненный воевода обретен с городской башни. В середине июля Разин уже собрался было покинуть город, когда ему донесли, что у воеводы были богатства. Когда к атаману привели Бориса Прозоровского, на вопрос Разина - где таможенные деньги, собиравшиеся с торговых людей, молодой князь сказал, что его отец "никогда этими деньгами не корыстовался". И в доказательство своей правоты разъяснил порядок следования таможенных сборов и добавил, что они пошли на жалование служилым людям, а личное имущество отца было разграблено во время взятия города. В конце XVII в. он был уже боярином и постоянно сопровождал соправителя Петра I - царя Ивана в его поездках по монастырям. В 1719 г. он, будучи бездетным, завещал все свои подмосковные владения императрице Екатерине I, которая в 1728 г. пожаловала Знаменское-Денисово цесаревне Елизавете Петровне, будущей императрице, за которой село оставалось до начала 40-х годов XVIII в. В 1742 г. оно было пожаловано графу Алексею Григорьевичу Разумовскому. Судьба его была характерна для "людей в случае". Он родился в семье черниговского "реестрового" казака Григория Розума, получившего прозвище за то, что в пьяном виде любил произносить поговорку "что то за голова, что то за разум". Мальчиком Разумовский пас общественное стадо, но у него рано проявилась страсть к учению и пению. В 1731 г. через соседнее село проезжал один из придворных полковник Вишневский. Он услышал в церкви чудный голос двадцатидвухлетнего Алексея Розума и взял его в Петербург, где тот был принят в придворный хор. Там его увидела и услышала цесаревна Елизавета Петровна, пленившаяся его голосом и наружностью - он был красавец в полном смысле слова. С этого времени началось его быстрое возвышение. Он получил должность управляющего имениями Елизаветы, а в короткое

правление Анны Леопольдовны был сделан камерюнкером. В перевороте 1741 г. в пользу Елизаветы он играл очень видную роль и был пожалован в поручики лейб-компании, с генеральским чином. После коронации государыни Разумовский получил целый ряд подарков, а осенью 1742 г. в подмосковном селе Перове состоялся тайный брак Елизаветы Петровны с Разумовским. Значение его после этого окончательно упрочилось: на него смотрели как на супруга императрицы, которая во время его болезни обедала в его комнатах, смежных с ее собственными апартаментами. Это исключительное положение он сумел удержать до самой смерти государыни, хотя в последние годы место фаворита занял И.И.Шувалов. Умирая, Елизавета Петровна взяла с наследника престола Петра Ш обещание, что он не будет обижать Разумовского. После смерти Елизаветы Алексей Григорьевич поселился в своем Аничковом дворце. Вступив на престол, Екатерина II послала к нему канцлера Воронцова с указом, в котором ему давался титул высочества, как законному супругу покойной государыни. Разумовский вынул из потайного ларца брачные документы, прочитал их канцлеру и тут же бросил их в топившийся камин, добавив: "я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих... теперь вы видите, что у меня нет никаких документов". Екатерина II, когда Воронцов доложил о происшедшем, заметила: "Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало, хотя бы и для усилеия боязливой совести. Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного ему самоотвержения".

При Алексее Разумовском в Знаменском в 1769 г. была построена кирпичная церковь, сохранившаяся до сих пор. После его смерти в 1771 г. село перешло к его брату Кириллу Григорьевичу, который в 1779 г. продал село Ивану Ивановичу Шувалову. Последний фаворит императрицы Елизаветы Петровны, основатель (вместе с М.В.Ломоносовым) и куратор

Московского университета, он купил Знаменское в память о покойной государыне. После его смерти в 1797 г. село перешло к его родной сестре Прасковье Ивановне, которая была замужем за генерал-поручиком князем Николаем Федоровичем Голицыным. После нее в 1802 г. селом стал владеть их сын князь Федор Николаевич Голицын, тайный советник, оставивший любопытные "Записки", в которых говорится о его дяде И.И.Шувалове, после которого и он сам был куратором Московского университета. После его смерти в 1827 г. Знаменское досталось его сыну князю Михаилу Федоровичу Голицыну, почетному директору московской Голицынской больницы, одно время звенигородскому предводителю дворянства.

При нем в 1852 г. в селе было 50 дворов, где проживало 157 мужчин и 188 женщин. С каждым годом Знаменское росло, здесь строились добрые дома, а само оно входило в состав Перхушковской волости Звенигородского уезда. В нем разместились кустарные ремесленные заведения, в которых в начале XX в. трудилось до 90 рабочих.

15 декабря 1918 г. в Звенигороде состоялся I-й уездный съезд Советов. В состав первого исполнкома уездного Совета был избран житель села Знаменское Иван Алексеевич Шнырев. Он возглавил земельный отдел исполнкома, вся семья его переехала в Звенигород.

В 1919 г., с началом Гражданской войны И.А.Шнырев уехал в Петроград, где участвовал в сражениях за советскую власть. В одном из боев получил тяжелое ранение и умер от ран II ноября 1919 года. Его жена Татьяна Даниловна, похоронив мужа, вернулась в Звенигород, где была заведующей детским домом, организованным для сирот. Не хватало хлеба, одежды, она растила сирот и своих двоих детей. Затем вся семья Ивана Шнырева вернулась в Знаменское, где продолжала работать в созданном здесь колхозе "Рассвет". В память о И.А.Шныреве в Звенигородском уезде 20-30-х гг. существовала Ивано-Шныревская волость, его именем названы улицы в Звенигороде и истре.

В 20-30 годы в стране создавались колхозы и различные

артель. Такая артель была создана и в с. Знаменском. Объединились кустари, начали выпускать различные издания: скобяные и промышленные товары для народа, курильные трубы высшего класса, замки, петли, ведра. В Знаменском жил дружный трудовой народ. Хорошо было поставлено и сельское хозяйство. В селе был организован свой детский сад, ясли, построена баня, работала изба-читальня, амбулатория, открыта школа.

С началом Великой Отечественной войны мужчины ушли на фронт, женщины заменили их на всех участках работы. В Киевском районе Москвы создавалась 21-я дивизия народного ополчения, многие добровольцы этой дивизии были жители села Знаменское. В конце сентября 1941 г. они встретились с врагом под Ельней. Враг был остановлен у стен столицы. В составе 21-й дивизии участвовали добровольцы из Знаменского: Сергей и Алексей Тюльневы, братья Шныревы - Михаил и Николай, Е.Е.Бовин, М.Д.Бовин, Ф.В.Козлов, А.А.Бессуднов, С.Е.Милушкин, А.С.Лихачев, И.Г.Галицкий и многие другие. К концу войны в село не вернулось около 70 жителей Знаменского. Их знали всех поименно. На домах, где жили погибшие воины были укреплены специальные памятные доски с указаниями имен погибших.

Однако у жителей села была мысль о создании памятника, с указанием имен всех погибших. В конце 1960-х годов в селе поселился инженер-полковник в отставке Василий Автономович Гулков. Он выполнил чертеж памятного знака, согласовал его в отделе архитектора и получил разрешение на его сооружение. Побывал на предприятиях Одинцовского района, в войсковых частях, на приеме у комиссара РВК - всюду просил помочь в строительстве мемориала. А когда потребовались средства - отдал свои сбережения. Мемориал был торжественно открыт 23 февраля 1968 г. В.А. Гулков, создатель памятного знака, скончался 25 сентября 1981 г., имя его чтут в селе.

Сегодня в Знаменском находится скотоводческая ферма

совхоза "Горки-2-е". Здесь для неё оборудованы специальные помещения, есть кормоцеха, а вокруг села на сочных лугах в летнее время проходит выпас совхозного стада.

Ныне Знаменское превратилось в место отдыха. Здесь строятся современные многоэтажные дачи и коттеджи. У берегов Москвы-реки раскинулись "дикие" пляжи.

В центре села сохранилось красивое кирпичное здание бывшей артели металлистов. Рядом с ним расположилась церковь Знамения Пресвятой Богородицы. Долгие годы здание использовалось под зернохранилище колхоза и как складское помещение. Внутренности церкви были разграблены. Она дважды горела от пожаров, устроенных во время съемок фильма "Дворянское гнездо", снимавшегося Мосфильмом в конце 1980-х годов. Помогли тому же и местные мальчишки. Только в 1990 г. усилиями верующих было принято решение о реставрации церкви. Появился и настоятель - отец Илья, который организовал службу и выполняет все обряды.

Лит.: Колмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1886. Вып. 3. С. 65-37.

К.А Аверьянов, А.А.Пузатиков.

ИСЛАВСКОЕ

Село Иславское, к востоку от Звенигорода, относится к числу древнейших поселений Подмосковья. Археологическими исследованиями на восточной окраине современного села были обнаружены следы поселения с лепной керамикой, относящегося к "дымковской" культуре и датируемого серединой-концом первого тысячелетия нашей эры. Впоследствии место запустело и было вновь занято поселением в XI-XIII вв. К этому времени относится и курганская группа на берегу р.Москвы, в 1,5 км от села. С этого времени жизнь здесь не прекращалась.

В письменных источниках село, с названием Воиславское, впервые упоминается в 1358 г., в завещании Ивана Красного, и с тех пор на протяжении двух с половиной столетий наход-

дилось в числе дворцовых сел. Название села имеет антропонимический характер и происходит от древнерусского имени Воислав. Но выяснить - кем был этот человек, не представляется возможным.

Целая серия сохранившихся хозяйственных документов первой трети XVI в. рисует Иславское центром обширной округи деревень и починков, находящихся во владении звенигородских удельных князей, и раскинувшейся вдоль течения р. Москвы.

В Смутное время Иславское попадает в полосу военных действий, а в 1613 г. в нем размещался литовский отряд королевича Владислава. Вскоре после этого, в 1620 г. село отдается в поместье братьям стольникам Борису и Глебу Ивановичам Морозовым. По описанию 1624 г. в селе числился помещичий двор, два двора приказчиков, два двора людских и 39 крестьянских дворов, где жило 54 человека. В 1636 г. село было продано его владельцам из поместья в вотчину.

Морозовы были людьми многовотчинными - в том же Звенигородском уезде им принадлежал целый ряд сел, и близкими к престолу. Борис Иванович был "дядькой", воспитателем и другом царя Алексея Михайловича. С восшествием его на престол он стался главным руководителем в управлении страной, возглавлял важнейшие приказы, был непременным членом всех совещаний царской думы и еще более сблизился с царем, женившись на родной сестре царицы Милославской.

Естественно, что руководя страной, Морозов не забывал и о своем личном благополучии. В 1654 г. после воссоединения Украины с Россией началась русско-польская война. При выступлении в поход царь пожаловал своего воспитателя высшим военным званием - дворовым воеводой, начальником над "полком государевым". Используя свое положение, он вывез в свои вотчины крестьян белоруссов, дал им ссуду и постарался закрепить их за собой. В 1657 г. он был челом царю, чтобы "пожаловал государь - велел тех

ево крестьян с женами, и с детьми переписать с рожей и в приметы и в лета и написать в книги за ним". В одном только Иславском их оказалось 47 человек.

После смерти боярина Глеба Ивановича Морозова половина села в 1663 г. досталась его вдове Федосье Прокофьевне (знаменитой раскольнице) и сыну Ивану Глебовичу. Через два года умер и Борис Иванович Морозов, а в 1668 г. его вдова Анна Ильинична свою часть Иславского отдала племяннику Ивану Глебовичу. Село снова оказалось в одних руках, но Иван Глебович умер бездетным и был последним в роде. Село, как выморочное владение, вновь становится дворцовым, а в 1682 г. было пожаловано вдове боярина Матвея Васильевича Апраксина Домне Богдановне и ее детям стольникам Петру, Федору и Андрею Матвеевичам Апраксиным. Спустя три года Домна Богдановна уступила свою часть села детям, а в 1687 г. в результате семейного раздела половина Иславского досталась Андрею, а другая половина - Федору.

Федор Матвеевич Апраксин был одним из сподвижников Петра I. В 1682 г., девятнадцатилетним юношей, он был пожалован в стольники к Петру, затем участвует в его потешных войсках, сопровождает царя в поездке в Архангельск и в плавании по Белому морю, в 1693 г. назначен архангельским губернатором, где четыре года строит флот. В дальнейшем мы видим его в Азове, Воронеже, где он также строит суда, а 1708 г. застает его главнокомандующим в Ингрии, где он громит шведов. За это он был возведен в графское достоинство. Позднее он управляет флотом и морским ведомством, одерживает в 1714 г. знаменитую победу под Гангутом. Брат Федора Андрей сделал карьеру во многом, если не полностью, благодаря брату и дослужился до чина обер-штенка.

В 1713 г. Федор Матвеевич уступил свою половину брату. Андрей Матвеевич Апраксин владел селом вплоть до своей смерти в 1751 г. После него оно досталось его сыну Фе-

дору Андреевичу. Новый владелец села был женат на внучке первого русского фельдмаршала, графине Александре Михайловне Шереметевой, при Анне Иоанновне был пожалован в 1733 г. в камергеры, а в 1744 г., уже при Елизавете Петровне, произведен в генерал-поручики. После его смерти в 1754 г. Иславское досталось его четырем сыновьям и двум дочерям, а через два года при разделе общего владения стало собственностью третьего сына Михаила Федоровича Апраксина.

Сохранилось описание села 1768 г. В нем тогда была деревянная церковь, три улицы, площадь, помещичья усадьба, стояло 58 дворов, где проживало 250 крестьян мужского и 104 женского пола. В 1779 г. граф М.Ф.Апраксин продал село вдове Ивана Ивановича Дурново Пелагее Павловне, которая вскоре заложила его жене Ивана Петровича Архарова Анне Яковлевне, за которой имение было утверждено Вотчинной коллегией в 1780 г.

После ее смерти Иславским владел ее муж генерал-инфanterии Иван Петрович Архаров, один из богатейших людей России того времени, богатство которого оценивалось в полтора миллиона рублей. По описанию конца XIX в. в Иславском стоял деревянный двухэтажный господский дом со службами, при котором был разбит "регулярный" сад. В селе числилось 77 дворов, 264 души мужского и 251 женского пола, деревянная церковь великомученика Георгия, другая же, каменная, только выкладывалась. Окончательно она была построена в 1799 г. архитектором круга М.Ф.Казакова.

После смерти И.П.Архарова, последовавшей 16 февраля 1815 г., Иславское наследовала его дочь Мария, состоявшая в браке за обер-прокурора Сената Захаром Николаевичем Постниковым. В делах, составленных по этому наследству, упоминается, что в Иславском числилось 256 душ крестьян мужского пола. Позднее село перешло к его сыну титулярному советнику Ивану Захаровичу Постникову. При нем в 1852 г. в селе значились церковь, 41 двор, 213 душ мужского и 215 женского пола.

Вскоре он уступил усадьбу коллежскому секретарю И.Д. Дорис-Меликову, который владел ею полтора десятилетия, а в 1867 г. она была продана с торгов полковнику И.В.Лихачеву, тут же уступившего ее потомственному почетному гражданину И.О.Сушкину, после смерти которого ему наследовала его вдова Татьяна Ивановна. При ней в 1890 г. в Иславском значилось 172 жителя, усадьба и начальное училище, попечительницей которой была владелица усадьбы.

После нее во владение имением вступил ее внук М.И. Алексеев. Им в 1902 г. для повышения рентабельности хозяйства был устроен конный завод, уже в советское время превратившийся в высокорентабельное производство.

По переписи 1926 г. в Иславском значился 131 двор, где проживало 593 человека, были расположены сельсовет и школа I ступени. В советский период население села резко сократилось и по данным переписи 1989 г. в нем насчитывается 85 дворов и всего 112 человек постоянного населения. И лишь только летом, когда приезжают дачники, жизнь в Иславском напоминает прежнюю жизнь старинного села.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...
М., 1882. Вып.2. С.94-101.

Г.А.Павлович.

КАРИНСКОЕ

Западнее Звенигорода, на левом берегу крутой излучины р. Москвы расположилось Каринское, одно из древнейших сел Подмосковья. Впервые оно упоминается в 1358 г. в духовной грамоте московского великого князя Ивана Ивановича Красного в перечне сел, завещанных его наследнику. Более столетия оно находилось в числе звенигородских дворцовых сел.

Церковь в средневековые играла огромную роль не только в духовной, но и политической жизни того времени. Это прекрасно понимали русские князья и щедрыми вкладами стремились привлечь ее на свою сторону. Несмотря на то, что в первые годы феодальной войны второй четверги лу. в. Сав-

во=Сторожевский монастырь активно поддерживал удельного звенигородского князя Юрия против московского правительства, великий князь Василий Темный, понимая все значение духовной власти, продолжает поддерживать монастырь, и в апреле 1454 г. обитель получает от него село Каринское.

Выгодное расположение села на перекрестке большой торговой дороги из Рузы в Звенигород с речным путем по р.Москве, близость к монастырю, хорошие заливные луга и обилие строевого леса – все это делало Каринское одним из ценнейших владений монастыря, за которым оно оставалось вплоть до секуляризации церковных владений в середине XVII в.

Владение обители было довольно значительным по своим размерам. Согласно писцовой книге 1558 г. к Каринскому "тянули" многочисленные деревни, из которых к настоящему времени сохранились лишь три: Спасское, Сергеево и Устье.

Судя по описанию 1624 г. в селе было 4 двора, где жило 10 человек, а в 1678 г. в нем значится уже 10 дворов с 43 крестьянами. Другие сведения о Каринском довольно отрывочны. В 1760 г. жители села отказались выполнять работу по очистке монастырских прудов. Четыре каринских крестьянина: Игнатий Макаров, Родион Калинин, Зот Скрепкин и Ермолай Григорьев вместе с другими были арестованы и заточены в тюрьму. Во время эпидемии холеры в 1771 г. здесь умерло 19 семей.

В 1762 г. монастырские владения были секуляризованы, а само село вошло в состав образованной государственной Покровской экономической волости. По данным У ревизии (1797 г.) в Каринском числилось 16 дворов, 62 души мужского и 69 душ женского пола. Судя по "экономическим примечаниям" к планам Генерального межевания конца XVII в. земля здесь была "пещаная, по урожаю хлеба средственная" и поэтому крестьянам приходилось заниматься промыслами, главным из которых была заготовка леса и его сплав по р.

Москве весной в столицу. Женщины занимались рукоделием.

В 1812 г. при подходе войск Наполеона к Москве Каринское подверглось разорению французскими мародерами из корпуса Евгения Богарне. Обозленные каринцы вооружились косами, вилами и дубинами, избили грабителей, а отобранное имущество возвратили пострадавшим. В память об изгнании врага из России в 1813 г. было решено построить новую каменную церковь Рождества Христова, вместо старой деревянной. На кладбище близ храма покоятся прах историка петровской эпохи И.И.Голикова (1735-1801).

В XIX в. в Звенигородском уезде в среднем на крестьянскую семью приходилось не более гектара земли. Крестьяне вынуждены были заниматься промыслами или уходить в город на заработки. В Каринском начинают делать портсигары из карельской бересклети, медники изготавливали предметы церковной утвари. В 1876 г. на средства крестьян и купца Борисова была открыта школа для обучения крестьянских детей.

В 1917 г. житель села, моряк Балтийского флота Сергей Васильевич Сергеев принимал участие в штурме Зимнего. Вернувшись домой, он организовал в Каринском комитет бедности, позднее преобразованный в комитет крестьянской взаимопомощи. В 1923 г. он вместе с Я.П.Овсянниковым и учителем начальной школы И.П.Пономаревым создали кредитное товарищество. Позже был открыт сельскохозяйственный прокатный пункт и товарищество по совместной обработке земли. В 1925 г. была создана кооперативная артель. В 1926 г. в селе было 53 двора, 139 мужчин и 165 женщин, работала школа I-й ступени, библиотека, изба-читальня. В 1930 г. крестьяне села объединились в колхоз "Светлый путь". Была проведена телефонная линия до Звенигорода, налажена работа почты, построены новая школа и дома, открыта аптека.

В 1941 г. Каринское было на небольшой срок захвачено немцами. 16 декабря 1941 г. в результате наступления

войск 5-й армии село было освобождено, но из 60 домов уцелело только шесть. Из 70 жителей, ушедших на фронт, возвратилось только десять.

В конце 1961 г. на базе трех прежних колхозов был создан совхоз "Москворецкий", объединивший 22 населенных пункта, а Каринское стало его центральной усадьбой, где построено несколько пятиэтажных домов, работает больница, детский сад, школа, магазины, столовая, почта.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...
М., 1882. Вып. 2. С. 86-88.

А. С. Подкорытов

КОСИНО

Старинное село Косино, ныне включенное в городскую черту Москвы, является одним из древнейших сел Подмосковья. Впервые топоним "Косино" встречается в начале XIV в., когда в своей духовной грамоте князь Владимир Андреевич Серпуховской, знаменитый сподвижник Дмитрия Донского, писал: "А из московских сел дал есмь княгине своей... Косино с тремя озерами... А в Косинском селе... княгиня моя вольна, которому сыну дати, а дети мои в те села не ступаются". Но, судя по всему, его историю можно удлинить еще на три четверти столетия. В своем завещании 1336 г. великий московский князь Иван Калита, распределяя свои владения между наследниками, отдал своей жене Ульяне среди прочих и "село у озера". Историками было высказано несколько версий о местонахождении "села у озера". Анализ всего комплекса княжеских духовных грамот позволяет говорить о том, что этим селом являлось именно Косино. Ульяна надолго пережила своего мужа, а после ее смерти владения княгини были поделены между Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром, причем Косино досталось на долю последнего.

После смерти в 1410 г. князя Владимира Андреевича Косино, согласно его воле, перешло к его вдове Елене Оль-

гердовне. Судьба ее складывалась довольно трагично — ри-но овдовев, она во время моровой язвы середины 1420-х годов потеряла одного за другим всех сыновей, а из потомства остался лишь один внук Василий Ярославич. Под именем Евпраксии она постриглась в московском Рождественском девичьем монастыре, а умирая, в 1433 г. в своем завещании отказалась "Косино с озеры" Рождественскому монастырю.

На протяжении последующих ста лет сведений о селе в источниках не сохранилось. Очевидно, монастырю не удалось удержать за собой эту вотчину, возможно, она была обменена на другое владение. Во всяком случае, в середине XVI в. Косино находилось в поместье за Семеном Павловичем Ладыженским, а в 1576 г. значилось в поместье за Василием Павловичем Коржавиным.

В 1617 г. по государевой грамоте Косино отдается в поместье детям Василия Телепнева. Василий Григорьевич Телепnev был довольно заметной личностью начала XVII в. и служил думным дьяком Посольского приказа при царе Василии Шуйском. В конце 1610 г. кем-то был составлен для вручения польскому королю Сигизмунду список думных дворян и дьяков, известных своей приверженностью к Шуйскому, причем имя Василия Телепнева стоит в нем среди дьяков вторым, что свидетельствует о его близости к царю.

Судя по писцовому описанию 1625 г. Косино значилось в поместье за Юрием, Степаном и Данилой Васильевичами Телепневыми. Село стояло на берегу большого озера, в нем находился храм во имя гудотворца Николая, располагался двор помещиков, где жили деловые люди, и пять крестьянских и бобыльских дворов, а "людей в них тож".

Наиболее известным из сыновей Василия был стольник Степан Васильевич Телепнев. С первой половины 1620-х до начала 1640-х годов он участвует в переговорах с иностранными дипломатами, а в 1645 г. назначается послом в Царьград. В это время при турецком дворе появляются самозванцы, один из которых выдавал себя за сына Джедмитрия,

а другой — за сына Василия Шуйского. С помощью своих агентов Телепнев активно повел дело по разоблачению самозванцев, но в ноябре 1646 г. скончался из-за непривычного климата на чужбине.

По описанию 1646 г. в Косино значилась деревянная церковь, двор вотчинников и три крестьянских двора с II жителями.

На протяжении почти двух столетий Косино было родовой вотчиной Телепневых. В 1673 г. его владельцы Василий Данилович, Иван Степанович, Григорий и Михаил Юрьевичи Телепневы строят деревянную Никольскую церковь. Иван Степанович, как и его отец, в 50-60-е годы ХУП в. служит по дипломатической части, с 1671 по 1679 гг. ведает Оружейную палату, а в 1684-1685 гг. упоминается в звании думного дворянина. При нем в 1678 г. в Косино числилось 6 дворов с 17 крестьянами.

В конце ХУП в. на Косино обратил внимание Петр I. Как известно, будучи ребенком, он часто бывал в расположенному неподалеку Измайлово, где на льяном дворе между различными вещами своего предка боярина Никиты Ивановича Романова нашел изломанный ботик, впоследствии известный как "дедушка русского флота". После того, как измайловский пруд и Язуа оказались тесными для корабля, ему указали на косинское Белое озеро. Здесь у восточного берега, рядом с усадьбой Телепневых, были устроены пристани, на озеро стали переноситься лодки и карбасы, но Петр уже облюбовал большое Переяславское озеро, куда и была перенесена вся флотилия. Следы верфи сохранились еще долгое время и местные старики 1860-х годов точно указывали ее место. По местному преданию, молодой царь в память о пребывании в селе подарил таможнему храму икону Божьей матери, привезенную его вельможей графом Борисом Петровичем Шереметевым из итальянского города Модены. Она была названа "Моденской" и впоследствии славилась как чудотворная.

В 1704 г. Косино значилось во владении Ивана Дарио-

новича Телепнева. В селе было записано 5 дворов и 26 человек. Затем оно перешло к его сыну Петру Ивановичу, внуку Ивану Петровичу и правнуку Николаю Степановичу.

В 1814 г. последняя владелица Косина из рода Телепневых Елена Васильевна, вдова статского советника Дмитрия Ивановича Телепнева, продала его со всеми угодьями московскому купцу первой гильдии, коммерции советнику и почетному гражданину Дмитрию Александровичу Лухманову. Село с храмом было разграблено французами в 1812 г., а большая часть из 29 местных крестьян существовала сбором милостыни.

При новом владельце село обустраивается, в 1818 – 1823 г. строится каменная Успенская церковь в стиле ампир, а в 1823–1826 гг. пристраивается каменная колокольня. Говоря об истории села в это время, следует объяснить одно противоречие в документах. Фактическим владельцем Косина был Д.А.Лухманов, но в официальных документах его владельцами значатся другие личности. Так, в 1814–1820 гг. помещицей числится подпоручица Марфа Афанасьевна Татаринова, в 1821–1829 гг. – секунд-майор Иван Акимович Мальцев, в 1830–1836 гг. – действительный статский советник и кавалер Павел Федорович Степанов, в 1837–1848 гг. – вдова капитанша Екатерина Афанасьевна Старово-Милюкова. Дело в том, что купцы не имели права владеть крепостными, и поэтому указанные лица, родственные Лухманову, числились номинальными владельцами.

После смерти Д.А.Лухманова в 1848 г. между его наследниками и крестьянами начинается длительная тяжба. Последние начинают хлопотать об освобождении от крепостной зависимости, указывая, что Лухмановы, как купцы не имеют права владеть ими. Тяжба, потребовавшая от крестьян значительных материальных средств, в итоге закончилась в их пользу. Указом императора Николая I в июле 1851 г. они были изъяты из владения Лухмановых. Но их мечта получить всю землю не осуществилась – они получили лишь

небольшой надел, а все имение с озерами, лесом и усадьбой было причислено к государственным имуществам.

Управление государственными имуществами до 1867 г. усадьбу и озера отдавало в аренду, а в 1867 г. усадьбу покупает императорское техническое училище для летнего пребывания его воспитанников. В 1888 г. ее покупает с торгов московский купец второй гильдии и фабрикант Михаил Елисеевич Горбачев, который устроил здесь ленточную фабрику.

С прокладкой железной дороги и устройством в версте от села платформы Косино начинает приобретать дачный характер. Земли крестьян вокруг Белого озера разбиваются на участки и отдаются под постройку дач, устраиваются купальни, многие крестьянские дома сдаются на лето москвичам.

С конца XIX в. Косино становится местом научных исследований. В 1888 г. здесь начинают проводить гидробиологические исследования косинских озер. В 1908 г. профессор Г.А.Кожевников создает биологическую станцию Московского университета. В 1930 г. она стала лимнологической станцией Гидрометеослужбы СССР, а в 1940 г. была закрыта в связи с завершением научных работ. Но вскоре здесь открылась Центральная научно-производственная лаборатория по борьбе с болезнями молодняка сельскохозяйственных животных.

После революции 1917 г. бывшая горбачевская фабрика, бездействовавшая со временем первой мировой войны, в 1926 г. была отдана в концессию, а в годы первой пятилетки стала государственной и подверглась реконструкции. В 1931 г. на ней работало 550 человек. В дальнейшем она превратилась в крупное предприятие по производству верхнего трикотажа. При фабрике развивался поселок: были построены клуб, школа, магазины, а число жителей приблизилось к 6 тысячам человек. В декабре 1938 г. фабричный поселок был преобразован в поселок городского типа с включением в него села Косина. В 1970 г. в Косино проживало уже 13 тысяч человек. В середине 1980-х годов Москва расширяет свои границы,

Косино становится московским микрорайоном, где развертывается массовое жилищное строительство.

Лит.: Холмогоров В. и Г. Исторические материалы... М., 1886. Вып. 6. С. 57-58; Померанцев И.И., Речменский А.И. Косино и его святыни. М., 1904 (2-е изд.: М., 1911); Толычева Т. Село Косино. М., 1874 (2-е изд.: М., 1888; 4-е изд.: М., 1904); Труш К.А. Надписи в церкви села Косина. М., 1915; Цветков Й. Описание села Косина и находящейся в оном святыни. М., 1885 (2-е изд., М., 1890); Он же. Историко-археологическое описание села Косина и находящейся в оном святыни. М., 1894 (2-е изд.: М., 1895; 3-е изд.: М., 1896; 4-е изд. М., 1898; 5-е изд. М., 1902).

А.А. Аврельянов.

ЛЕОНОВО

Старинное село Леоново, расположенное на севере современной Москвы, впервые упоминается в писцовых книгах 1573 г. как пустошь, находившаяся в поместье за Федором Федоровичем Карповым. Спустя десять с небольшим лет писцовая книга 1586 г. фиксирует еще большее опустошение: перечисляются пустоши, в том числе и Леоново, "а имян их ссыкать неким... пашня поросла в кол и жердь". Следующее упоминание о Леонове относится к 1628 г., когда при описании границ с. Свиблова упоминается дворцовая пустошь Девонова.

В 1626 г. Леоново было отдано в поместье князю, сыну Никитичу Хованскому. Новый владелец Леонова происходил из рода знаменитого великого князя литовского Гедимины, находился в родстве с царем Михаилом Романовым, что позволило ему со временем занять при дворе достаточно высокое и устойчивое положение. При Михаиле Романове он служит в стольниках и воеводах. После восшествия на престол царя Алексея Михайловича он был послан в августе 1646 г. приводить к присяге новому монарху жителей Бязьмы, а через месяц неожиданно был разжалован и сослан в Сибирь. Причин опалы мы не знаем, но в апреле 1649 г.

его возвращают в Москву и, желая загладить обиду, царь жалует его прямо в бояре. Спустя год, когда вспыхнули восстания в Новгороде и Пскове, Иван Никитич был послан их подавлять. У князя было слишком мало войск, он действовал осторожно, чем вызывал упреки царя в медлительности и нерешительности. Однако за него вступился новгородский митрополит, впоследствии знаменитый Никон, восстания в итоге были подавлены, а Хованский в награду получил бархатную золотную шубу, кубок и придачу к окладу. В 1652 г. Никону и Хованскому было приказано перенести из далекого Соловецкого монастыря в Москву мощи митрополита Филиппа. Путешествие было трудным, ладью князя разбило во время бури, а сам он был очень недоволен и жаловался царю, что Никон замучил его молитвой: "заставляет ежедневно быть с ним у правила". Во время польской войны в 1654-1657 гг. он служил воеводой.

При Иване Никитиче Леоново заселяется, строится деревянная Ризположенская церковь. По преданию князь И.Н. Хованский при выборе наименования для престолаleonовской церкви руководствовался следующими соображениями: название Леоново переносило его, получившего прекрасное церковное образование, к византийскому царю Льву или Леону, при котором, в пятом веке, был установлен праздник Ризположения. С другой стороны возможно и другое объяснение. В это время в Москве была очень популярна Ризположенская церковь на патриаршем дворе, которую активно опекал патриарх Филарет, отец царя Михаила Романова. Все чем интересовался патриарх, вызывало со стороны придворных самое усиленное и льстивое внимание. Женою же Ивана Никитича была Марья Михайловна, урожденная Салтыкова, дочь боярина Михаила Михайловича Салтыкова, который в свою очередь приходился родным племянником матери царя великой старице Марте.

В 1658 г. после смерти Ивана Никитича Леоново переходит к его вдове, а в 1671 г. к их детям князьям Петру и Ивану Ивановичам хованским. Их карьера складывалась

довольно удачно, они быстро дослужились до боярского чина, но осенью 1682 г. разразилась гроза. 17 сентября 1682 г. были казнены правительством царевны Софьи их близкие родичи князь Иван Андреевич Тараруй Хованский и его сын Андрей, казавшиеся властям опасными своим влиянием на стрельцов. Решено было арестовать и их родичей. И вскоре в Леонове был арестован Петр Иванович. После падения Софьи Хованским было возвращено прежнее положение и в 1690 г. им было возвращено боярство. По описанию 1678 г. в Леонове находились два помещичьих двора, где жили дворовые люди, 3 двора кабальных и 3 двора задворных с 15 крестьянами.

После смерти Ивана Ивановича в 1701 г. Леоново полностью перешло к его брату Петру. В 1704 г. в селе числился боярский двор и 9 дворов задворных людей. В 1716 г. после кончины Петра Ивановича Леоново достается его сыну Василию Петровичу. Судьба последнего была довольно типичной для петровской эпохи. В 1717 г. он служит на Балтийском флоте с чином унтер-лейтенанта, через десять лет он упоминается как шталмейстер, затем — камергер и кавалер, а в начале 1740-х годов состоит обер-президентом главного магистрата в Москве. При нем в 1722 г. была построена каменная церковь, сохранившаяся до сих пор. В 1746 г. Василий Петрович скончался, через два года последовала за ним и жена, а Леоново досталось их детям. У Леонова оказалось девять юридических владельцев. Поместье закладывается, перезакладывается, объявляется аукцион, и в 1767 г. лейб-гвардии капитан Александр Васильевич Хованский продает Леоново за 9200 рублей Павлу Григорьевичу Демидову.

Новый владелец Леонова, потомок знаменитого тульского мастера, сделавшего первое русское ружье, получил блестящее по тем временам образование. Десятилетним мальчиком в Ревеле он учится немецкому и латинскому языку, шестнадцати посещает германские университеты, семнадцати вместе с братьями предпринимает целый ряд образовательных

путешествий по Европе.

Вернувшись в Россию, он предоставляет управление заводами братьям, а сам обосновывается в Леонове, занимаясь обустройством усадьбы, все свободное время посвящая "философскому уединению", наблюдениям над природой, коллекционированию художественных предметов, монет, книг, игре на скрипке и органе, а летом увлекаясь садоводством и лесоводством. При этом он активно способствует развитию образования в России, жертвуя свои редчайшие коллекции Московскому университету, основывает в Ярославле лицей, получивший его фамилию.

Последние годы жизни Павел Григорьевич провел в любимом Леонове, где и скончался 1 июля 1821 г. на 83-м году жизни. Современник, вспоминал: "...как страстный любитель природы Павел Григорьевич большую часть года проводил в подмосковном селе своем Леонове, а чтобы и зимой любоваться зеленью деревьев, насадил не одну тысячу сосен и елей, выписывал кедр, лиственницу, пихту, которые и теперь можно видеть в Леонове. Сад Демидова был наполнен растениями,нейней частью достопримечательными по каким-либо особливым явлениям, кои он наблюдал весьма тщательно и всегда с великим удовольствием. В хорошие дни летние проводил по несколько часов всегда почти один, любуясь природой. В таком случае нужна ему была тишина совершенней, даже голоса птиц его беспокоили".

С годами чуткость Демидова к шуму приняла болезненный характер. Он не мог выносить звона колоколов церкви, которую по ее ходатайству закрыли в 1800 г., а его крепостные должны были исполнять весьма оригинальную работу на барщине, вылавливая в парке птиц, а в пруду отлавливая ягушек.

В грозную пору 1812 г. в Леоново пришли французы. В усадебных постройках разместился отряд драгун, а лошадей устроили прямо в церкви. К счастью, отступление французов было столь стремительно, что усадьбу сжечь они не успели.

После смерти бездетного Демидова его наследники в 1822 г. продали Леоново за 120 тысяч рублей ассигнациями гвардии поручику Николаю Ивановичу Пономареву. Вскоре он в 1825 г. продал усадьбу с громадным для себя убытком, всего за 30 тысяч, первостатейному купцу Ивану Петровичу Кожевникову, который вырубил весь лес на нужды своей кожанной фабрики в Свиблово, а усадьбу сдал под фабричные заведения.

Позднее Леоново многократно меняет своих владельцев. В конце XIX в. оно, привлекающее своим уединением и чистым воздухом, стало застраиваться, а с начала XX в. вошло в черту Москвы. На месте демидовских домов появились живописные дачи, некоторые из которыхостояли здесь до середины 1950-х годов. В 1960 г. село вошло в состав Москвы, стало районом массового строительства и ныне от него осталась лишь церковь, расположенная у входа в станцию метро "Ботанический сад", которая стала вновь действующей накануне тысячелетия крещения Руси.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1880. Вып.5. С.122-124; Калустин В.А. Леоново. Подмосковное поместье боярина князя Ивана Никитича Хованского. М., 1908; Он же. Десятилетие (1903-1913) оценочного производства по отчуждению участка земли в Леонове для Московской окружной железной дороги. М., 1913.

А.В.Нефедов.

ЛЮБЛИНО

За свою многовековую историю Москва вобрала в себя множество деревень, сел и даже небольших городов. Одним из них был город Люблино.

В XVII в. деревней Люблино, на речке Голедянке, владел князь В.П.Прозоровский. В конце того же столетия Люблино переходит в руки действительного статского советника Николая Алексеевича Дурасова, известного московского богача, который устраивает здесь усадьбу. В 1801 г. по проекту московского архитектора И.В.Еготова, ученика М.Каза-

кова, был построен дворец, роспись внутренних помещений которого на тему мифологических сюжетов выполнил живописец Д.Скотти. В плане он представлял собой крест ордена Анны I степени, которым был награжден Н.А.Дурасов. Рядом с главным домом было устроено несколько флигелей, соединенных террасами, а чуть поодаль – здание домашнего театра. За ним располагался скотный двор и оранжерея, парники и павильон. Хозяин славился своим гостеприимством и в Люблине часто можно было увидеть многочисленных гостей, привлеченных сюда, главным образом, театральными представлениями, дававшимися два раза в неделю. Усадебный театр отличался роскошью декораций и постановок. Артисты, балет и оркестр состояли исключительно из крепостных. Современник вспоминал: "... эти артисты, создававшиеся барской прихотью того времени, будучи артистами и исполнителями в спектаклях, не переставали в то же время исполнять свои хозяйствственные должности при доме: официантов, лакеев, поваров, писарей, горничных и проч. Если же театры закрывались, то их отправляли в деревню".

Уровень крепостных актеров был довольно высоким, некоторым из них удалось позднее поступить на императорскую сцену. Слава ходила и про люблинские зимние обеды. Проходили они в оранжереях с экзотическими растениями. После них обычно выступали песенники под аккомпанемент кларнета и рожка. Продуманное до мельчайших деталей освещение оранжерей превращало их в волшебное царство.

После смерти Дурасова имение перешло к его сестре А.А.Дурасовой, а в 1850 г. достается помещице Писаревой. В конце XIX в. здешние места были любимым местом отдыха Голицыных, Орловых, других представителей московской аристократии, но уже несколькими десятилетиями позже превращаются в фабрично-заводскую местность.

Судьба, однако, миловала Люблин. Его приобретает московский купец Конон Никонович Голофтеев. Он приводит в порядок дворец и оранжерею, флигеля и хозяйственные постройки переоборудует и сдает на лето дачникам. На одной

из таких дач в 1866 г. жил Ф.М.Достоевский. Позже он писал: "...нестерпимая жара, а пуще всего знойный ветер... заставили меня бежать из Москвы... А в Люблине, окруженному лесами, всегда было тихо и спокойно". Впечатления от здешней жизни на даче, по свидетельству жены писателя, отразились в его романе "Вечный муж". В 1896 г. лето в Люблине проводил известный исследователь русского языка академик Федор Иванович Буслаев. Здесь же он и скончался 31 июля 1897 г.

Дальнейшее развитие Люблина определило строительство железной дороги Москва-Курск, начавшееся в 1866 г. Напротив деревни была выстроена платформа Люблино, позднее переименованная в Люблино-Дачное, а округа становится модным дачным местом.

После окончания Всероссийской Политехнической выставки 1897 г. Голофеев покупает церковь и несколько павильонов выставки и перевозит их в Люблино. Небольшая деревянная Петропавловская церковь, выполненная в модном тогда "ложнорусском" стиле, ставится напротив дворца. Строятся новые дачи, а от железной дороги к дачным участкам прокладывается аллея, обсаженная деревьями. Тогдашние московские газеты писали, что "Люблино резко выделяется из большинства подмосковных дачных местностей отпечатком изящества. Вы не встретите здесь наскоро сколоченных полуразвалившихся хибарок, которыми изобилуют наиболее известные из дачных мест: Перово, Богородское и др." Но дачи из-за дорожности были доступны немногим, и в "этой местности сосредоточена денежная аристократия Москвы".

В дальнейшем, из-за близости к Москве, Люблино начинает приобретать фабричный характер. Станция Москва-Товарная Курская не справлялась с сортировкой грузов. Новую грузовую станцию решено было построить на 12-й версте близ Люблино. В 1906 г. началась укладка сортировочных путей, в 1908 г. вступила в строй первая очередь, а 5 ноября 1909 г. и вся станция. Между именем Голофеева и железнодорожной линией, вдоль аллеи, строится поселок. Земля

здесь принадлежала купцу Китаеву и новый поселок стал называться Китаевским. После революции он был переименован в Кухмистерский в честь Ефима Куумистерова (1831-1922), местного жителя, участника революции и гражданской войны, первого председателя профсоюза железнодорожников Московского узла.

В конце XIX в. были сооружены Люблинские поля орошения. Позднее в дополнение к ним были созданы Люберецкие поля орошения, а первые были переведены на режим полей фильтрации (т.е. без выращивания на них сельскохозяйственных культур). В 1939 г. была введена в строй Люблинская станция аэрации, использующая интенсивные методы биологической очистки канализационных стоков, в 1950 г. - Курьяновская и в 1971 г. - Новокурьяновская станция.

В 1925 г. поселок Люблино, насчитывающий несколько тысяч жителей, был преобразован в город. Сохранилась его характеристика того времени: "Это городок с тесно прижавшимися друг к другу домами, окруженными верандами и небольшими садиками, вернее палисадниками, с улицами, обсаженными по обе стороны липами. Стоит он в сухой и песчаной местности, имея близкий лес лишь в 2,5 км., около усадьбы Кузьминок".

В 1931 г. в городе началось строительство завода, призванного обеспечить потребность транспорта в запасных частях для паровозов. В 1932 г. были пущены чугунолитейный, сталелитейный, кузнечный цехи, а в ноябре 1933 г. строительство Люблинского литейно-механического завода было закончено. В 1939 г. в городе насчитывалось более 63 тысяч человек. К нему присоединяются поселок Кухмистерский, деревня Печатники, Поля орошения, поселки Люблинский (при комбинате очистки вод), Перерва.

В 1947 г. был принят генеральный план застройки Люблина. Но он практически не выполнялся. Кроме издавна существующих поселков как грибы возникали новые. Каждое ведомство создавало свой поселок со своей инфраструктурой. Так возникли поселки треста Высотстрой, треста Мосгражданугле-

жилстрой, треста Росотделстрой и другие.

В 1960 г. Люблино с почти 86 тысячами жителей было включено в состав Москвы, вскоре началась массовая жилищная застройка, а поля орошения были отданы под промышленную зону.

Лит.: Зайцев М. Старая и новая история Люблино. // Городское хозяйство Москвы. 1988 № 1. С.36-37; Веселовский С.Б. и др. Подмосковье... М., 1962. С.459-463.

К.А.Аверьянов.

МЕДВЕДКОВО

Село Медведково, ныне входящее в состав Москвы, в сохранившихся источниках впервые упоминается в писцовой книге 1623 г. в качестве владения боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, "как старинная отца его вотчина". Существует довольно распространенное мнение, что своему названию Медведково обязано дремучим лесам, где водилось множество зверей. Но подобная этимология ошибочна, а само название села Медведево (так оно первоначально называлось) происходит от его первого владельца князя Василия Федоровича Пожарского, по прозвищу Медведь, жившего в первой половине XVI в. Он умер бездетным и его владение перешло к младшей линии рода (от его брата Ивана), из которой происходил Дмитрий Михайлович Пожарский, знаменитый освободитель Москвы в 1612 г.

Менее известна его дальнейшая жизнь. В 1613 г. при венчании на царство Пожарский был пожалован боярством, а во время обряда коронации нес державу. В 1618 г. он активно участвует в отражении похода польского королевича Владислава, не оставлявшего надежд занять русский трон. В 1619 г. под ведением Пожарского был учрежден Ямской приказ а с 1624 по 1628 г. он состоял начальником Разбойного приказа. В августе 1628 г. Дмитрий Михайлович назначается воеводой в Новгород, затем участвует в Смоленской войне и мирных переговорах с поляками, позднее состоит начальником

Московского Судного приказа. Скончался он 20 апреля 1642 г. Вероятно, к концу жизни в Медведкове он выстроил каменную Покровскую церковь, сохранившуюся до сих пор как памятник этому выдающемуся человеку.

После его смерти Медведково досталось его сыновьям Петру и Ивану Дмитриевичам. Сыновья знаменитого всеводы особыми талантами не блестали, и своей службой были обязаны не столько способностям, сколько тому положению, которое занимал их отец. Старший брат Петр умер в 1647 г., а Ивану в 1658 г. удалось дослужиться до чина окольничего. В 1668 г. Медведково досталось вдове Ивана Дмитриевича княгине Прасковье Михайловне с сыном Юрием и дочерьми Аграфеной и Анной. При нем в 1678 г. в Медведкове находились двор вотчинника, где жили деловые люди и пять человек копников, двор приказчика, два двора задворных и скотный двор, где числилось 12 человек. Юрий Иванович Пожарский скончался в 1685 г., а вместе с ним угас и знаменитый род князей Пожарских.

Владение, за отсутствием прямых наследников, оказалось выморочным и вскоре оказалось в руках у князя Василия Васильевича Голицына, знаменитого фаворита царевны Софьи. Основой для передачи ему села послужил тот факт, что сестра последнего владельца Аграфена в свое время вышла замуж за князя Дмитрия Алексеевича Голицына. Царевна Софья щедрой рукой округлила владения своего любимца, в состав которых вошли деревни Раево, Сабурово, Юрлово, Подушкино и целый ряд пустошей, доходивших до Бешек и Алтуфьева. Но блестящий вельможа недолго владел селом. В 1689 г. правительство Софьи пало, Голицын отправлен в далекую ссылку, а все его вотчины отписаны "на государей". Сохранилось подробное описание села этого времени, свидетельствовавшее о том, что, несмотря на очень небольшой срок, Голицыну удалось весьма прочно и с размахом устроить здешнюю усадьбу.

Двумя годами позже, в 1691 г., Медведково было пожаловано Федору Кирилловичу Нарышкину, дяде Петра I. Он

скончался будучи еще не старым человеком, и село в 1698 г. перешло к его родному брату Льву Кирилловичу Нарышкину. При нем в 1704 г. в селе находились двор вотчинника, конюшенный и скотный двор, где было 8 человек и 3 двора, где числилось 9 человек солдат.

Льву Кирилловичу принадлежало огромное количество земель и состояние в 40 тысяч крепостных. После его смерти в январе 1705 г. Медведково было выделено его дочери Аграфене Львовне, которая вышла замуж за князя Алексея Михайловича Черкасского. После ее кончины в 1710 г. селом владели ее родные братья Александр и Иван Львовичи Нарышкины. По семейному разделу Медведково в 1732 г. досталось Александру.

Братья родились в самом конце XVIII в., а в 1708 г. Петр I посыпал их за границу для обучения мореплаванию. Вот что писал в июле 1708 г. английский посланник в Лондон: "Между молодыми людьми, которые отправляются в Голландию и Великобританию, находятся два сына дяди государя, Нарышкина, прежнего первого министра, умершего незадолго до моего приезда в Россию. Меня настоятельно просили поручить их вашей особенной благосклонности и вашему покровительству. Они очень молоды: старшему (Александру - К.А.) не более 14 лет, младшему (Ивану - К.А.) не более 8 лет; но оба говорят по латыни и отличаются уменьем держаться скромно, прекрасно не по летам, и не по обычаям своей родины". Королева и высшее английское общество приняли их чрезвычайно приветливо и даже с почетом, как родственников царя. Братья несколько лет пробыли в Европе. Описание их пребывания сохранилось в дневнике, который вел Иван, и который "любопытен в том отношении", - писал академик П.Пекарский, - что писавший его русский принадлежал к светским людям, посещал в городах театры, бывал на балах, делал визиты знатным и т.п."

После смерти Екатерины I Александр Нарышкин, обвиненный в заговоре против Петра II, был сослан в тамбовскую деревню, при Анне Иоанновне он был возвращен и сделан прези-

дентом Коммерц=Коллегии, затем сенатором, а при Елизавете Петровне пользовался большим почетом и уважением, находясь даже, по выражению иностранцев, на положении "принца кро-ви".

После его смерти в 1746 г. Медведково перешло к его здраве Елене Александровне, урожденной Апраксиной, и 13-летнему сыну Льву Александровичу Нарышкину.

Будучи молодым человеком, Лев Александрович был назначен камер-юнкером к двору наследника престола, будущего императора Петра II, с которым близко сошелся. Князь М.М.Щербатов в своем сочинении "О повреждении нравов в России" дал ему следующую характеристику: "Сей государь имел при себе главного своего любимца А.Л.Нарышкина, человека довольно умного, но такого ума, который ни к какому делу стремления не имел, труслив, жаден к честям и корысти, пуглив и, словом, по обращениям своим, и по охоте пугтить более удобен быть придворным шутом, нежели вельможе. Сей был помощником всех его страстей". До самой смерти Петра II он находился безотлучно при нем, за что был арестован после дворцового переворота в пользу Екатерины II. Но арест был непродолжительным, и вскоре Нарышкин снова при дворе, где провел всю свою довольно долгую жизнь. Его веселый, добродушный характер, общительность и остроумие делали его желанным собеседником в придворном обществе. Екатерина II, называя его "прирожденным арлекином", ценила его умение развлекать общество и писала: "Он мог произнести, не приготовляясь, диссертацию о каком угодно искусстве или науке: при этом он употреблял надлежащие технические термины и говорил безостановочно с 1/4 часа или доле; кончалось тем, что ни он, ни другие не понимали ни слова из его, по-видимому, складной речи и в заключение раздавался всеобщий хохот".

Как истинный вельможа "золотой" екатерининской эпохи, Лев Александрович отличался необыкновенным хлебосольством, и страстью устраивать великолепные и шумные балы, маскарады и пикники. Один из маскарадов, данных им для Екатерины

П в 1772 г., стоил ему 300 тысяч рублей. Его дом был всегда с утра до вечера открыт для посетителей, при чем хозяин не знал многих своих гостей и по фамилии, но всех принимал с одинаковым радушием.

После его смерти в 1799 г. Медведково досталось его сыну Александру Львовичу, названному так в честь деда. Молодой гвардейский офицер при Павле I делает блестящую придворную карьеру. Ордена Анны, Александра Невского, Иоанна Иерусалимского, Андрея Первозванного буквально ссыпятся на него. При Александре I, сделавшись обладателем крупного наследства от отца, он дал полный простор своей врожденной страсти к шумной, расточительной жизни. Праздники, устраиваемые им, отличались необыкновенной роскошью и великолепием, стоили громадных денег и нередко делали его должником. Среди прочего он возобновил очень распространенные при Екатерине II так называемые петербургские серенады. Они состояли из ежедневных концертов роговой и духовой музыки, которые в течении трех летних месяцев с шести вечера до поздней ночи разыгрывались его домашними музыкантами, разъезжавшими по Неве перед роскошным дворцом Нарышкиных на Английской набережной.

Долго это продолжаться не могло и в 1809 г. он вынужден был продать Медведково с 2051 десятиной земли Карлу Яковлевичу Шмиту, который сразу же перепродал его с 203 душами крепостных за 146 тысяч рублей в общее владение надворному советнику Александру Родионовичу Сунгуро-ву и дворянину Николаю Михайловичу Гусятникову. В 1842 г. у обоих владельцев оставалось 1600 десятин и в это время они разделились. Елене Яковлевне Сунгуровой (вдова с 1830 г.) достались Медведково, Сабурово и половина Юрлова с 122 крепостными. Гусятников получил Филино, Раево и половину Юрлова и 117 душ крестьян. Гусятников тогда же продал свою часть (795 десятин) коллежскому советнику Ивану Николаевичу Иванову за 23 тысячи рублей, от которого по наследству имение перешло в 1860 г. его сестре Александре Николаевне Рихтер, а затем Николаю Федоровичу Рихтер. Мед-

редково, Сабурово и половина Крлова от Сунгуровой достались по наследству в 1851 г. ее внучке Наталье Васильевне Бланк (около 825 десятин). За выделом земли крестьянам оставшиеся 475 десятин были проданы в 1884 г. за 60 тысяч рублей московской мещанке Татьяне Куприяновне Капыриной, от которой по наследству в 1887 г. перешли к Николаю Михайловичу Шерупенкову. Часть земли (175 десятин) Шерупенков продал за 18 тысяч рублей владельцу Вешек Константину Владимировичу Третьякову. Со второй половины XIX в. Медведково становится дачным местом. В 1880-х годах здесь жил поэт В.Я.Брюсов, оставивший очерк об этих местах, а в 1890-91 гг. в Медведково работает живописец Константин Коровин.

В советское время в Медведкове создается колхоз, в 1960 г. оно входит в черту Москвы, а в 1970-е годы становится районом массовой застройки.

Лит.: Долмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1886. Вып.5. С.11-21; Молева Н.М. Медведково // городское хозяйство Москвы. 1978 № 7. С.41-42.

К.А.Аверьянов

НАГАТИНО

Происхождение названия села Нагатино, ныне вошедшего в состав Москвы, загадочно. По мнению Н.Н.Белянчикова оно образовано от словосочетания "на гати", т.е. места, укрепленного хворостом, бревнами и насыпной землей. Однако, это маловероятно, поскольку не известно случаев образования русских топонимов из сочетания предлога и имени существительного, и является типичным "народным" объяснением. Кроме того, в древнейших документах название села всегда писалось с "о" в первом слоге: "Ногатиньское", "Ногатино". Первоначальное значение арабского слова "ногата" - наличные деньги. На Руси в IX-XI вв. ногатами называли разрушенные пополам или на четыре части арабские серебряные дирхемы. Академик М.Н.Тихомиров предложил версию происхож-

дения топонима от этого слова. Учитывая судоходность Москвы-реки и неизбежность "мыта" – сбора денежных пошлин, взымавшихся с купеческих караванов, можно было бы согласиться с ней. Но в XV в. – времени, предшествующем первым упоминаниям о селе в источниках, ногаты, несомненно, уже не имели хождения на Руси. С другой стороны, возможно предположить владельческий характер названия. Однако, по мнению академика С.Б.Веселовского, версию, что Нагатино получило свое название от человека, носившего прозвище "Ногата" следует отвергнуть, ибо, как личное прозвище оно не известно. М.Н.Тихомиров указал и другой возможный вариант происхождения названия села – от древнерусского слова "ногатица" – горница. Как бы то ни было, вопрос о происхождении названия остается открытым, хотя несомненно, что Нагатино принадлежит к числу древнейших населенных пунктов Подмосковья.

Впервые оно упоминается в 1336 г. в завещании великого московского князя Ивана Даниловича Калиты, передавшего село своему младшему сыну Андрею. Применяемый в духовной грамоте термин "село" свидетельствует, что уже тогда это был крупный населенный пункт. В 1353 г. князь Андрей Иванович завещал Ногатинское своему сыну Владимиру, впоследствии знаменитому сподвижнику Дмитрия Донского, который в начале XVI в. завещал его "со всеми луги и деревнями" своей жене Елене Ольгердовне в "опричное" владение. Завещание особо оговаривало его неприкосновенность: "А дети мои в ... матери своей удел не въезжают". Начиная с Елены Ольгердовны Нагатиным владели три поколения княгинь серпуховского рода – помимо нее – ее сноха Василиса, вдова князя Семена Боровского, и внучка Марья Ярославна. Последняя вышла замуж за великого московского князя Василия Темного, и Нагатино вновь попадает в руки московских великих князей и входит в состав дворцовой Коломенской волости.

Первоначально село представляло собой, очевидно, ассоциацию деревень "хуторского типа" из 1-3 дворов с центральной усадьбой во главе. В XVI-XVII вв. происходит заме-

на хаотичной застройки на более компактную. На планах XVII в. Нагатино выглядит как трехрядная деревня с двумя улицами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток в сторону устья "Ногатинской" заводи.

Трудно сказать, существовала ли церковь в Нагатине. Возможно, что был какой-то деревянный храм, не основанный из-за строительства в середине XVII в. церквей в Коломенском и Дьякове. Во всяком случае в известных источниках церковь не упоминается.

Основным занятием нагатинских крестьян являлось сельское хозяйство, хотя природные условия не способствовали пашенному земледелию. Документы характеризуют здешние земли как "худые", и поэтому сравнительно рано особое значение в крестьянском хозяйстве приобретает высококвалифицированное огородничество, имевшее товарный характер, особенно в XVIII-XIX вв. Выращивались, по преимуществу, капуста и огурцы. Главным же богатством нагатинских земель все, без исключения, источники, считают заливные луга с их густым травостоем. Но занятия местных жителей этим не ограничивались. Об этом косвенно свидетельствует завещание княгини Елены Ольгердовны, упоминающая "городских погатинцы с пошлиными". Можно предположить, что это была лоцманская или судостроительная и судоремонтная работа, для которой особенно удобна была заводь - речной залив р.Москвы.

Источники позволяют проследить демографическое развитие села. В 70-е годы XVII в. в нем значится 16 дворов и 106 душ крестьян. Столетие спустя, по актам Генерального межевания 1773 г., в Нагатино уже считалось 52 двора и 268 человек. В XVIII в. начинается приток старообрядческого населения в Нагатино и соседнее Коломенское. По данным 1859 г. в нем числилось 89 дворов и 673 человека, половина из которых была старообрядцами. По данным Н.Н.Белянчикова в Нагатине жили крестьяне с такими аристократическими фамилиями, как Голицыны и Хованские. Себя они считали потомками этих известных княжеских фамилий.

Осенью 1694 г. Нагатино становится центром масштаб-

ных исторических "Кожуховских маневров" Петра I. Неприязнь царя к стрельцам после стрелецкого бунта 18 мая 1682 г. долго давала себя знать. Одних казней было мало, надо было показать и военную несостоятельность старого ополчения. Старое и новое, по замыслам молодого царя, должно было столкнуться под Нагатиным и Кожуховым. В канун маневров по всей Москве забирали "детей боярских" в стрелецкое ополчение. Только в стрельцы было собрано 7500 человек. Для маневров на другой стороне р.Москвы напротив Нагатина в селе Кожухово была сооружена земляная крепость - "пятиугольный ретранштамент", по последнему слову тогдатнего фортификационного искусства-системе маршала Вобана, которую должны были защищать стрельцы. Маневры начались 23 сентября походом стрельцов, возглавляемых И.И.Бутурлиным от места сбора в селе Воскресенском на Пресне в Кожухово. Ядро стрелецкого войска составили пять стрелецких полков из вeterанов походов кн. В.В.Голицына на крымских татар, и II рейтарских рот конницы. Комендантом крепости был назначен генерал Траубихт. Три дня спустя из села Семеновского выступил "князь - кесарь" Ф.Ю.Ромодановский, возглавивший регулярную армию из выборного полка Лефорта, двух Преображенских, Семеновского полков, конницы и артиллерии. В состав Преображенского полка входил и царь под именем бомбардира Петра Алексеева. Шествие носило карнавальный характер: "князя - кесаря" сопровождали 25 карлов в красных плащах и шляпах с перьями. Исход действа был предрешен.

Стрельцы заняли "ретранштамент", который, по всей видимости, не очень способны были защищать, из-за незнакомства с новейшей фортификационной системой. В пользу этого свидетельствует то, что на некотором отдалении они соорудили более привычный для себя обозный лагерь. Ополчение развело Ногатинский мост. Регулярная армия Ромодановского выдержала "бой" за переправу и встала укрепленным лагерем у Нагатина, который так же был построен по системе Вобана. По описанию А.Корниловича "ров, окружающий лагерь, был в сажень ширине и глубине, вал, построенный с изрядными во-

еводами по правилам инженерной науки, установили рогатка-ми". 28 сентября начались схватки за крепость. Стреляли холостыми зарядами из ружей, бросали гранаты, горшки с зажигательной смесью, в ход шли палки, пики, артиллерия стреляла неразрывающимися гранатами, использовались пожарные трубы для размыва укреплений, велись подземные работы. Стрельцы стреляли из ружей настолько громко, что у многих разрывало стволы, раня лицо и руки владельцев. Раненые были с обеих сторон: Лефорту горшком с зажигательной смесью обожгло лицо, "князь - кесарь" ранен в левое плечо. Особо в осадных делах отличился бомбардир Петр Алексеевич, который взял в плен стрелецкого полковника Сергеева, придумывал хитроумные приспособления для взятия бастионов крепости, метко стрелял из пушки по матру Бутурлина с занятых бастионов "фортеции". Бастионы начали доставаться осаждающим уже с первых дней осады. Следовали штурмы и контрштурмы. В конце концов стрельцы были выбиты из крепости и "бои" пошли за их укрепленный обоз. Действия прерывались осенними дождями. В конце концов пал последний оплот стрельцов. Маневры продолжались четыре недели по 18 октября 1694 г. По их окончании последовали царские милости: раненым полковникам и стольникам Борису Дементьеву, Дмитрию Жукову, Ивану Озерову, Илье Дурову было пожаловано "байберку по 10 аршин", а подполковникам Ивану Башмакову, Василию Ельчинову, Михаилу Кравцову - "камки немецкой по 10 аршин". По оценке Петра I это была та игра, которая должна была стать "предвестником настоящего дела".

"Настоящее дело" и потом оказывалось на судьбе Нагатино. Через два года при возвращении из победоносного второго Азовского похода Петр разместил на постой в Коломенском, Кожухове, Новинках и Нагатино участвовавшие в боях полки. Отсюда началось триумфальное вступление царя в Москву.

Несколько столетий Нагатино находилось в дворцовом ведомстве. По указу императора Павла I 1797 г. оно, вместе с другими селами и деревнями было передано в ведение депар-

тамента уделов, в отличие от Коломенского, считавшегося личной собственностью царя. Для управления удельными крестьянами были созданы особые приказы, один из которых назывался Коломенским, но с центром управления в Нагатино. В 1848 г. в нем числилось 16 сел и деревень и 13 тыс. человек обоего пола.

После реформы 1861 г. удельных и помещичьих крестьян уравняли в правах. Была образована Нагатинская волость. В Нагатино находились волостные управление и суд, трактиры. В начале 1900-х годов между Нагатином и Новинками была построена каменная одноэтажная трехклассная школа. В XIX в. в нагатинском затоне строится судоремонтный завод. К деревне с юга начинается пристраиваться заводская слобода.

После 1917 г. местные крестьяне объединились в колхоз "Огородный гигант", развивается и заводская слобода, которая преобразуется в рабочий поселок. В 1960 г. Нагатино входит в черту Москвы, на территории древнего села строится городской микрорайон и лишь только название "Нагатино" донесло до нас время, как память о древнем селе.

Лит.: Белянчиков Н.Н. Подмосковные села "Коломенское" и "Нагатинское" // Вопросы истории. 1972. № II. С. 217-220.

А.Б.Варенов.

НАЗАРЬЕВО

В Подмосковье несколько селений имеют одимаковое название Назарьево. Деревня, о которой пойдет речь, расположилась на речке Сходне, и ныне вошло в городскую черту "спутника" Москвы - Зеленограда.

Первое упоминание Назарьева в сохранившихся источниках относится ко второй половине XVII в., когда в писцовых книгах Московского уезда, среди описания владений Троице-Сергиева монастыря, встречается упоминание сельца Никонова, Никольского тож, и "тянувшей" к нему пустоты, что было сельцо Назаровское, которые поступили в монастырь в качестве вклада от Федора Ивановича Хабарова.

Од. этом владельце известно немногое. Он принадлежал к видному боярскому роду, выводившему свое происхождение от легендарного касожского князя Редеди, и был его последним представителем. Хабаровы сильно пострадали во время опричнины и вполне понятным выглядит решение Федора Хабарова в 1577 г. отдать свою вотчину троицким монахам. А буквально через несколько месяцев он, будучи еще сравнительно молодым человеком, умирает. В его смерти было немало загадочного, тайну которого мы вряд ли когда разгадаем.

Монастырю, однако, трудно было сразу заняться своим новым владением. Последовавшие вскоре голод, иностранная интервенция, гражданская война и самозванчина положили этому желанию предел. Только после бурных событий Смутного времени Троице-Сергиев монастырь начинает восстанавливать свои владения и одновременно укрупнять мелкие селения. Многие из них к тому же трудно было восстановить. В бывших вотчинах Хабаровых по р. Всходне вместо прежних 17 селений вновь возродилось только Назарьево. Сюда были переселены крестьяне от Троице-Сергиева монастыря, где в годы Смутного времени скончалось много людей, укрывшихся за монастырскими стенами от польско-литовских интервентов и разбойниччьих шаек. Памятью об остальных селениях остались лишь названия "уроцищ", входивших в состав земельных угодий Назарьева.

В 1762 г. в дер. Назарьево имелось уже полтора десятка дворов, где проживали 93 человека, в том числе 48 душ мужского пола и 45 - женского. После секуляризации монастырских владений в 1764 г. назарьевские крестьяне стали называться экономическими и получили часть монастырских земель. Их прежние натуральные повинности были заменены денежным оброком в пользу казны. С конца XVIII в. экономические крестьяне слились с государственными.

Осенью 1812 г. после занятия Москвы французами назарьевские крестьяне уничтожили отряд наполеоновской армии, зашедший в деревню, чтобы поживиться продовольствием и фуражом. По численности он, видимо, был небольшой. В На-

зареве тогда насчитывалось 22 двора и проживало 80 душ мужского пола, в том числе свыше 50 взрослых в возрасте от 16 лет и старше. При приближении французов крестьяне ушли в ближайший лес, дали незванным "гостям" спокойно расположиться на отдых и внезапно напали на них. По рассказам старожилов в схватке участвовали даже женщины. Овраг, в котором были похоронены погибшие Французы, до начала XX в. называли французским.

В 1830-е гг. по соседству с Назарьевым завершается прокладка С.-Петербургского шоссе с твердым покрытием из плотно укатанного щебня. Это была первая в России дорога с твердым покрытием. Она давала дополнительные заработки и поэтому вскоре к ней переселилась часть назарьевских крестьян. Так возникла дер. Елина или Елинки (ныне Елино). По данным 1852 г. в Назареве считалось 42 двора, и было почти 300 жителей. Деревня была центром государственной Назарьевской волости. В Елино, являвшимся приселком деревни, было 7 дворов и 65 крестьян.

В 1861 г. было провозглашено освобождение крестьян. По владетельной записи, составленной в 1867 г. на дер. Назарево и Елино в связи с проведением реформы, во владении назарьевских крестьян находилось 400,6 дес. земельных угодий. Кроме того, под лесом, назначенным для снабжения крестьян лесными материалами и топливом, находилось 122,5 дес. Размер душевого надела таким образом составлял 3,2 дес. (в среднем по округе он был 2,7 дес.). На каждый двор приходилось несколько таких наделов. Размер всех платежей, при читавшихся с души, получившей надел, составлял 9,7 руб. (в среднем по другим селениям он был 12,1 руб.). В данном случае сказывались льготы реформы в отношении государственных крестьян. По данным губернского земства, крестьяне Назарева и Елино в тот период имели 55 лошадей, 80 коров и 50 голов мелкого скота.

После отмены крепостного права начинают развиваться крестьянские неземледельческие промыслы. К середине 1870-х гг. в Назареве и Елино 13 домов вообще не занимались хле-

бопашеством, 26 домов занимались "домашней промышленностью" (кустарными промыслами), 26 человек уходили на заработки. Мужчины занимались столярным, изгозным и сапожным промыслами. Женщины вязали носки и чулки, одна шила перчатки. В Назарьеве имелась чайная лавка и находилась квартира урядника.

В начале XX в. неземледельческие промыслы были уже главным занятием назарьевских крестьян. Мужчины изготавливали мебель, главным образом шкафы, а также столы, буфеты. Женщины и девушки занимались трикотажным промыслом. Появились ручные вязальные и швейные машинки. Многие женщины вязали на спицах. В 1911 г. в Назарьеве имелись уже столярные мастерские с наемными рабочими, небольшое вязальное заведение, 3 лесных склада, 2 чайные лавки, 4 двухэтажных и несколько пятистенных домов. Число грамотных и учащихся в деревне заметно увеличилось. В 1907 г. было открыто Назарьевское земское трехклассное училище. Своего здания оно не имело. Для проведения занятий арендовались помещения у местных крестьян.

Окончание гражданской войны и переход к нэпу содействовали восстановлению дальнейшему развитию столярного и трикотажного промыслов. Изготовлением мебели теперь занимались все мужчины. Почти каждый из них имел в доме свою столярную мастерскую. Расслоилось число мастериц, занимавшихся трикотажным промыслом. Они вязали на машинках чулки, кофты, костюмчики, перчатки и пр. На спицах вязали главным образом пожилые женщины. Готовую продукцию продавали на московских рынках. Земельные угодья и приусадебные участки использовались главным образом для выращивания картофеля и овощей, заготовки сена и выпаса скота.

С начала 20-х гг. в Назарьеве начали работать три артели: мебельная, трикотажная и по выделке пакли. В 1923 г. в деревне была открыта электростанция, от которой была электрифицирована вся деревня. Для приведения в действие двигателя сначала хотели использовать силу воды. Для этого на р. Сходне было установлено мельничное колесо. Но силы реки не хватило. Пришлось перейти на нефтяной двигатель.

тель. Артель по выработке пакли имела свой небольшой движок.

Значительно выросла сама деревня. К концу 20-х гг. в ней насчитывалось 122 дома, в которых проживало 674 человека. В деревне было уже 4 улицы. В конце ее, ближе к Ленинградскому шоссе, было построено специальное здание для мебельной артели. В 1925 г. при участии жителей возвели здание для Назарьевской начальной школы. Заведущей ее стала местная жительница Е.П. Васильева, окончившая учительские курсы. Был открыт клуб, где стали показывать немые кинофильмы для населения. До начала 30-х годов в деревне существовала часовня, построенная еще до революции на средства местных жителей. По большим церковным и престольным праздникам в ней совершалось богослужение. Здесь же находились иконы и хоругви, с которыми совершались крестные ходы и службы в домах местных жителей.

В конце 20-х годов в Назарьеве возник колхоз. Первично в него вступили лишь небольшая часть жителей, которых привлекали выдававшиеся колхозу субсидии. В 1929 г. усилилась работа по проведению коллективизации. Одновременно с агитацией велось наступление на зажиточных крестьян и тех, кто не хотел вступать в колхоз. Партийная ячейка, организованная работниками санатория им. Артема (Ф.А. Сергеева) и шефами из московской писательской организации, объединила действия правления колхоза, сельсовета группы бедноты. Это позволило перейти к насильственной массовой коллективизации. В 1930 г. было проведено раскулачивание жителей, имевших промысловые заведения, и некоторых "зажиточных" середняков. Имущество их забиралось в распоряжение колхоза, сами они арестовывались. Теперь и напуганные середняки спешили вступить в колхоз. У них забрали в распоряжение колхоза лошадей, рабочий инвентарь и сараи для хранения сена. Мужчины были объединены в столярные бригады. Но это был колхоз на бумаге. После появления в "Правде" статьи И.В.Сталина "Головокружение от успехов" многие жители Назарьева вышли из колхоза. Подавляющее большинство мужчин и молодежи ушли работать на предприятия Москвы и Подмосковья, Октябрьскую железную дорогу и в Назарьевскую

мебельную артель, которая была расширена. В колхозе работали главным образом женщины, но далеко не все. На тех, кто не хотел вступать в колхоз, оказывалось давление, допускался произвол. Более десяти человек подверглись необоснованным репрессиям, из них четверо арестовывались по 2-3 раза. Несколько человек умерли в лагерях.

В результате проведенных "мероприятий" экономически развитая, богатая деревня была разорена менее, чем за десять лет. Кустарные промыслы были буквально задавлены. Тех, кто пытался по-прежнему заниматься ими, преследовали, давили налогами. В результате многие тратили по 3-5 часов в день на дорогу, чтобы добраться до работы и обратно. Колхоз скоро пришел в упадок. Из него бежала и беднота. За долги колхоза забрали два электродвигателя и трактор, на которые собирало деньги все население. Деревня лишилась электричества. Районная газета 8 декабря 1940 г. писала: "Колхоз Назарьево Черногрязского с/с испытывает серьезные финансовые затруднения. На текущем счету средств нет, а есть лишь исполнительные листы. Как только поступает какая-нибудь сумма, тотчас же ее снимают на погашение долга ... Из 11 лошадей 6-7 не работают, а только поедают корня... Полуразрушенные телеги, колеса без спиц, без втулок, коломанные сани, отсутствие сбруи, то расхищенной, то изорванной - на всем лежит печать бесхозяйственности, отсутствие хозяйствского глаза".

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на все невзгоды и лишения, жители Назарьева активно помогали обороне страны. Десятки местных жителей пали смертью храбрых в боях за Родину. Многие самоотверженно трудились на заводах Москвы, Химок, Октябрьской железной дороге и в колхозе. Испытывая постоянную нужду в продуктах питания, они ежегодно платили налоги, сдавали государству картофель со своих небольших приусадебных участков, подписывались на государственные военные займы, собирали деньги на танки и самолеты, подарки для госпиталей и подшефных частей. Школьники помогали колхозникам убирать урожай.

После войны в Назарьеве увеличилось число жилых домов. Деревня вновь была электрифицирована. Жители собирали для этого необходимые денежные средства. Вместо избы-читальни снова появился клуб, где еженедельно демонстрировались звуковые кинофильмы, открылась библиотека. Дорога, шедшая через деревню, была выложена камнем, а позднее асфальтирована. По ней стали ходить автобусы. Колхоз Назарево был преобразован в совхоз "Искру" и укрупнен. В Назарьеве оставалась лишь одна бригада совхоза. Назаревская мебельная артель была переведена в дер. Елино. На ее базе была создана Елинская мебельная фабрика.

В 50–60 гг. Назарево превратилось фактически в рабочий поселок. Подавляющая часть его жителей была занята на промышленных предприятиях Москвы и Подмосковья. В совхозе работало лишь несколько человек. Но в административном отношении деревня была подчинена Искровскому (Черногрязскому) сельсовету, включенному с 1960 г. в Солнечногорский район. Все это составляло большие неудобства для местных жителей, особенно зимой. Поэтому они просили присоединить Назарево к соседнему поселку Фирсановка, Химкинского района. Но это вызвало сопротивление со стороны сельсовета и районных властей. В результате большое село, насчитывающее около 150 домов, имевшее школу, библиотеку, клуб, магазин, связанное хорошей дорогой с Октябрьской железной дорогой и Ленинградским шоссе, было объявлено "неперспективной деревней", а затем включено в состав Зеленограда. С 1974 г. начался поэтапный снос улиц деревни. Жители, не имевшие другой жилплощади, переселялись в Зеленоград.

Но Назарево продолжает существовать. Правда теперь уже как часть Зеленограда. На его территории находятся цветоводческий совхоз "Зеленоградский", ряд мастерских и предприятий, многочисленные огорода зеленоградцев, функционируют молельный дом евангельских христиан-баптистов, картиг. Сохранилось около трех десятков индивидуальных жилых домов с садами и огородами, составляющие фактически небольшой дачный поселок на окраине города, граничащий с большим

поселком Фирсановка,

Г.В.Ильин.

НЕПЕЦЫНО

Село Непецыно расположилось в 16 км от Коломны, к северу от города. В старину это село называлось Непейцино, и исследователи, в частности М.И.Смирнов, полагают, что название его произошло "от имени владельца села - Непея (т.е. человека не пьющего, трезвеннника), так как именно такое прозвище давалось в противовес, бытовавшему на Руси довольно широко, прозвищу - "Бражник".

Первые упоминания о Непейцине содержатся в приправочных книгах Коломенского уезда 1577-1578 гг. где есть сведения и о его более ранней истории. Из ссылок на "прежних владельцев" следует, что в 1552 г. село принадлежало Угриму Васильевичу Безопишину, опричнику царя Ивана IV. Сравнивая фамилию служилых коломенских людей - Безопишиных, с фамилией Опишиных, С.Б.Веселовский не исключает возможность того, что род Безопишиных мог происходить от новгородцев Опишиных, известных по источникам с ХУ в. Возможно, что эта догадка верна, так как приставка "без" в новой фамилии может свидетельствовать об отторжении одной "семьи" или "ветви" от общего корня. Более того, в одной из духовных грамот московского великого князя Василия I упоминается новгородское село Непейцино (1406 г.). В конце ХУ в. Иван III, опасаясь новгородского сепаратизма, произвел массовые выселения новгородцев в центральные уезды. Вполне возможно, что один из представителей рода Опишиных=Безопишиных, перебравшись на новое место жительства, сохранил таким образом память о родных местах.

В 1570-х гг. одна треть села принадлежала Ф.И.Михальчукову, а две трети находились во владении Н.З.Бабина и его десятилетнего племянника Захара. Род Бабиных, служилых Коломенских помещиков, прочно укрепился в своем имении. Уже в 20-х гг. XVII в. в селе стояло два помещичьих и II

крестьянских дворов.

История рода Бабиных тесно связана с историей Коломны "смутного времени". 1610 г. был особенно драматичным для царствования Василия Шуйского. Внезапная смерть выдающегося полководца князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского усилила всеобщую "шатость" в государстве. "Дотоле верные" слои населения отворачивались от "кесчастливого царя" - Василия Шуйского, терпящего поражение за поражением в борьбе с иноземным вторжением. Эта всеобщая "слабость" поколебала и жителей Коломны. "Град Коломна стояла много вправде, ни на какую хитрость не прельщалась", - рассказывает летописец, - "но был в том граде голова с сотнею Михаило Бабынин, который, изменив царю Василию, отъехал к вору". Среди "отъехавших" был и Иван Никитич Бабин. После смуты он сумел получить часть своего поместья в вотчину "за Царя Васильево осадное сидение", но в 1629 г. эта часть вотчины вновь была повеянута ему же в поместье. Правительство не могло простить коломенским "дворянам да детям боярским" их временную "шатость". По царскому указу от 10 января 1628 г., изданному в ответ на челобитную коломенских дворян, в которой они говорили о том, что в то время, когда многие города легко "прилеплялись к ворам", Коломна, в числе немногих, оставалась верной Москве, правительство решило для тех, кто "вору крест целовали неволею" перевести вотчинные владения в поместья: "тем вотчинам быть за ними в поместьях". Так или иначе, но Бабиным не удалось более прочно закрепить за собой село Непейцино.

К 40-м гг. XVII в. Бабины были вынуждены поступиться и этими владениями, уступив часть имения Степану Ивановичу Змееву, Михаилу Матвеевичу Норову и князю Григорию Федоровичу Чертенскому. Село дробилось и в 70-х годах этого же столетия в Непейцине стояло уже 6 помещичьих дворов и 24 крестьянских двора, в которых проживало 80 человек крестьян. В это время в числе владельцев села значился князь Григорий Федорович Чертенский, пять человек из рода Бабиных, еще четверо из рода Змеевых, В.С.Норов и У.А.Дашков. Такое

большое число владельцев было, вероятно, связано с желанием помещиков иметь хотя бы и небольшую часть зажиточного села, располагавшегося на старинном торговом тракте из Москвы в Коломну.

Близкое современному название села - "Непицыно", впервые отмечено уже в переписных книгах Коломенского уезда 1677-1678 гг. В конце XVII в. происходит окончательная замена сочетания "ей" на "е", которая привела к замене названия Непейцино на Непецино.

В начале XVIII в. село перешло к новому владельцу Ивану Михайловичу Новикову. В дальнейшем оно прочно укрепилось за представителями этой фамилии, родовое имение которых располагалось выше Непецина, по реке Северке, в селе Авдотьино. Одним из владельцев села был Иван Васильевич Новиков, отец русского просветителя, писателя, журналиста, критика и книгоиздателя Николая Ивановича Новикова. Известно, что родители Н.И.Новикова были людьми состоятельными и имели более 700 душ крестьян не только в Коломенском, но и ряде других уездов. Н.И.Новиков приезжая в Авдотьино и Коломну, часто бывал и в Непецине.

Уже при Новиковых в Непецине отстраивается усадьба, от которой к настоящему времени сохранился лишь парк с прудом. Вместо деревянной церкви Великомученика Георгия, построенной в первой половине XVII в. и обветшавшей к концу столетия, в 1806 г. возводится новый храм. Новая Знаменская церковь представляла собой кирпичное строение с белокаменным и лепным декором и была сооружена в стиле зрелого классицизма. Четверик храма с четырехколонными портиками ионического ордера завершался купольной ротондой. Колоннада, более поздней постройки, практически не сохранилась.

Потомкам Н.И.Новикова Непецино принадлежало до крестьянской реформы 1861 г. Последним владельцем села был действительный статский советник Петр Александрович Новиков. В 1852 году в селе насчитывалось 76 дворов, в которых проживало 697 крестьян. Всего за помещиком в это время числи-

лось 1092 десятины земли. После реформы часть земельных угодий поступила во владение сельского крестьянского общества, другая половина осталась за помещиком Евгением Петровичем Новиковым, дипломатом, членом Государственного Совета, который также известен как автор ряда исторических произведений. Он владел своим родовым поместьем до самой кончины, последовавшей в 1910 г. Наследники вскоре продали село лесопромышленнику Дмитрию Николаевичу Львову.

Жители Непецина благодаря расположению села на большой дороге издревле занимались, помимо земледелия, извозом. О том насколько серьезно здесь занимались извозом, свидетельствует то, что местные жители довольно рано были переведены на денежный оброк, а также и то, что в пойме реки Северки всегда заготавливалось большое количество сена и других кормов для скота, предназначавшихся и на продажу. В извозном и придорожном промыслах жители Непецина являлись конкурентами крестьянам другого села Коломенского уезда - Сандырей. С тех пор дошла поговорка: "Не спеши в Лепеши, в Сандырях почуешь". (Непецино в разговорной речи местного населения звучало как: "Лепеши", "Лепечино", "Депечино").

После завершения строительства железной дороги Москва - Коломна - Рязань, взявшей на себя основной грузопоток, местным жителям пришлось вернуться полностью к традиционному крестьянскому труду, ориентируясь на рынки окрестности Коломны.

Это обстоятельство вызвало значительный отток крестьян в города. По данным 1884 г. в Непецино насчитывалось уже 245 жителей (За три десятилетия их число уменьшилось более чем наполовину). Село являлось центром волости, здесь размещалась земская школа.

На рубеже XIX-XX вв. здесь, благодаря близости Коломны, появляются дачники, но их число было незначительным. По данным переписи 1926 г. в селе жило 552 человека, она было центром волости, размещалась школа I ступени, почта, отделение милиции. Позднее возникают два самостоятельных

хозяйства: сельскохозяйственная артель им. Ворошилова и совхоз. Последний представлял собой подсобное хозяйство Управления делами Совета Министров СССР. Совхоз Непечино - пока один из крупнейших совхозов России, известный как питомник по выведению племенного крупного рогатого скота.

В.И.Кузнецов.

ОСТРОВ

Село Остров расположилось на юго-востоке от столицы в Ленинском районе Московской области. Это одно из древнейших подмосковных сел, принадлежавших московским князьям еще в первой трети XIV в. В древней Руси островом называли участок леса в степи, возвышенность на равнине, невысокие и плосковерхие бугры и холмы. В одном из этих значений слово "остров" и стало основой для названия села. Впервые оно упоминается в духовной грамоте великого князя Ивана Калиты 1336 г. По этой грамоте "село Островское" вместе с другими передавалось во владение его старшему сыну Семену. По духовной грамоте Семена Гордого 1353 г. оно поступило во владение княгини Марии Александровны, а после ее смерти досталось старшему сыну Ивана Красного - Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому. Великий князь Дмитрий Иванович Донской в 1389 г. по духовной грамоте отдал село своему старшему сыну Василию и с тех пор Остров всегда передавался во владение старшего из сыновей великого князя. В XIV в. им последовательно владели Василий Темный и Иван III, завещавший село сыну Василию. В 1519 г. в летописи упоминается, что Василий III жил некоторое время в селе Остров, в котором уже тогда стоял княжеский терем. В нем жили князья, когда бывали на богомолье в расположеннном недалеко от села Остров Николо-Угрешском монастыре.

В 1521 г. на село совершили набег крымские татары и сожгли его вместе с Угрешским монастырем. Однако село почти сразу же восстановили. В 1529 г. через Остров проходили русские войска, чтобы отразить на дальних подступах к Моск-

кве нападение татар.

В селе Остров 460 лет назад русскими мастерами была построена великолепная каменная церковь Преображения, которая является замечательным памятником русской архитектуры. Она представляет собой шатровый храм, поставленный на крестчатом основании, с двумя приделами. Церковь украшена большим числом кокошников, скомбинированных в разнообразные группы. Завершена церковь двенадцатью маленькими главками. Весь сложенный из белого камня Островский храм по своим декоративным и конструктивным приемам воцело принадлежит XVI веку. Согласно предположениям искусствоведов строили церковь из белого мячковского камня-известника псковские мастера.

Царь Иван Грозный любил охотится в окрестностях села и часто посещал свою усадьбу.

В 1552 г. русские полки проходили через село Остров в поход на Казань. Затем почти сто лет село не упоминается нигде в источниках и начинает встречаться в документах лишь в царствование Алексея Михайловича.

В XVII в. в селе стоял царский дворец, в котором подолгу жил Алексей Михайлович. Он охотился вокруг села Остров, принимал здесь послов и гостей. В 1646 г. происходило освящение церкви Преображения, на котором присутствовал царь. В дворцовых разрядах записано: "Того же 7155 (1646) г. октября в II день ходил государь в село Остров, и в Острову было освящение церкви... И того же дни в селе Острове был у государя стол в хоромах". По описанию 1646 г. в селе стоял государев конюшенный двор и числилось 35 крестьянских дворов. В 1668 г. царь принимал в Острове вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, вызванных в Москву для суда над патриархом Никоном. Гости "поехали на государев двор, их встретили на нижнем крыльце и повели в государевы хоромы". В последний раз Алексей Михайлович посетил село в 1675 г.

Император Петр I подарил село Остров своему любимцу светлейшему князю Александру Меншикову, который владел им

вплоть до своей ссылки в Березов в 1729 г. Затем село снова перешло в ведение дворцового ведомства, пока в 1753 г. императрица Елизавета Петровна не передала его вместе с деревнями своему племяннику великому князю Петру Федоровичу - будущему императору Петру III. Село Остров вместе с деревнями тогда насчитывало 887 дворов и 1100 душ крестьян.

В 1765 г. императрица Екатерина II подарила Остров с деревнями и 1500 душ крестьян в потомственное и вечное владение графу Алексею Григорьевичу Орлову. Новый владелец создает здесь роскошную усадьбу. Он строит большой барский дом, разбивает регулярный парк, пристраивает к церкви Преображения колокольню, насаждает фруктовый сад. По преданию, в течении нескольких лет при нем в село Остров крепостные крестьяне на волах возили с Украины чернозем для увеличения плодородия сада и парка. Здесь граф Орлов занимается коневодством и разведением знаменитых орловских рысаков. В настоящее время сохранились лишь остатки конюшен и манежа для выездки лошадей. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский умер в 1808 г., оставив наследницей своего громадного состояния единственную дочь Анну.

Летом графиня обыкновенно жила в селе Остров, где был обширный дом и превосходный сад, раскинутый по холмам и склонам холмов с удивительным разнообразием и украшенный множеством беседок и павильонов, существовавших еще в недавнем прошлом. В 1837 г. Анна Алексеевна Орлова продала большую часть своих имений, в том числе и село Остров, в Ведомство Государственных Имуществ за полтора миллиона рублей.

По описанию 1837 г. ее имение состояло из села Остров, еще двух сел, 11 деревень и 11 пустошей, а в них крестьян 1876 мужского пола и 1993 женского пола. Земли пашенной считалось 3906 дес., леса-239 дес., кустарника - 456 дес., лугов и покосов - 1397 дес., под дорогами, реками и неудобьями значилось 419 дес. Всего числилось 6 466 дес. Из строений следует отметить двухэтажный каменный дом, деревянный корпус, амбары, сараи, погреба, скотный двор, люд-

ские кухни, конный двор с манежем, кузницу, каменный корпус больницы, 2 хлебных магазина, 2 риги, ветряную мельницу и каменную баню. Существовали также огородные и араневые теплицы, английский сад с фруктовыми деревьями и прочими разными заведениями, парк с беседками и павильонами.

После перехода села во владение Ведомства Государственных Имуществ графская усадьба постепенно приходит в упадок. Правда, здесь в 1839 г. открылась Писарская школа, где обучались ученики из окрестных сел, но через три года она закрылась. Постройки, сады и парк приходили в запустение. В 1868 г. усадьба, манеж и другие здания были проданы с торгов соседнему Николо-Угрешскому монастырю.

В 1870 г. вся графская усадьба в селе Остров со всеми постройками и имуществом безвозмездно передается Духовному ведомству Московской епархии с условием устройства там богадельни для бедного духовенства. За это дело взялись Московская епархия, Министерство Государственных Имуществ и Московский обер-прокурор. На богадельню было собрано 137 тыс. рублей пожертвований. Из них 100 тысяч рублей дал Николо-Угрешский монастырь, который и стал подлинным хозяином села и усадьбы.

В состав богадельни кроме здания богадельни входили домовая церковь, общая столовая и поварня, школа для детей, больница и аптека, кладовые и погреба, баня и прачечная, отдельные помещения для 90 семей, то есть 1. 250 человек, сараи, склад, скотный двор, конюшня, рига, сараи для экипажей и хозяйственных принадлежностей. Богадельня для бедного духовенства в селе Остров прекратила свое существование вскоре после Октябрьской революции.

Старый графский деревянный дом на каменном основании был перенесен в соседний Николо-Угрешский монастырь, где послужил материалом при сооружении больничной церкви, митрополичьих келий и училища.

После революции земли села, принадлежавшие Николо-Угрешскому монастырю, были разделены между крестьянами. На плодородных пойменных землях особенно хорошо развивалось

огородничество, садоводство и животноводство. В 1930 г. в селе Остров вместе с окружающими деревнями был организован колхоз.

В церкви Преображения в 1926 г. был создан филиал Государственного исторического музея. В настоящее время церковь Преображения, Конный двор XVII в. и здание богадельни являются филиалом Государственного музея-заповедника "Коломенское". Церковь Преображения почти полностью отреставрирована и в ней временами проходят службы местной православной общины. Село Остров входит в состав колхоза им. Максима Горького, специализирующегося на овощеводстве, садоводстве и животноводстве.

Лит.: Дворцовое село Остров. Историческое описание. М., 1875; Холмогоров В. и Г. Исторические материалы... М., 1892. Вып. 8. С.15-16.

Ю.А.Бахыкин

РЕУТОВО

Возникновение многих подмосковных сел и городов своими корнями уходит на несколько столетий назад в глубокую древность. Однако, документов, свидетельствующих о времени основания того или иного населенного пункта за редчайшими исключениями не сохранилось: грамоты прошлых веков тысячами гибли в огне бесчисленных пожаров, уничтожались по невежеству, пропадали в годы войн, гнили в сырых подвалах. Поэтому историку, занимающемуся историей сел и городов нашего Отечества, приходится скрупулезно собирать буквально по крупицам те осколки информации, отрывочные и случайные свидетельства, из которых впоследствии можно будет воссоздать картину прошлой жизни.

Не является исключением из общего правила и подмосковный город Реутово (или Реутов): никаких документов о его первых десятилетиях существования не сохранилось, а впервые Реутово упоминается лишь в писцовом описании 1576 г., хотя ясно, что существовало оно и раньше. Недостающие сведения можно попытаться извлечь из самого названия города,

Языкovedы, а вслед за ними историки, уже давно обратили внимание, что значительная часть подмосковных селений получила названия по именам, прозвищам и фамилиям своих бывших владельцев или первопоселенцев. По словарям древнерусских имен и фамилий выясняется, что основой для названия города послужило древнерусское прозвище Рeут или образованная от него фамилия Рeутов. Такие прозвища и фамилии встречаются в документах: в одном из них под 1495 г. упоминается крестьянин Юрий Рeут, в другом в 1678 г. известен посадский человек Петр Рeутов.

Необходимо выяснить: кто из обладателей данного прозвища или фамилии мог быть основателем поселения. Тщательное и кропотливое изучение различных грамот, родословных записей и других документов позволяет утверждать, что первым владельцем, основавшим здесь поселение, был Иван Рeут, отец дьяков царя Ивана Грозного – Ивана и Авксентия Ивановичей Рeутовых. К сожалению, сохранившиеся данные о нем очень скучны: известно лишь, что он жил в первые десятилетия XVI века. От его прозвища и произошло название поселения. Тем самым, время возникновения Рeутова по сравнению с первым упоминанием в сохранившихся документах можно отодвинуть вглубь, по крайней мере, на полстолетия. Это подтверждается и тем, что в одной из грамот Чудова монастыря 1548 г. на купленное сельцо Хороброво в Васильцове стану среди послухов-свидетелей из местных землевладельцев упоминается и дьяк Авксентий Иванович Рeутов.

Что послужило основой для прозвища Рeут? Как известно, в древней Руси детей называли исключительно по святым – спискам имен святых. При имянаречении родителям давалось право только единственного выбора – назвать ребенка в честь святого, память которого выпадала на день его рождения или на день крестин. При столь скучной альтернативе, а также учитывая, что набор имен святых был очень небольшим, а сами ни повторялись (так, дни памяти святых Иванов православная церковь на протяжении года отмечает почти три десятка раз), нередки были случаи, когда в се-

мъе было несколько детей, носивших одно и то же имя. В этом отношении особенно не повезло известному боярину Хувину Владимиру Григорьевичу Ховрину: из первых сыновей четверо были Иванами, и лишь младший получил имя Дмитрий. Вполне понятна была необходимость для родителей и знакомых как-то отличать их между собой. Поэтому им дѣзали прозвища. Старший из братьев Ховриных получил прозвание Голова (по семейному преданию его крестил сам великий князь), третий и четвертый получили соответственно прозвища Третьяк и Четвертак. Позже эти прозвища послужили основой для образования фамилий.

Зачастую прозвища давались по характерным особенностям человека. Известны прозвища: Свибл (от слова "свиблой" - шепелявый, косноязычный), Шадра (рябой от осны), Возгра (сопливый), Хромой, Косой и т.п. В древнерусском языке известно нарицательное слово "реут". У него было два значения. В старину этим словом нередко называли колокола, причем, как правило, больших размеров. Вторым значением было - крикун (отсюда слово "реветь"). Такое прозвище человек мог получить за громкий голос. Вполне вероятно, что Иван Реут получил свое прозвище за это свое качество.

Ближайшим к Реутово населенным пунктом было село Никольское, известное с начала XVII в. как вотчина князей Турениных. В настоящее время оно стоит на внешней границе города, у платформы Никольское Нижегородского направления железной дороги.

С 1668 года в течение долгого времени Никольским владели князья Долгоруковы. В XVIII в. им принадлежала и деревня Реутово.

В конце XVIII в. в ней насчитывалось 24 крестьянских двора, где проживало 118 человек. Сюда же относились и деревни Пищальниково (в настоящее время ул. Головашкина г. Реутово). Общая площадь двух деревень составляла 186 десятин в трех полях.

В эти годы в восточной части Московского уезда, в который входили Реутово и Никольское-Архангельское, начиная-

ют развиваться кустарные крестьянские промыслы — прядение и ткачество, явившиеся предвестниками возникших здесь в начале XIX в. первых промышленных текстильных предприятий.

В начале XIX в. Реутово приобретает князь Н.И.Маслов. Считается, что именно с его именем связано дальнейшее развитие деревни, строительство "ковчега" в китайском стиле, маленькой церквишки, — остатки которых сохранились и сегодня. Он строит на реутовских прудах сказочный городок в восточном стиле, а недалеко от них разбивает парк с ценных породами деревьев, от которого и сегодня еще остались островки декоративных посадок.

Вскоре Н.И.Маслов разоряется и распродает земли по частям разным людям. Реутовскую пустотелью (сельцо Реутово) приобретает купец первой гильдии И.Ф.Похвиснев и строит здесь первую текстильную фабрику. В 1824 г. И.Ф.Похвиснев впервые устанавливает на своей фабрике станки и машины русского производства, а в 1831 г. пряжа похвисневской фабрики считалась одной из лучших в России, и на Всероссийской промышленной выставке в этом году получила большую золотую медаль.

В 40-х годах XIX в. землю вокруг Реутово приобретает московский купец С.А.Мазурин, который в это время уже имел небольшое бумагопрядильное предприятие с ручным трудом в селе Ивановское (по соседству с Реутовым, и строит на ней кирпичный завод. В 1843 г. с помощью этого завода С.А.Мазурин возводит в Реутово каменный 4-х этажный фабричный корпус для бумагопрядильного производства, конный двор. Население Реутово в 1859 году составляло — 850 человек.

Дешевая рабочая сила, наличие топлива, которое доставлялось с торфяного болота у с.Горенки, близость Москвы и строительство Нижегородской железной дороги в 1862 г. способствовали устойчивой работе и развитию фабрики.

За первые десять лет работы Реутовское хлопчатобумажное производство стало известно далеко за пределами Московской губернии. Первоклассная мазуринская пряжа начина-

с 1853 г. на Всероссийских, а затем и на международных промышленных выставках неоднократно получала золотые и серебряные медали. Фабрика стала серьезным конкурентом для более старых английских хлопчатобумажных фабрик.

Во второй половине XIX в. один из братьев Мазуриных проигрывает свою долю на фабрику в карты, а в 1905 г. вся Реутовская мануфактура перешла к известному фабриканту и предпринимателю Карлу Эдуардовичу Рабенеку, остающегося ее владельцем до 1918 г.

В настоящее время это высокоразвитое хлопкопрядильное предприятие переросло в Акционерное общество "Реутовская мануфактура" и занимает одно из ведущих мест в текстильной промышленности России.

С именем К.Э. Рабенека связана одна из важных дореволюционных страниц Реутово. При нем дальнейшее развитие получает хлопкопрядильная фабрика. Для рабочих он строит жилые "казармы", возводит "народный дом" (клуб, что на улице Победы). В 1888 г. в Реутово появляется и первая школа.

Сохранился особняк К.Э. Рабенека. Это 3-х этажный дом в "голландском" стиле (находится на Парковой улице рядом с фабричным общежитием). Сложенный из кирпичного 1851 г. кирпича, он поражал современников своими изысканными голландскими интерьерами, обилием изразцовых печей. На втором этаже особняка помещалась "картинная галерея", которая безвозвратно исчезла.

В 1911-1912 гг. от ст. Реутово была проведена железодорожная ветка до местечка Балашиха. Это был крупный шаг на пути экономического развития Реутова и прилегающей территории.

В советское время село расстраивается, вытесняется частный сектор, уничтожаются многочисленные сады, возникает промышленность, открываются различные мастерские, артели промышленного типа, выпускавшие товары массового спроса. Строятся вторая по счету общеобразовательная школа, больница.

Развитие промышленности и рост населения (в 1926 г., в Реутово проживало 6,5 тыс. человек) обусловили преобразование этого населенного пункта в 1928 г. в рабочий поселок в составе Разинской волости. В связи с административными преобразованиями 1929 г. Реутово становится центром района. Председателем первого Реутовского районного совета была С.Е.Бажанова, возглавлявшая его до середины 30-х годов. Население Реутово продолжало расти и в 1939 году достигло 14,7 тыс. человек.

7 октября 1940 г. Реутово получил статус города. Районным центром город оставался до мая 1941 г., когда районный центр был переведен в Балашиху и район переименован в Балашихинский.

В годы Великой Отечественной войны в Реутово было размещено два военных госпиталя, открылся экспериментальный протезный завод. В ткацкой артели шили ватники, брюки, военное обмундирование. В 1942 г. из мастерской по ремонту охотничьих ружей организуется завод металлоизделий. На нем работало 95 человек. Завод выпускал продукции на 120 тыс. рубл^й в год. На нем было освоено производство гильз для охотничьих патронов, а позднее он был преобразован в завод "Военохоз" № 1.

После Великой Отечественной войны быстро рос промышленный потенциал г. Реутово, увеличивалось население, развернулось жилищное и социально-культурное строительство, велись большие работы по благоустройству. Большое значение имела близость его к Москве. Это определяло высокую занятость населения: в конце 60-х годов 40% жителей города работало в столице.

В 1959 г. в Реутово насчитывалось 24,3 тыс. жителей, а в 1979 г. его население составило уже 60,3 тыс. человек.

Сегодня Реутово стало крупным экономическим, научно-техническим и культурным центром Подмосковья.

Лит.: Города Подмосковья. М., 1979. Кн. I. С.487-501.

Е.К.Сергеев, А.А.Чуканова.

РОМАШКОВО

Первые сведения о селе Ромашково, лежащем неподалеку от Одинцова, восходят к концу XVI в., когда оно принадлежало матери первого царя из династии Романовых - Ксении Ивановне Романовой, впоследствии известной как великая инокиня Марфа. Она была дочерью костромского дворянина Ивана Васильевича Шестова и его жены Марии. Первоначально судьба, как будто, благоприятствовала ей. Около 1590 г. она вышла замуж за Федора Никитича Романова, двоюродного брата царя Федора Ивановича. На ее свадьбе присутствовали и царь, и всесильный конюший Борис Годунов. От родителей она получила в наследство огромные вотчины. Но близость к престолу сыграла в ее жизни роковую роль. После смерти бездетного царя Федора в 1598 г. встал вопрос о престолонаследии. Как известно, используя свое положение, царем стал шурин Федора Борис Годунов. Но на Руси издавна смотрели отрицательно на наследование по женской линии и почти сразу же раздались голоса в пользу Романовых.

В 1600 г. Романовых и их родственников и друзей - князей Черкасских, Репниных и Сицких, а также Карповых и Шестовых взяли под стражу. Велось следствие, но кроме "коренев", будто бы приготовленных, чтобы "извести" царя Бориса, ничего преступного найдено не было. Царь, очевидно, не стремясь к кровавой расправе, которая могла бы только повредить ему в глазах общественного мнения, решил ограничиться только удалением Романовых от активной политической деятельности. Самым проверенным средством было пострижение. Федор Никитич Романов был пострижен с именем Филарета и заключен в Антониев=Сийский монастырь. Той же участи подверглась и Ксения Ивановна, постриженная с именем Марфы, после чего была сослана в Заонежье. Так продолжалось до воцарения Лжедмитрия I, вызвавшего в столицу своих мнимых родственников, разосланных Годуновым в отдаленные места. В его кратковременное царствование Филарет был сделан ростовским митрополитом. В царствование Василия

Шуйского он был взят в плен "Тушинским вором" и наречен патриархом. В 1610 г. в составе "Великого посольства" он отправился в Польшу, чтобы просить на русский престол королевича Владислава. Но посольство было задержано королем Сигизмундом, который сам желал занять вакантный престол. После освобождения Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского встал вопрос о выборе царя. Собравшийся в феврале 1613 г. Земский собор долго не мог ни на ком остановиться, пока в результате закулисной борьбы не победило мнение, что необходимо избрать сына Марфы - 16-тилетнего Михаила Федоровича, как ближайшего родственника близких царей.

Первое время молодой царь находился под полной опекой матери, а его двоюродные братья Борис и Михаил Салтыковы были самовластными временщиками. Современник писал об этом времени: "Бе же царь млад ... и не бе ему еще толика разума, еже управляти землею, но боголюбивая его матери, инока великая старица Марфа, правя под ним и поддержая царство со своим родом..." По возвращении в 1619 г. Филиппета Никитича из плена, управление делами перешло в его руки и влияние матери на царя заметно ослабло. Постепенно она отошла от всяких дел и обратилась к монашеской жизни.

После ее смерти в январе 1631 г. Ромашково перешло в состав дворцовых вотчин. По описанию 1631 г. оно числилось как приселок дворцового села Крылатского, а через четыре года было приписано к дворцовому селу Хорошеву. По описанию 1646 г. в Ромашкове значилось 18 крестьянских, 2 бобыльских дворов и 2 двора государевых садовников. Все последующие два столетия село находилось в дворцовом ведомстве.

В 1727 г. на месте прежней ветхой Никольской церкви, упоминающейся с начала XVII в., было приказано построить новую, также деревянную.

Спустя еще столетие, по данным 1851 г., в Ромашкове, принадлежавшем по-прежнему Дворцовому ведомству, было 92 двора с 586 жителями. В 1867 г. на средства М.Ф.Филиппова, местного крестьянина П.Павлова, других прихожан, при со-

действии священника П.А.Добронравова, по проекту архитектора П.Т.Завьялова была построена каменная церковь Николая-чудотворца с трапезной и колокольне. Церковь стала доминантой окружающей местности, а с ее колокольни открывается великолепная панорама. На средства М.Ф.Филиппова был сделан иконостас, устроена каменная ограда, прелит старый колокол. В интерьере храма хранились иконы ХУП в.

По сведениям 1884 г. в Ромашково числилось 124 крестьянских двора, 754 жителя, церковь, земское уч лище, кузница, две лавки и два трактира. Спустя шесть лет упоминается небольшой кирпичный завод Я.Т.Белякова, которым управлял сам владелец, и где работало 10 человек.

В начале XX в. в Ромашкове на средства московских чайторговцев Боткиных, проживавших в соседней усадьбе Поповке, была построена больница, существующая до сих пор. Впоследствии она была передана земству. До революции в ней было всего 7 коек. Кроме нее и Сетуньской лечебницы в Кунцеве, других лечебных учреждений в округе не было.

Начало хирургической помощи положил в Ромашковской больнице талантливый земский врач Г.К.Брезинский, который значительно расширил больницу, устроил в ней хирургическое отделение с операционной, развил хирургию. Когда он умер в 1920 году, на его похоронах присутствовало много народа. На могиле поставили большой надгробный памятник - высокий четырехконечный крест из черного мрамора. Он сохранился до настоящего времени. На его постаменте можно прочесть надпись: "Георгию Карловичу Брезинскому (1871-1920) - врачу, другу трудового народа - от благодарного населения". В первые годы советской власти от Немчиновки через Ромашково к Рублевскому водозабору в 1919-1921 гг. была проложена железодорожная ветка, а в 1920-1921 гг. до села Усова была проведена колея для заготовки и вывоза дров и леса. Позднее путь был проложен от станции Рабочий поселок, а колея от Немчиновки до Ромашкова разобрана.

По сведениям 1924 г. в Ромашкове проживало 962 человека. Это составляло 212 хозяйств, где имелось 112 лошадей,

171 голова крупного рогатого скота и обрабатывалось 288 десятин пашни. Имелись больница, школа, библиотека. Через два года здесь был создан сельсовет. В 1930 г. был организован колхоз "Путь Октября" и к середине 1934 г. оставалось лишь незначительная часть единоличных хозяйств. В начале 1930-х годов село было электрифицировано и радиофицировано.

В начале 1950-х годов здешний колхоз стал укрупненным и назывался колхозом имени И.В.Сталина, в 1960 г. он уже носил название - "Дружба". Центром колхоза было село Аминьево, а в Ромашкове работала одна из его бригад. Колхозники возделывали картофель, кукурузу, овёс, морковь. Существовала животноводческая ферма. Шесть гектаров земли было отведено под сады и два - под ягодники.

Никольская церковь в 1940 году была закрыта. После ее закрытия церковная утварь была сдана государству, иконостас разломан, иконы сожжены. С 1941 по 1954 гг. в здании помещались склад, мельница. С 1955 г. и до весны 1990 г. здесь помещалось два склада кинопленки: студии "Диа-фильм" и центральной студии документальных фильмов.

31 марта 1990 г. здание храма вновь освятили и в его приделе Донской иконы Божьей матери открылась действующая церковь.

В послевоенные годы Ромашково благодаря близости к городу и удобному сообщению становится местом воскресного отдыха москвичей. Лучше всех красоту здешних мест описала дочь И.В.Сталина Светлана Аллилуева: "Здесь моя родина ... И когда умру, пусть меня здесь в землю положат, в Ромашково, на кладбище возле станции, на горке - там просторно, всё вокруг видно, поля кругом, небо... И церковь на горке, старая, хорошая... и так славно она стоит вся в густой зелени, и ... продолжает служить Вечному Добру на земле. Только там пускай меня и похоронят, в город не хочу ни за что, задыхаться т..."

Лит.: Холмогоров В. и Г. Исторические материалы... М., 1986. Вып.3. С.138-159; Токмаков И.Ф. Ис-

торико-статистическое и археологическое описание церкви во имя св. Николая Чудотворца, в селе Ромашкове (Московской губернии и уезда). М., 1895.

А.С.Лившиц, В.В.Цоффа.

САНДЫРИ

Село Сандыри еще в двадцатые годы XX в. являлось волостным центром, располагаясь в километре к северу от Коломны, а в настоящее время вошло в черту города.

Первые сведения о нем относятся к началу XVII в., когда дворцовое село Сандырево, вместе с другими дворцовыми селами Коломенского уезда, относилось к приказу Большого дворца (1626-1629 гг.) и находилось во владении "Великой старицы" Марфы (в миру Ксении Ивановны), матери царя Михаила Федоровича Романова. Боярыня владела селом пожизненно на "свой обиход". После ее смерти Сандырево вновь вошло в состав дворцовых вотчин.

В 1649 г. село, со всеми угодьями, получил в поместное владение думный дворянин Семен Иванович Зaborовский, а в 1668 г. ему за службу было выделено в вотчину 100 десятин земли и еще осталось в поместье 56 десятин. По тем временам это село считалось достаточно большим. В Сандыреве имелась церковь, усадьба и 65 дворов, где числилось 69 крестьян "мужского полу". Однако, в 1676 г. С.И.Зaborовский продал село боярину, князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову.

Князь Михаил Юрьевич владел селом до мая 1682 г., до того рокового дня, когда он "бранью и угрозами" пытался разогнать из Кремля взбунтовавшихся стрельцов. Раздраженные криками и руганью, стрельцы вышли из себя, вломились на Красное крыльце, "схватили Долгорукого и сбросили его вниз на подставленные копья, полумертвого изрубили бердышами". После смерти князя Михаила Долгорукого, село Сандырево перешло к его детям: Ивану, Петру, Владимиру и Василию. Братья, очевидно, разделили наследство, так как уже в 1705 г. владельцем Сандырева числился только Петр Михай-

лович, а Владимир обосновался в расположеннном неподалёку селе Прусы.

Одним из последних владельцев села из рода Долгоруких был князь Михаил Иванович, сын Ивана Алексеевича Долгорукого и княгини Натальи Борисовны, урожденной графини Шереметевой. Судьба родителей Михаила Ивановича поистине трагична. Начало их семейной жизни совпало с началом правления Анны Иоанновны и гонениями на род Долгоруких. Сразу после свадьбы, Иван и Наталья Долгорукие были отправлены в ссылку, имущества всей семьи были конфискованы, местом ссылки "был назначен Никольск, в Пензенской губернии". Но уже в июне 1730 г. ссыльные были отправлены далее, в Березов. В 1731 г. в ссылке, родился их первенец, князь Михаил Иванович, а спустя несколько лет князя Ивана Долгорукого отдалили от семьи, а затем тайно увезли в Тобольск, где комиссия, руководимая графом Ушаковым "допрашивала Ивана Долгорукого и пытками довела до безумия". Как свидетельствуют документы, вина Долгоруких была более вымышленной, нежели истинной, и исследователи связывают "дело Долгоруких" с происшествиями Грифона и его клевретов. Суд над Долгорукими окончился в конце октября 1739 г., а 8 ноября князь Иван Алексеевич был казнен в Новгороде самым жестоким образом: его сначала четвертовали, а затем отсекли голову. Наталья с сыновьями вернулась в Москву в день смерти Анны Иоанновны (17 октября 1740 г.), и когда дети подросли, она удалилась в Киев и там, в 1757 г. постриглась, а в последствии приняла схиму под именем Нектарии. Привезенный матерью, после ее возвращения из Сибири, князь Михаил Иванович жил сначала у дяди Петра Борисовича Шереметева, а затем поступил на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. Первая жена Михаила Долгорукого, Анна Михайловна, урожденная княжна Голицына, держала в частном владении село Сандыри (так оно именуется в документах первой половины XVIII в.). В 1755 г. Анна Михайловна умерла бездетной, а спустя год Сандыревская вотчина перешла к Сергею Борисовичу Шереметеву, лице материнской линии князя Михаила Ивановича Долгорукого.

Род Шереметевых властел селом Сандыри более ста лет, вплоть до реформы 1861 г.

При А.М.Долгорукой в селе числилось 262 крестьянина "мужского полу", при Шереметевых оно увеличилось примерно в полтора раза. В конце XIX в. село значилось во владении оберкамергера Николая Петровича Шереметева, в нем было 93 двора, 330 человек мужского и 366 женского пола.

В 1852 г., перед освобождением крестьян от крепостной зависимости, у Дмитрия Николаевича Шереметева числилось 128 дворов, и в них 429 "душ мужского" и 574 "душ женского полу". В документах упоминаются также две церкви в селе: деревянная Духовская и каменная Ильинская, а также квартира пристава. Д.Н.Шереметеву принадлежало и село Мещериново, объединенное в вотчинном управлении с Сандырями. Барского дома в Сандырях не было. Все крестьяне находились на оброке и платили от 9,88 до 12,06 руб. с тягла. По сравнению с другими имениями, этот оброк не был обременительным, а если принять во внимание, что сандыревцы жили не столько земледелием, сколько придорожным извозным прошмыслом, то и совсем легким. Положение села на старинном пути с юга на Москву было использовано ими настолько удачно, что превратило его в популярную по всей дороге станцию для ночлега и остановок проезжающих. Как видно из старинной поговорки: "Не спеши в Лепеши, в Сандырях почуешь", у сандыревцев существовали и другие конкуренты. Лепеши, Лепечино, Лепечино (современное Непецино) - село на том же пути, километров на 15 ближе к Москве. И из того, и из другого села оставалось на два дня обозной езды до Белокаменной. Двигавшиеся с юга обозы, предпочитали Сандыри, где чуть не в каждом доме были постоянные дворы, а на улице кроме того "обжарки" - лавочки или ларьки, кое-где тайные "шинки".

Ни днем, ни ночью не переводился приезжий люд, движение конное и пешее было чрезвычайное, прогонялись гурты скота, или обозы с хлебом, солью, железом, нуждавшихся в кровле, отдыхе и питании было множество. Иной раз, как вспоминали старые люди, хозяева якобы не успевали считать мед-

ные деньги, бравшиеся за постой, и их простосыпали в хлебную меру.

Приток доходов и постоянное общение с приезжими людьми втянуло сандышевцев в извозной промысел. Заводили добавочных лошадей. Старожилы перед войной еще помнили, что у крестьян порой стояло во дворе до 18 голов лошадей. Сандашевцы развозили купеческие товары в Москву, С.-Петербург, Царицын, Астрахань и другие города, заводили там знакомство в купеческой среде и отправляли своих недорослей в "мальчики", из которых потом выходили приказчики, артельщики, а иные заводили самостоятельную торговлю и богатели. Крестьяне исстари занимались и лавочной торговлей. Коломенский торг обуславливали не только местные потребности, но и московский рынок.

Показателем былой зажиточности служит двухэтажный каменный дом Гусевых, построенный около 200 лет назад. Позднее, в 1842-1847 гг. селское общество на свои средства построило большую каменную церковь пророка Ильи, богато украшенную внутри драгоценной утварью, иконами. Среди этих ценностей были иконы Шереметевых. В конце 1930-х гг. церковь была закрыта. Позднее здание было передано под дом инвалидов.

В начале 1860-х гг. через Коломну прошла железная дорога на Саратов, взяв на себя основной поток пассажиров и грузов. Сандаши остались в стороне и наложенный веками грунтовой тракт замер. Уже к 1890-м гг. в селе осталось не более пяти постоянных дворов, в которые редко кто заглядывал. Село оставалось волостным центром, и в нем в 1890 г. числилось 465 человек.

Перестраивая свою жизнь, сандышевцы пошли работать на соседние коломенские заводы и к местным огородникам. Выручала сравнительно высокая грамотность сельчан. В Сандашах была земская школа, где учились мальчики и девочки.

Тяжелое экономическое положение побудило многих сельчан отправится на заработки в Коломну, где открывались новые промышленные предприятия - машиностроительный, цемент-

ный заводы. С расширением города, Сандаири, по-существу, становились пригородом. В 1932 г. близлежащие села - Сандаири, Запрудная Слобода, Городиш, Голутвино, Бочманово были включены в городскую черту Коломны, связав, таким образом, свою дальнейшую судьбу с одним из древнейших городов Подмосковья.

В.И.Кузнецов.

СВИБЛОВО

Свое название село Свиблово, лежащее на берегу р.Яузы, на севере современной Москвы, получило от прозвища видного боярина и воеводы XIV в. Фёдора Андреевича Свибло. Он происходил из старого рода Ратти и свое прозвище получил, видимо, от физического недостатка (свиблой-шепелявый, косноязычный). Будучи молодым человеком, в 1366-1367 гг. он принимал участие в постройке белокаменного московского Кремля, память о чём осталась в названии Свибловой башни. В 1377 г. Федор Свиблло был воеводой в походе на Мордовскую землю, а тремя годами позднее, во время похода Дмитрия Донского на Куликово поле, был оставлен в Москве для охраны города и путей сообщения с войсками. Среди самых близких к Дмитрию Донскому лиц он был в числе свидетелей его духовного завещания 1389 г. В самом конце XIV - начале XV в. Федор Свиблло по неизвестной для нас причине попал в опалу, а все его многочисленные владения были конфискованы великим князем. В своем завещании 1406 среди "примыслов" Василий I упоминает и "село Тимофеевское на Яuze", которое вскоре по прежнему владельцу стало именоваться Свибловым. Никаких сведений по истории села в XV - первой половине XVI в. не сохранилось. Лишь из межевой грамоты 1560 г. становится известным, что оно принадлежало Ивану II.

Около 1620 г. Свиблово с пустошью Лысцовой (позднее Лихоборы) и пустошью Ерденева (позже Останкино) было дано стольнику Льву Афанасьевичу Плещееву, человеку близкому ко двору Михаила Романова, как награду "за московское осадное

сиденье королевичев приход". Свою новую подмосковную вотчину Плещеев передал в 1623 г. сыну Андрею. По описанию 1624 г. при нем в селе значился двор вотчинников, где жили деловые люди, и два двора людских. Андрей Львович служил стольником, воеводой в юго-восточных городах, и сравнительно мало бывал в своей подмосковной вотчине.

В 1658 г. селом владел его родной брат Михаил Львович Плещеев, за которым Свиблово значилось и по переписи 1678 г. Новый владелец села представлял из себя интересный и весьма характерный тип служилого человека того времени. С 1632 г. он служил стольником у царя Алексея Михайловича, в бытность его еще царевичем. В 1649 г. он попытался местничаться с более родовитым князем Василием Хилковым, за что в жилецком подклете был батогами. Уговоры думного дьяка от имени царя на Плещеева не подействовали, а он заявил: "Лотя смерть свою видеть, менши князя Василия Хилкова не быть". После такого ответа его отвели в Разряд, отдали за караул стрельцам, а на следующий день вторично были батогами. В 1655 г. во время войны с Польшей Плещееву было поручено отпустить из Смоленска хлебные запасы, но он не исполнил этого дела, наклеветав на своего начальника и владельца соседнего села Леонова боярина Ивана Никитича Хованского, как будто не мог отправить хлеб вследствие помех с его стороны. Заносчивость и грубость Плещеева запомнились многим. Вспомнили даже его мальчишескую выходку, когда он во дворце написал на лубке оскорбления Федору Одоевскому. За все эти вины, новые и старые, бояре приговорили: "кнутом его бить, сослать в Сибирь, а поместья и вотчины раздать". Но царь, памятая о товарище прежних лет, изменил приговор, указав написать Плещеева по московскому списку (т.е. разжаловать в дворянне) и назвать "вечным клятвопреступником и ябедником и бездушником и клеветником".

Несмотря на столь суровый приговор, он по-прежнему не хотел исправляться. В 1668 г. в Поместном приказе разбиралось дело по тяжбе дворянина Силы Потемкина о насилиствен-

ном завладении его вотчины Плещеевым. Потемкин называл Плещеева "злым разорителем, подговорщиком и составщиком", надеющимся на свое богатство и дружбу с начальником Поместного приказа Григорием Караполовым. Дело было перенесено в другой приказ и решено в пользу Потемкина. В 1675 г. на Плещеева был членом князь Григорий Семенович Шаховской, и князья Хованские, утверждавшие, что Плещеев со своими людьми хотел убить и безчестил Шаховского во время проведения межевания. Все это, несмотря на долгую, почти полу-вековую службу, оставляло Плещеева в чине стольника. И только в 1682 г. ему был пожалован боярский титул, минуя чин окольничего. При нем в Свиблово около 1677 г. была построена новая деревянная церковь, в селе находились дворы попа и дьячка, двор вотчинника и скотный двор, где было 9 семей деловых людей, 4 двора конюхов и 4 двора поваров с II людьми.

Но Плещееву недолго пришлось быть боярином. Уже в 1685 г. его вдова Настасья Петровна вышла вторично замуж за Федора Петровича Шереметева, а подмосковная вотчина досталась его племянникам Семену и Федору Федоровичам Плещеевым. На долю Семена припало Свиблово. От Семена Федоровича оно перешло к его малолетней дочери круглой сироте Марье, которая жила в доме своего дяди Кирилла Алексеевича Нарышкина. Когда она преждевременно умерла в 1704 г., Нарышкин, ссылаясь на устное завещание покойной, подтвержденное лишь одним ее духовником, помимо других родственников из рода Плещеевых, завладел Свибловым. Возразить ему тогда никто не смел. Пользуясь родством с царем Петром I, и своими связями, он приступает к обустройству нового имения и не жалеет денег. Из обоженного хозяйственным способом кирпича он выстроил каменные палаты, солодовенный завод, поварню, людские покой, Троицкую церковь (1708), сохранившуюся до сих пор. К 1709 г. Кирилл Алексеевич Нарышкин вывез своих людей в другие вотчины, а в Свиблово поселил пленных шведов "всяких мастеровых людей". По описанию того времени в селе тогда значились каменная Троицкая

церковь с приделом великомученика Георгия и каменной колокольней, "полаты, и погребы, и поварня, и людские похой, и солодовенный завод каменной же светлицы и конюшенней двор, и людские покой, и хлебные анбары деревянные, мельница на реке на Язу о четырех поставах, двор мельника, а в нем живут два иноземца, да в том же селе четыре пруда с рыбами". На новоселье он перевез в свои палаты много добра, по словам Берхгольца "награбленного в Лифляндии, где он так нехристиански свирепствовал, когда скончался Нарвз и Дерпт. Даже разукрашенные оконные рамы его свибловского дома сохранили имена и гербы тех немецких баронов, из чьих замков были взяты".

Плещеевы не оставляли попыток возвратить согласно закону свою родовую вотчину. Попытка одного из них не удалась. Попытка другого — Ивана Дмитриевича Плещеева совпала по времени, когда Петр I особенно энергично проводил в жизнь идею строгого соблюдения законов. В 1721 г. по решению Юстиц-коллегии село было возвращено в род Плещеевых. Как досадно было вельможе, потратившему столько денег и усилий на украшение имения, расставаться со Свибловым, можно судить по тем мелочным приемам насолить противнику, которые применялись при обратной сдаче села Плещееву. Накануне приезда в Свиблово подьячего для ввода во владение, все старинные крепостные Плещеевых были выведены в соседнюю деревню, где и жили четверо суток, скрытые от подьячего, вследствие чего остались незаписанными за новым владельцем. Посыпались жалобы на Нарышкина и началась новая волокита по судам.

После Нарышкина в Свиблове царило запустение — вся богатая обстановка и украшения были вывезены, а завести новые Плещееву не хватало средств. После смерти Ивана Дмитриевича Плещеева село в 1728 г. перешло к его сыну Семену, а в 1745 г. к родной внучке Марье Семеновне Плещеевой, которая вышла замуж за князя Петра Яковлевича Голицына.

Примерно с первой четверти XVIII в., благодаря близости к столице и своей живописности, Свиблово (или Свирилово,

как оно называлось на рубеже XVIII-XIX вв.) становится модным дачным местом. Уже в 1722 г. лето в бывшем нарышкинском доме проводил герцог Голштейнский, отмебелировавший его за свой счет. В 1801-1803 гг. здесь жил после свадьбы на Елизавете Ивановне Протасовой знаменитый историк Н.М. Карамзин. Брату он писал: "время хорошо, а место еще лучше, живем в тишине, иногда принимаем наших московских приятелей, читаем, а всего более прогуливаемся". В одном из писем 1803 г., помеченных "Свиблово", он сообщил, что "нанимает прекрасный сельский домик в прекрасных местах близ Москвы".

От вдовы князя Голицына село перешло в 1782 г. по купчей к генерал-майорше Высотской. В 1806 г. его владельцем по дарственной от жены был Николай Петрович Высотский. В 1821 г. Свиблово купили первостатейные купцы Кожевников, Квасников и Шотин за 240 тысяч рублей ассигнациями. В 1823 г. И.П.Кожевников выкупил у своих компаний их части, заплатив каждому по 85 тысяч рублей. Им в селе была устроена крупная суконная фабрика. От конкурсного управления по делам мануфактур-советника Кожевникова усадьба Свиблово за 42500 рублей перешла в 1867 г. к Бакшею Кирилловичу Халатову, а в 1874 г. к его сыну Георгию Борисовичу, который владел усадьбой и в начале XX в. В 1960 г. Свиблово вошло в черту Москвы, а с 1972 г. стало районом массового жилищного строительства.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1895. Вып.4. С.69-72; Капустин В.А. Леоново. Подмосковное поместье боярина кн. И.Н.Хованского. М., 1963. Стб. 45-50.

К.А.Аверьянов.

ТАЙНИНСКОЕ

Село Тайнинское, ныне входящее в городскую черту Мытищ, в сохранившихся источниках впервые упоминается в начале XV в., когда было завещано знаменитым внуком Ивана Калиты князем Владимиром Андреевичем Серпуховским своей су-

пруте Елене Ольгердовне, после смерти которой село предполагалось передать их сыну Василию. Но судьба распорядилась иначе — в моровую язву 1426–27 гг. умерли все сыновья князя Владимира и в 1433 г. Елена Ольгердовна передала Тайнинское (или Танинское, как тогда оно называлось) своей снохе Ульяне, вдове князя Василия. Вскоре село оказалось в руках великого московского великого князя Василия Темного, который в 1462 г. завещал его своему сыну Андрею Меньшому. В начале 1481 г. князь Андрей Васильевич составил свою духовную грамоту, в которой отказал Тайнинское княжичу Василию (будущему Василию Ш), и с тех пор на протяжении столетий село находилось в руках великих князей, а затем царей.

Расположенное неподалеку от Москвы, на большой торговой дороге в Троицкий монастырь, а далее в Ярославль и Вологду, село играло видную роль в истории страны. В 1552 г., после победоносного ваяния Казани молодой царь Иван IV, возвращаясь в столицу, остановился и ночевал в Тайнинском, где его встретили бояре и брат Юрий, поздравившие царя с победой и рождением сына. На следующий день в Москве ему была устроена торжественная встреча.

В декабре 1564 г., задумав устроить опричнину, царь с семьей и слугами, со всей казной выехал сначала в Коломенское, где был вынужден пробыть две недели из-за внезапно наступившей оттепели, а затем 17 декабря прибыл в Тайнинское, откуда выехал в Троицкий монастырь, а затем Александрову слободу.

В дальнейшем царь нередко навещал свое подмосковное село. По преданию, при Грозном в селе стояла так называемая "Содомова палата", в которой происходили разгульные пиры опричников.

Любил Тайнинское и Борис Годунов, дававший здесь обеды своим близким людям. В июле 1585 г. именно в Тайнинском произошла встреча Лжедмитрия I со своей мнимой матерью царицей Марфой, "узнавшей" много лет спустя своего ребенка. Здесь же, если верить современному Годунову, пастору Беру,

Джедмитрий сел верхом на медведя, спущенного с цепи и в одно мгновение убил зверя.

Новый самозванец, желая отрезать Москву от северных городов, перенес из Тушина свой стан в более удобное Тайминское, но так как тут для него было "великое утеснение" от московских людей, не пропускавших к нему съестных припасов, то он снова перешел в Тушино.

В царствование Романовых Тайминское было перепутьем и первым подхожим станом для царей Михаила, Алексея, Федора, цариц Евдокии Лукьяновны, Марии Ильиничны и Натальи Кирилловны, когда они ходили и ездили на богослужение в святую обитель преподобного Сергия, здесь они слушали обедню, столовались и спали.

Тайминское было не только местом отдыха по пути на богослужение, но и потешным местом, где цари забавлялись медведьми и соколиной охотой.

Наибольший расцвет Тайминского приходится на годы царствования Алексея Михайловича. Связано это было с созданием на его территории Государева путевого дворца, второго на пути из Москвы. К середине 70-х гг. XVII в. полностью сформировался царский усадебный комплекс. На левом высоком берегу р. Яузы, в которую впадают с двух сторон реки Сукирмока и Стебелка, была возведена красивая и обширная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, представляющая собой пятиглавый храм, окруженный с трех сторон двухярусной трапезной. Рядом расположился государев двор. В его состав входили царские хоромы, управительские покой, хозяйствственные постройки, плодовый сад (с садовничьей избой), два рыбных пруда. На территории села разместились скотный и житный дворы, конюшенный двор на 54 стойла, покой для конюшных служителей, кузница и мельница на р. Яuze.

Само село располагалось вдоль р. Яузы на противоположном от дворца берегу. В то время это было довольно крупное село. По описанию 1646 г. в селе числилось 27 крестьянских дворов, 2 двора "нищих" и 3 двора сторожей. Первоначально застройка была однорядной. Дома располагались в одну линию

и своими фасадами были ориентированы на реку. Во время строительства "дворца" от села были проложены две дороги (с мостами через реку), одна вела в "Государев двор", другая - к церкви.

Село по своему хозяйственному отношению было приписано непосредственно "государеву двору", (с него получали необходимые для "дворца" припасы). Крестьяне поставляли продовольствие (хлеб, масло, молоко, рыбу), дрова, корм для лошадей. С течением времени в село увеличился приток крестьян из соседних деревень, что, соответственно, привело к росту числа дворов и изменению структуры села. Дома стали располагаться по обе стороны улицы, исключение составляла лишь центральная часть. По переписи 1678 г. в нем числился 31 крестьянский двор, 2 двора дворовых сторожей, 2 бобыльских двора, двор приказчика и двор коровника. Со временем правления Петра I и переноса столицы из Москвы в Петербург жизнь замирает во всех подмосковных царских вотчинах.

В течение 50 лет Тайнинское стоит практически без хозяина. За это время полностью был разрушен дворец Алексея Михайловича, пришли в негодность хозяйственные постройки.

Свое второе возрождение Тайнинское переживает в середине XVIII в., времени правления Елизаветы Петровны. Расширяется комплекс государева двора, возводится новый деревянный дворец (вблизи развалин построек Алексея Михайловича), появились новые хозяйственные постройки. Комплекс включал управлятельный, конюшенный, скотный и житные дворы, две мельницы на Язу. Большое хозяйство обслуживалось специальным штатом крепостных крестьян: садовники, плотники, кузнецы, конюхи и скотники. На территории села была возведена "фартинная" губа, а позади нее к Язу пивоварня о двух горнах.

В 1763 г. императрица Екатерина II пожелала улучшить дворец в Тайнинском и расширить его за счет новых построек: кухни, "тафельдекарской", "кафишенской", кавалерского дома и прочих служб.

Строительство хотя и велось, но императрица не посещала свою вотчину. Постепенно усадьба приходит в запустение и больше никогда не возрождается. Елизаветинский дворец сгорел в первой половине XIX в. Многие из хозяйственных построек простояли до XX в., в них недолгое время размещалась коммуна, затем их разобрали на строительный лес.

В начале XIX в. здешний дворец посетил Н.М.Карамзин: "Я осмотрел его: есть большие комнаты, и видно, что некоторые были хорошо отделаны. Госпожа Радклиф могла бы воспользоваться сим дворцом и сочинить на него ужасный роман; тут есть все нужное для ее мастерства: пустые залы, коридоры, высокие лестницы, остатки богатых украшений, и (что всего важнее) ветер воет в трубах, свистит в разбитые окончины и хлопает дверьми, с которых валится позолота. Я же ходил по гнилым его лестницам при страшном громе и блеске молний: это в самом деле могло сильно действовать на воображение. Жаль, что такое приятное место, окруженное водою и густо осененное старыми деревьями, которые могли бы закрыть и самое огромное здание, теперь остается дикою пустынею. Везде трава в лясах, крапива и полынь растут на свободе. Солнечные воды Яузы оделись тиною. Мосты сгнили, так что я с великим трудом мог через один из них перебраться".

До XУШ в. Тайнинское было крупным дворцовым селом, имевшим статус волостного центра. В состав Тайнинской волости входило 16 деревень. Из них 9 деревень принадлежали дворцовому ведомству (Мытищи, Большие Мытищи, Ватутино, Волково, Рупосово, Ховрино, Челобитьево, Шарапово, Яdrovo), остальные деревни принадлежали частным владельцам (Неклюдово, Подушкино, Раево, Ростокино, Сабурово, Филино, Юрлово). В конце XУШ в. (по закону 1797) все дворцовые села переходят в удельное ведомство. Тайнинское продолжает являться центром волости до 60-х гг. XIX в., а с этого времени центром бывшей Тайнинской волости становится быстро развивающееся село Большие Кытицы Удельного ведомства.

С этого времени Тайнинское является заштатным селом,

принадлежавшим Уделльному ведомству. К концу XIX-XX вв. местное население наряду с сельскохозяйственной деятельностью начало заниматься отхожими промыслами (извоз и работа на заводах и фабриках). Связано это было с близостью Москвы и Мытищ. С 1926 г., когда Мытищи получили статус города, почти все местные жители стали работать на предприятиях города.

Ныне Тайнинское входит в состав г. Мытищи. Вытянувшись на полтора километра с севера на юг, село непосредственно подходит к Московской кольцевой автодороге. С восточной стороны села в 1936 г. выселенцами из Москвы было образовано поселение, застроенное домами усадебного типа. Таким образом, с середины 30-х гг. XX в. происходит постепенное слияние Тайнинского с поселком Перловкой. В непосредственной близости к селу (500-600 м) с севера находятся новые жилые кварталы Мытищ. Современная застройка, преимущественно 9-16-этажными домами скоро вплотную приблизится к селу.

Сегодня в селе проживают в большинстве своем пенсионеры, более молодое поколение работает и живет в Мытищах и Москве. В селе насчитывается 45 жилых домов. Все они представляют собой деревянные сооружения, характерные для этой части Подмосковья, застроенные хозяйственными сооружениями на приусадебных участках, с садами и огородами. В большинстве своем жилые усадьбы используют в качестве дач как для мытищинцев, так и для москвичей.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1887. Вып.5. С.23-26; Клейн В.К. Памятники древнерусского искусства в дворцовом селе Тайнинское. М., 1912.

В.Ю.Кузнецова

ТРОПАРЕВО

Название села Тропарева, вошедшего в состав современной Москвы, имеет владельческое происхождение. По сведениям И.Е.Забелина его первым владельцем был родоначальник

рода Трапаревых или Трепаревых, о котором под 1393 г. ему удалось найти следующие сведения: "Сентября в 21 день преставился Иван Михайлович, нарицаемый Трапарь, в бельцах и положен в своем монастыре на селе своем".

О существовании Трапарева в этот период можно спорить, но, во всяком случае, уже в одной из купчих грамот 1491 г. упоминается "Фомина земля Трапарева", что позволяет твердо говорить о существовании этого села в конце XV в. Очевидно, от представителей этого рода мелких местных вотчинников село позднее поступило в московский Новодевичий монастырь, основанный в 1524 г. великим князем Василием Ш в честь присоединения к России Смоленска. С тех пор на протяжении двух с лишним веков село Трапарево (или Требарево, как оно именуется в некоторых документах) принадлежало обители - одному из богатейших духовных феодалов своего времени. В селе находился монастырский двор, управлявший хозяйством в селе и "тянувших" к нему деревнях, из которых к середине XIX в. уцелело лишь Никулино.

В начале XVI в. село было разорено во время военных действий. Писцовая книга 1527 г. так описывает его: "Новодевичья монастыря, что на Москве, вотчина село Трапарево, на Трапаревском враге, а в нем место церковное, что была церковь Чудо Архистратига Михаила; да в селе во дворе поп Наум Иванов, да двор монастырской, в в нем живут 3 крестьянина, да 7 дворов крестьянских, в них 12 человек, да 2 двора бобыльских, в них 2 человека".

После Смутного времени в Трапареве строится деревянная церковь Архистратига Михаила и село возрождается вновь. В 1646 г. вотчина насчитывала 21 двор, где жило 51 человек, а в 1678 г. в Трапареве с приселком Никулином находилось "два двора монастырских, людей в них 15 человек, 11 дворов крестьянских, в них 69 человек, и 15 дворов бобыльских, в них 46 человек".

В 1695 г. в селе возводится богатый каменный храм в стиле "нарышкинского" барокко. В записных книгах о выданых антиминсах 1695-1696 гг. значится: "октября в 25-й день

по благословенной грамоте дан антиминс ко освящению церкви Чудо Архистратига Михаила в Московском уезде, в село Тропарево; взял антиминс той же церкви поп Иоанн".

Интересен архитектурный облик храма: высокий двухсветный четверик с выдвинутыми вперед тремя апсидами и завершенный пятью главами переходит в трапезную, которая замкнута с противоэложной стороны многогранной шатровой колокольней. В церкви существовало 3 придела: собственно Михаила Архангела, священномуученика Харлампия, Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. В тропаревской церкви удачно объединились формы, привычные для рядовых приходских церквей того времени, с элементами "нарышкинского стиля": живописным декоративным убранством и строгой многоярусной структурой.

К началу XIX в. в Тропарево насчитывалось уже более 40 дворов. Село принадлежало Новодевичьему монастырю до 1764 г. затем было секуляризировано и передано в ведение Коллегии Экономии. По свидетельству путеводителей по Подмосковью XIX-XIX вв., Тропарево привлекало внимание удачным расположением в живописном месте, а также обширными монастырскими садами.

В восьмидесятых годах XIX в. село входило в Зюзинскую волость. В нем, по данным 1884 г., было 60 дворов, 201 душа; действовало земское училище, работал трактир. Село продолжало расти, в начале XX в. подверглась ремонту тропаревская церковь.

Наибольший расцвет села пришелся на тридцатые годы XX в. В тот момент количество крестьянских хозяйств увеличилось до 143, население составило около 800 человек.

В 1960 г. Тропарево вошло в черту Москвы. С этого момента начался упадок села. В конце 1960 - начале 1970-х гг. в Тропареве создается экспериментальный жилой массив, в ходе строительства которого отрабатывались методы монтажа различных типов зданий на основе единого каталога строительных деталей. В 1975 г. церковь Архангела Михаила была закрыта и превращена в склад, а к началу 80-х исчезли

и последние крестьянские дома.

В 1989 г. по настоятельным просьбам горожан-жителей микрорайонов, расположенных на месте древнего села церковь Архангела Михаила передана Русской Православной Церкви, отреставрирована и в настоящее время действует.

На одном из уральских заводов были отлиты по специальному заказу новые колокола, а в первую годовщину открытия храма труппа расположенного рядом Театра на Юго-Западе пешедала в церковь Михаила Архангела старый к локол, который бережно подс рала и сохранила (после того, как во время закрытия храма колокола были сброшены с колокольни) одна из жительниц Тропарево. В настоящее время идет дальнейшее обустройство храма - обновляется иконостас, сооружаются новые постройки, в частности, построен дом-причта с воскресной школой.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...

М., 1886. Вып.3. С.113-115.

Н.П.Ильшева-Введенская.

УСОВО

Село Усово на р.Москве в сохранившихся источниках впервые упоминается лишь в 1627 г., но, история его гораздо древнее. Своим возникновением оно, очевидно, обязано родоначальнику дворянского рода Усовых - знатному шляхтичу Даврентию Усу, выехавшему в 1448 г. из Литвы к великому московскому князю Василию Васильевичу Темному. Видимо он, или его ближайшие потомки, получили здесь земли и возникшее селение по их фамилии стало называться Усовым.

О первых десятилетиях существования села никаких сведений не уцелело и только из писцового описания 1627 г. становится известным что оно находилось в вотчине князя Федора Алексеевича Сицкого. В нем числились деревянная Спасская церковь, дворы вотчинника, конюшенный и скотный, 4 людских двора и 4 крестьянских двора, где проживало 10 человек. Федор Алексеевич Сицкий в первой четверти XVII в. служил в стольниках и в 1613 г. подписался под грамотой об

избрании царем Михаила Романова. Во время его службы в комнатных стольниках ему давались различные поручения, а во время богослужения он всегда сопровождал царя. В 1626 г. на второй свадьбе Михаила Романова с Евдокией Стрешневой он постипал под государя и государыню подножие, а на другой день был с царем в мыльне. Очевидно, князь Сицкий был очень близок к царю. Об этом можно судить и по тому, что в Усово в церкви Спаса были приделы во имя Михаила Калеина и Федора Стратилата, т.е. ангелов царя Михаила Федоровича и самого князя Сицкого.

После смерти бездетного Федора Сицкого его отец Алексей Юрьевич Сицкий отдал Усово в приданое своей дочери, вышедшей замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова. Новый владелец села был братом Бориса Ивановича Морозова, родственника и воспитателя царя Алексея Михайловича, и занимал видное место в тогдашнем обществе. По описи 1646 г. в Усово кроме двора вотчинника значилось 5 дворов людских и 7 крестьянских. После его смерти в 1662 г. Усово перешло к его сыну стольнику Ивану Глебовичу. Но настоящей владелицей села стала вдона Глеба Ивановича – знаменитая боярыня Феодосия Прокофьевна Морозова, чтимая старообрядцами как святая. Семнадцать лет она была выдана замуж. Оставшись после смерти мужа вдовой, она всецело отдалась религиозному чувству и делам благочестия, и вскоре была увлечена речами знаменитого протопопа Аввакума, под влиянием которого тайно приняла постриг. Ни убеждения властей, ни тюремное заключение и интки не смогли отвлечь ее от раскольников, и тогда она вместе с сестрой была сослана в Боровск и заточена в подземной тюрьме, где умерла в 1672 г. Иван Глебович годом раньше умер бездетным, и род Морозовых пресекся.

В 1672 г. Усово было пожаловано личному боярину Афанасию Ивановичу Матюшкину, одному из самых близких к царю Алексею Михайловичу людей (сохранилась его переписка с царем). После его смерти в мае 1676 г. Усово перешло по наследству к его старшему сыну (от первого брака) окольничему

му Ивану Афанасьевичу Матюшкину. При нем, по описанию 1678 г. в селе находились двор вотчинника, двор задворного человека и 10 крестьянских и бобыльских дворов, где значилось 42 человека. Последние годы жизни Иван Афанасьевич был воеводой в далекой Вятке, и после его смерти в 1695 г., за отсутствием детей, Усово досталось его сводному брату Михаилу Афанасьевичу Матюшкину, впоследствии до служившему до генерал-аншефа, за которым село находилось до его кончины в 1737 г. При нем в 1705 г., взамен сгоревшей, была построена новая деревянная церковь св. Спаса, и по храму село стало писаться Спасским.

В 1756 г. Усово принадлежало его вдове Софье Дмитриевне с детьми Дмитрием и Михаилом.

Во второй половине XVIII в. Усово принадлежало бригади-
ру Михаилу Михайловичу Матюшкину. При нем здесь стояла
усадьба, окруженная прекрасным садом с оранжереями, огоро-
дами, разными хозяйственными службами. Неподалеку от нее
в 1765 г. была заложена каменная Спасская церковь. В селе
было 40 дворов, где проживало 375 человек. Ежегодно 16 ав-
густа, в храмовый день Спаса Нерукотворного образа, устра-
ивалась ярмарка, на которую съезжались крестьяне из бли-
жайшей округи.

Михаил Михайлович не был женат и прямых наследников у него не осталось. В 1784 г., в год смерти, он составил завещание: капиталы он отдавал приближенным лицам и бого-
угодным заведениям, а недвижимое имущество, включая Усо-
во, завещал своим побочным сыновьям коллежскому ассесору
Сергею и гвардии капитану Дмитрию Михайловичам Лассенгей-
нер. Братья Лассенгейнер владели Усовым до 1806 г., когда
Дмитрий Михайлович продал его генерал-фельдмаршалу графу
Николаю Ивановичу Салтыкову. По преданию Лассенгейнер про-
играл село в карты, сохранив за собой лишь небольшой участ-
ток земли.

Николай Иванович Салтыков был одной из видных фигур царствования Екатерины II. Его отец был сыном внучатного племянника императрицы Анны Иоанновны и таким образом он

состоял, хотя и в дальнем, но родстве с царствующим домом. В 70-е годы XIX в. он состоял воспитателем Павла I, а затем великих князей Александра и Константина. На этой должности он проявил дипломатический талант и за десять лет пребывания при Павле I, при всей натянутости отношений последнего с матерью, не навлек на себя неудовольствия ни одной из сторон. В начале XIX в., из-за состояния здоровья, он вышел в отставку, но в 1812 г. был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров, на который пробыл до 1816 г., получив за это княжеский титул. В 1814 г. Салтыков продал Усово, разоренное войной с Наполеоном, полковнику Дмитрию Павловичу Руничу. При нем село было восстановлено. После скоропостижной его смерти в 1816 г. Усово владела его вдова, у которой в 1820 г. село купил гвардии прапорщик Александр Петрович Хрущев. При нем в 1822 г. к церкви была пристроена колокольня и устроен придел.

После его смерти в 1841 г. Усово, согласно духовному завещанию, перешло его вдове Агафье Ивановне, урожденной Ульбышевой. Она умерла через год, завещав имение малолетней дочери. Спекуны в 1843 г. продали Усово титулярному советнику Василию Васильевичу Неведомскому.

В 1844 г. село перешло его вдове Анне Петровне с их малолетними детьми, а в 1846 г. было продано дочерям надворного советника левицам Елизавете и Ольге Александровнам Вельяминовым. Елизавета умерла в 1850 г. и до своей смерти в 1866 г. единственной владелицей села оставалась Сльга Александровна Вельяминова. При ней село обеднело. По воспоминаниям современника "крестьяне, обрадовавшись данной им воле, зная ремесло, бросили свое сельское хозяйство и отправились на сторону на заработки. Растроив свое хозяйство, а от заработка не нашедши выгоды, снова вернулись к хозяйству; но не могли уже сколько-нибудь хорошо устроить его и самим устроиться. Усово принял вид выморошенного села: стояли гд. дом, где два, кое из чего сколоченные, ветхие, покосившиеся, с раскрытыми на половину кровлями,

без дворов, разделенные большими переулками с ямами — свидетелями прежних строений".

В январе 1867 г. Усово купил генерал-майор А.Б.Козаков, владелец соседнего имения Подушкино, а в апреле того же года оно было уступлено им за 33 тысяч Департаменту уделов. Во владении царской семьи село оставалось до 1917 г., образуя единый хозяйственный комплекс с расположенным рядом Ильинским.

В конце апреля 1918 г. в Усово отдыхал В.И.Унин. Он останавливался в стоящем же леснике Е.А.Давреева и вместе с ним ходил на охоту. С этих времен Усово становится местом отдыха партийно-правительственной элиты. Этому способствовала и прокладка в начале 1920-х годов железнодорожной ветки, конечным пунктом которой стало Усово. В различные годы здесь размещались на госдачах Ф.Э.Дзержинский, И.В.Сталин, К.Е.Ворошилов, Н.В.Подгорный и др. Живописные места привлекают сюда массу туристов-москвичей.

Лит.: Холмогоров В. и Г. Исторические материалы. М., 1886. Вып.3. С.276-279.

К.А.Аверьянов.

ФЕДОСКИНО

Федоскино, расположившееся к северу от столицы в современном Мытищинском районе, первоначально называлось Федосынино. В известных нам источниках оно упоминается в писцовой книге 1584 г. и записано как старинная вотчина Андрея Ивановича Вельяминова. То же описание фиксирует по соседству и другие старинные вотчины представителей этого рода, что позволило академику С.Б.Веселовскому наметить здесь значительное землевладение Вельяминовых с начала XVI в.

В 1614 г. по духовной грамоте его сына Леонтия Седоскино было дано московскому Богоявленскому монастырю. В писцовой книге 1623 г. фиксировалось: "вотчина Богоявленского монастыря, что на Москве, что прежде была вотчина за Андреем Ивановым с сыном, да за Кириллом, да за Никифором, да

за Федором Вельяминовыми старинная отца их вотчина село Федосынино, на реке Уче, а внем храм Николы чудотворца, деревян клетици, стоит пуст, без пения, да в том же селе двор монастырской, да 4 двора крестьянских и бобыльских, в них 7 человек".

По описанию 1646 г. в Федоскине значилось 7 крестьянских дворов и 22 человека, а по переписи 1678 г. шесть крестьянских дворов, в них 24 человека, три бобыльских двора, в них 7 человек и монастырский двор. Село постепенно богатело и в 1684 г. в нем была построена новая деревянная церковь во имя Николая чудотворца.

В 1688 г. власти Богоявленского монастыря обменяли село патриарху и Федоскино стало одним из домовых сел патриаршей кафедры. В 1704 г. в нем числилось девять крестьянских дворов. В середине XVIII в. Федоскино, после секуляризации церковных владений, стало "экономическим", а еще столетие спустя оно числилось государственным и по данным 1852 г. в нем значилось церковь, 14 дворов, 56 душ мужского и 82 души женского пола.

Но знаменито Федоскино тем, что оно стало родиной искусства миниатюрной живописи на разнообразных по форме и размерам лакированных изделиях. В конце XVIII в. в России проявился широкий интерес к лакированным изделиям. Появляется до десятка мелких мастерских, ведущим из которых становится производство московского купца Петра Ивановича Коробова, основанное им в 1795 г. Строго говоря, оно было основано не в Федоскино, а сельце Данилково, расположенному на противоположном от Федоскина берегу речки Учи, которое позднее слилось с Федоскиным.

Путешествуя по Европе, предпримчивый купец заинтересовался расписными изделиями лакировальной фабрики И.Г. Штобвассера в немецком городе Браунштейге. Коробову удалось приобрести у немца необходимый инвентарь и пригласить нескольких мастеров в Россию. В 1795 г. фабрика была основана. Вначале она выпускала так называемый "козыречный товар" - козырьки, которые делались из бумажной массы с ко-

нопляным маслом и канифолью, а затем покрывались лаком. Позднее, познакомившись с заграничными лаковыми изделиями, П.И.Коробов начал выпускать круглые табакерки из папье-маше, на которые наклеивались гравюры и покрывались лаком. В XIX в. табакерки стали украшаться миниатюрами, писанными масляными красками.

На дочери П.И.Коробова Екатерине Петровне женился московский купец Петр Васильевич Лукутин и в 1818г., не-задолго до смерти П.И.Коробов передает производство своему зятю.

При нем начинается новый период развития промысла. Обладая хорошим вкусом, в полюбившееся дело он вложил всю свою энергию. Через пять-шесть лет число мастеров достигло более полусотни человек. При фабрике была создана рисовальная школа, где обучалось до двадцати учеников.

А.П.Лукутин был самым почитаемым владельцем фабрики. Его эскизы нередко служили образцом для федоскинских мастеров. Пора наивысшего расцвета производства приходится на период совместного ведения дела П.В.Лукутиным и его сыном Александром Петровичем. Своим качеством их лаковые изделия, бесспорно лучшие в России, ни в чем не уступали немецким и французским, к тому же они были дешевле европейских. В этот период складываются стиль, творческая манера создания миниатюры.

Технология изготовления лаковых изделий из папье-маше представляла из себя целый ряд трудоемких последовательных операций. Основным сырьем служил древесный картон, который резался на длинные ленты, смазывался крахмальным клейстером, и навивался слой за слоем на стальные или деревянные болванки, и, наконец, обжимался со всех сторон прессом. Заготовки сушили на воздухе, проваривались в льяном масле, и снова неделю сушили в герметически закрытых шкафах при температуре около 10 градусов. Затем изделия проходили столярную обработку: их опиливали и монтировали в нужную форму. Потом на изделиях укрепляли шариры, далее грунтовали, шпатлевали, шлифовали, многократно нанося слои черного лака и красного по эмали. После

каждого покрытия производилась сушка при температуре 70 градусов в течении шести часов. И лишь после этого приступали к росписи. Законченную живопись из пульверизатора покрывали до пяти слоев светлым масляным лаком, готовые лакированные изделия полировались до зеркального блеска. Все эти операции производились вручную с эпизодическим применением различных механизмов. Изделия, прошедшие весь этот сложный технологический процесс, приобретали необычайную прочность.

Со временем изделия федоскинской мануфактуры приобрели необычайную прочность.

Со временем изделия федоскинской мануфактуры приобрели мировую известность – табакерки, ларцы с миниатюрной живописью, копии с картин, портреты, пейзажи, жанровые сцены – "тройки", "чаепития", подсвечники, рамки для фотографий, пасхальные яйца, иконы пользовались спросом не только в России. В прейскуранте у Лукутиных количество наименований изделий доходило до ста шестидесяти.

Художники-миниатюристы были вольнонаемными и приглашались Лукутинами из разных мест, а в конце XIX в. по преимуществу из иконописцев Москвы. Особо искусно велась мастерами роспись "посквозному", когда лаковая живопись наносилась по грунтам из порошков аллюминия, бронзы, листового сусального золота, а также перламутру, и где прозрачная краска, наложенная тонкими акварельными красками на металлическую подготовку или перламутровую пластинку, делала изделия как бы светящимися изнутри.

Помимо торговых дел и Петр Васильевич и Александр Петрович участвовали, будучи купцами, в общественных делах купечества. Так, Петр Васильевич в 1834 г. был избран на трехлетие членом в первый департамент магистрата. В 1836 г. был избран от Московского купечества, также на трехлетие, в торговую депутатию – депутатом. Он избирался также с 1839 по 1851 г. уполномоченным поверенным, которым было поручено рассматривать и исполнять посредством советов все генеральные дела, общественные дела, а также производ-

дить выборы московским купеческим сословием в разные должности. Петр Васильевич был почетным гражданином Москвы. Александр Петрович был избираем в комиссары Городской Канцелярии, а также был душеприказчиком некоторых Московских купцов. В 1828 г. П.В.Лукутину было предоставлено право на изделиях ставить государственный знак. В 1831 г. за представленные изделия на выставку в Москве, П.В.Лукутин получил золотую медаль для ношения на шее на Анненской ленте. В 1839 г. за представленные на выставку в Санкт-Петербурге вещи он был награжден золотой медалью на Владимирской ленте. За изделия, представленные на выставке в Варшаве в 1841 г., Александр Петрович был награжден золотой медалью на Анненской ленте.

В 1863 г. после смерти отца Александр Петрович Лукутин стал единовластным хозяином огромного производства и энергично способствовал его развитию. Ежегодно в этот период выпускалось до шести тысяч лакированных изделий, на сумму свыше 23 тысяч рублей. Вплоть до последней четверти XIX в. лукутинская фабрика не знала конкуренции. Напротив, не выдерживая соперничества с Лукутиными, разорялись лавки, пившиеся вокруг Федоскина другие мелкие фабрики и мастерские.

Старший сын Александра Петровича – Петр Александрович в деловых кругах того времени не значился. Особого интереса к управлению фабрикой он не испытывал. В Федоскино с его именем связана история постройки церкви, взамен сгоревшей в 1875 г. прежней деревянной. Автором проекта нового деревянного храма был архитектор А.И.Померанцев. К 1877 г. постройка церкви под присмотром Петра Александровича была закончена, им же были заказаны недостающие образа для иконостаса.

Примерно в 1876 г. А.П.Лукутин начинает вовлекать в руководство фабрикой своего другого сына Николая Александровича, который после смерти отца в 1883 г. вплоть до 1902 г. становится хозяином производства.

Он родился в 1853 г. в Москве, а после окончания класс-

сической гимназии, имея тяготение к военной службе, в 1874 г. поступил вольноопределяющимся в Уланский Петербургский полк и, уже будучи офицером, участвовал в турецкой кампании 1877-78 гг. За участие в боях был награжден орденами. Выйдя в отставку с мундирем в 1878 г. занялся общественной и благотворительной деятельностью.

Он был почетным членом Московского совета Детских приютов, член совета призрения им. Г.И.Хлудова, директором Московского филармонического общества, членом общества искусства и литературы, около 10 лет председателем совета Московской Глазной больницы (ныне больница на Тверской улице) и много приложил труда по ее расширению и усовершенствованию. Будучи старостой церкви при этой больнице, благодаря его стараниям был проведен капитальный ремонт и приобретена новая утварь за его счет.

Свою федоскинскую фабрику он посещал лишь изредка, передоверив работу своим помощникам. Постепенно промысел шел на убыль. После смерти Н.А.Лукутина наследование фабрикой в 1902 г. перешло к его жене Л.Г.Лукутиной, которая два года спустя рассчитала всех мастеров фабрики и они были уволены. Некоторые из них вынуждены были работать в соседней мастерской М.П.Вишнякова, другие разбрелись в поисках случайных заработков.

В 1910 г. тайно от Вишнякова десять человек — шесть живописцев и четыре мастера, изготавливавших полуфабрикат, получив под залог имущества ссуду, в соседней деревне Семенищево построили здание мастерской федоскинской трудовой артели, коллектив которой продолжил традиции лукитинской фабрики.

После Октябрьской революции, одним из активнейших участников которой был уроженец села А.Г.Железняков — легендарный матрос Железняк, начальник караула, разогнавшего Учредительное собрание, встал вопрос о расширении производства. В 1931 г. была организована Федоскинская художественная школа, начавшая выпускать мастеров полуфабриката и живописцев.

В послереволюционные годы федоскинские мастера стали создавать оригинальные творческие композиции, писать копии с картин мастеров прошлого и советских художников. Их работы неоднократно экспонировались в нашей стране и за рубежом на многочисленных выставках.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1885. Вып. 4. С. 42-45; Василенко В.М., Артамонов М. Федоскино. М.; Л., 1955; Яловенко Г.В. Федоскино. М., 1959; Грязнов А.И. Федоскинские таланты. М., 1970; Федоскин. Альбом. М., 1984.

М. В. Пржевальский.

ФИЛИМОНКИ

Село Филимонки, расположенное в Ленинском районе Подмосковья, в сохранившихся источниках впервые упоминается лишь с первой четверти XVI в. Но благодаря тому, что в писцовой книге этого времени имеется ссылка на недошедшее до нас описание, становится известным, что деревня Филимоново, Филимонцево тож, в последней четверти XVI в. находилось в поместье за князем Иваном Шербатовым.

Деятельность князя Ивана Михайловича Шербатова целиком приходится на три последних десятилетия XVI в. В 1572 г. он вместе с братом Дмитрием находился в числе прочих воевод "из опричнины" в Тарусе, а в дальнейшем мы видим его постоянно на воеводствах в различных южных городах Русского государства, на "береговой службе", во время которой его рать прикрывала страну от набегов крымцев. Последнее известное упоминание о нем относится к 1598 г.

О судьбе Филимонова в период Смутного времени никаких сведений не сохранилось, а по ввозной грамоте 1620 г. оно становится поместьем князя Леонтия Салтановича Шейлякова. В 1639 г. поместье Филимонцево досталось окольничему князю Василию Петровичу Ахамашкову-Черкасскому, а через два года было выкуплено им же в вотчину. Василий Петрович был известным воеводой во многих походах при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михаловиче. С его смертью в 1652 г. ветвь князей

Ахамашуковых-Черкасских угасла и Филимонцево в качестве вымороочного владения досталось как поместье стольнику Федору Ртищеву с братьями.

Федор Григорьевич Ртищев начал службу в 1649 г. в скромном чине жильца, но позже, благодаря своему знаменитому родичу Федору Михайловичу Ртищеву, сумел быстро дослужиться до стольника и воеводы. При царе Алексее Михайловиче и его сыне Федоре, когда Ртищевы были в почете, никто не смел предъявить им имущественных претензий. Но после смерти царя Федора, как это часто бывает, претензии на Филимонцево выдвинула племянница князя Ахамашкова-Черкасского Екатерина Тарбеева, жена окольничего Языкова. Иск был удовлетворен, а Ртищевым во владении отказано.

Новая владелица довольно быстро продала свое село и в 1694 г. оно становится собственностью князя Петра Алексеевича Голицына, младшего брата известного воспитателя Петра I Бориса Алексеевича Голицыча. Петр Алексеевич родился в 1660 г. В 1697 г. по одному делу он был невинно подвергнут пытке, но затем полностью возвратил доверие царя к себе. В 1700-1705 гг. он был послом в Вене, затем сенатором, наместником в Архангельске, Риге и Киеве, где он и скончался в 1722 г. После его смерти Филимонцево досталось его сыновьям Николаю и Александру, которые продали свои доли наследства соответственно в 1728 и 1742 гг. полковнику Якову Йовичу Протасову.

После его смерти в 1748 г. село перешло к его сыну, Якову Яковлевичу Протасову, активному участнику Семилетней войны. Позднее он дослужился до генерал-поручика. Между прочим, за несколько лет до своей смерти он подписался под сентенцией о четвертовании Пугачева. В 1752 г. он продал Филимонки за 1600 руб. И.С.Чебышеву. В купчей любопытно описание строений господской усадьбы: "хоромы помещиковы ветхи, изба людская еловая ветха, изба скотская березовая ветха, заборы на половину двора березовые ветхие, а на другой половине двора скотный двор и место огорода огорожены ветхим плетнем". После смерти Чебышева возникла тяжба между наследниками и в итоге Филимонки достались дочери его родного брата - княгине

Екатерине Михайловне Голицыной и ее мужу Павлу Федоровичу. В 1769 г. Голицына продала имение за 2 тыс. руб. М.В. Зиновьеву.

В начале XIX в. имение принадлежало Лачиновым. При них прежняя ветхая усадьба подвергается полной перестройке и создается усадебный комплекс в стиле ампир, характерном для всего усадебного строительства XIX в. Был устроен пейзажный липовый парк, а по реке Ликовой ряд каскадных прудов. Существует предание, что в первый день отступления французов из Москвы в 1812 г. здесь, в усадьбе, ночевал Наполеон.

После Лачиновых Филимонки перешли к Панчулидзе, который в свою очередь продал имение тайному советнику князю Борису Антоновичу Святополк-Четвертинскому. По сведениям 1852 г. сельцо Филимонки принадлежало его жене Надежде Федоровне. Здесь стоял господский дом и пять дворов, где жило 28 человек. После нее имение досталось их дочери фрейлине Vere Борисовне Святополк-Четвертинской, женщине очень религиозной. В память о брате и его жене она в 1861 г. закончила строительство двухэтажного храма. Верхний был посвящен св. Троице, а нижний церковь, во имя Сергия Радонежского, была устроена над семейным склепом князей Святополк-Четвертинских.

Позднее она устраивает здесь монастырь. Поводом для этого послужило крушение царского поезда в октябре 1888 г. на Азово-Харьковской железной дороге. Несмотря на то, что во время аварии погибло много людей, сам Александр III и его семья не пострадали. То, что царь уцелел, экзальтированная княжна сочла чудом и в память об этом дала обет устроить обитель. В 1888-1890 гг., накануне открытия монастыря, в усадебном доме у будущей настоятельницы жили 6 монахинь-послушниц, а во флигеле помещались 6 девиц, исполнявших черные работы. В 1891 г. обитель, названная Владимирской, в память о брате княжны, была освящена: в 1895 г. в ней было около 70-ти сестер, в 1908 г. здесь были игумения, 3 монахини и сто послушниц, а в 1911 г. число сестер доходило до 130 человек. В начале XX в. церковь Троицы была перестроена, воздвигнута высокая колокольня и Успенская церковь с двумя приделами.

По данным 1890 г. в Филимонках проживало 36 человек и имелось небольшое токарное и столярное заведение крестьянинка

В.И.Лобанова, где было занято три человека. После смерти Веры Борисовны усадьба перешла к Лепешкиным, которые были ее последними владельцами.

После революции в бывшей усадьбе был устроен дом отдыха, затем помещалась школа-восьмилетка, а летом располагался пионерский лагерь. Монастырь был упразднен, а его помещения занял дом инвалидов. На базе имения был устроен один из первых в Подмосковье совхозов.

Лит.: Шеппинг Д.О. Древний Сосенский стан Московского уезда. М., 1895. С. 53 – 55; Владимирская женская община при сельце Филимонках. М., 1895.

А.С.Лившиц

ФУНЬКОВО

Деревня Фуньково расположилась к северу от Звенигорода. Ее история уходит в далёкое прошлое и связана с боярским родом Морозовых, которому в Звенигородском крае издавна принадлежали огромные латифундии. Видным боярином звенигородского князя Юрия Дмитриевича был Семен Федорович Морозов, имя которого неоднократно встречается на страницах летописей. "Бе бо сей Семен у князя Юрья Дмитриевича в велице славе и любви," – говорит о нем летописец. Единственный сын Семена Иван не имел сыновей, а свою дочь выдал замуж за князя Фуника Давидовича Кемского (из белозерских князей), жившего во второй половине XV в. и ставшего родоначальником князей Фуниковых. В пр. даное ему он отдал ряд своих вотчин, среди которых было и село Никольское. В роду Фуниковых село оставалось более столетия и по фамилии владельцев с начала XVI в. стало называться Никольским-Фуниковым, а затем превратилось в Фуньково.

Писцовая книга 1558 г. застает село во владении князя Василия Семеновича Фуникова и Федора Федоровича Нагова, которому его половина села досталась в качестве приданого. На половине князя Василия стояла церковь Николы Чудотворца, а на половине Нагова теплая церковь Христовы мученицы Параскевы Пятницы.

Федор Федорович Нагой был довольно любопытной личностью

второй половины XVI в. Впервые он упоминается в 1547 г. В 60 - 70-е гг. XVI в. он служит воеводой в различных походах, иногда сопровождает царя в его поездках, а под конец царствования Ивана IV в 1577 г. был пожалован в окольничие. Положение его резко изменилось в 1581 г., когда царь женился в последний раз на его дочери Марии Федоровне Нагой. Из простого воеводы он превратился в тестя царя, одно из наиболее близких к нему лиц. Впрочем, его влияние на дела было крайне невелико. Он попытался было вступить в борьбу за власть на царя с Борисом Годуновым, но потерпел неудачу. Несмотря на свой боярский титул после смерти Ивана IV его положение при дворе ухудшилось. Когда его внука царевича Димитрия отправили в Углич, туда же был сослан и дед. После известных событий в Угличе следственная комиссия во главе с Василем Шуйским (будущим царем) обвинила в смерти царевича всех Нагих. Федор Федорович был привезен под стражей в Москву и после целого ряда допросов отправлен в далекую ссылку, откуда уже не возвращался.

Судя по писцовому описанию 1624 г. Фуниково было уже в поместье за подьячим Панкратием Бабакиным, Степаном Семеновичем Мокринским и Иваном Александровичем Трегубовым. Храм Николы Чудотворца стоял "без пения", а церковь Параскевы Пятницы уже исчезла. В селе стоял двор Бабакина и людской двор.

В результате смени владельцев к 1677 г. село Никольское, Фуниково тож, с церковью Николая Чудотворца принадлежало князю Федулу Федоровичу Волконскому и путному ключнику Сергею Федоровичу Бахину. При них по переписи 1678 г. в селе находились двор Волконского, где жили приказчик и 8 деловых людей, 6 крестьянских (30 человек) и 3 бобыльских (5 человек) дворов. Федул Федорович Волконский прожил долгую жизнь. Уже в 1658 г. он был стольником, в 1683 г. приводил к присяге в Астрахани имеретинского царя Арчилы, а в следующем году привез в Москву его детей Александра и Матвея Арчиловичей. Умер он только в начале следующего столетия.

После его смерти Фуниково достается в 1707 г. князю Семену Давидовичу Волконскому, от которого перешло его вдо-

ве Ирине с дочерьми. По семейному разделу в 1712 г. Фуниковым владела одна из ее дочерей княжна Ирина Семеновна Волконская, которая с этим именем вышла замуж за князя Алексея Ивановича Шаховского.

Князь Алексей Иванович Шаховской родился около 1690 г., служить начал в 1707 г., а в 1719 г. был уже гвардии капитан-поручиком. В этом же году он вместе с кайором Лиха, звым был послан в Сибирь проводить следствие над сибирским губернатором князем Гагариным, обвинившимся в чудовищных взятах и лихоймствах. За успешное выполнение следствия он в начале 1720 г. был произведен в капитан-лейтенанты. В дальнейшем он быстродвигается по службе, дослужился до генерал-майора, попадает в опалу при Петре II, при Анне Иоанновне получает чин генерал-аншефа и становится правителем Малороссии. Однако, по каким-то причинам он не пожелал сохранить за собой Фуниково и в 1720 г. его жена продает село Григорию Дмитриевичу Колошину.

После его смерти в 1736 г. оно перешло к его вдове Ирине Васильевне с сыном Михаилом и дочерью Авдотьей, вышедшей замуж за Ивана Михайловича Иванчина-Писарева. В 1764 г. Фуниково находилось в общем владении вдовы Михаила Григорьевича Колошина Мары Ивановны и ее золовки Авдотьи. Последняя продала свою часть в 1771 г. Михаилу Ивановичу Ярославову, который вместе с Иваном Михайловичем Колошиным был владельцем села и в 1782 г.

Из дальнейшей истории села мы можем привести лишь отрывочные данные. По сведениям 1852 г. Фуниково превратилось уже в деревню, где было 8 дворов, в которых проживало 47 мужчин и 38 женщин. Оно принадлежало Александре Васильевне Хвостовой. По данным 1890 г. население деревни увеличилось до 132 человек. Судя по переписи 1926 г. в деревне Фуньково (здесь впервые фиксируется современное название) было 32 двора и 148 жителей, размещалось молочное товарищество. Через шесть десятилетий, по данным переписи 1989 г., в деревне сохранился 31 двор, но постоянное население сократилось ровно втрое и составило 48 человек.

Лит.: Халмогоровы В. и Г. Исторические материалы...

ЧЕРКИЗОВО

Несколько подмосковных сел, расположившихся в разных уголках Подмосковья, имеют название Черкизово. Одно из них лежит на живописном берегу р.Москвы, приблизительно в 10 км от Коломны. История этого села дает возможность написать интересную страницу из жизни Московского княжества XIV - XV вв.

Происхождение названия села связано, вероятно, с именем его первого владельца, которым, по мнению С.Б.Веселовского, был царевич Золотой Орды Серкиз. В 1360 и 1371 гг. великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому) пришлось ездить в Орду за ярлыком на великое княжение. Орда уже начала распадаться в результате внутренних смут на самостоятельные ханства и именно к этому времени относится выезд целого ряда видных татар в Москву на русскую службу. По "Государеву ролословицу" к Дмитрию из Большой Орды выехал царевич Серкиз и на Москве крестился с именем Иван. Его сын Андрей Иванович Серкизов был воеводой, на Куликовом поле был в числе руководителей сторожевого полка, принявшего на себя первый удар противника, и пал смертью храбрых.

Первые поколения потомков Серкиза занимали видное место среди московского боярства того времени, были весьма богатыми людьми и владели вотчинами в ряде уездов, в том числе и коломенским селом Черкизово, в названии которого отразилась память о родоначальнике фамилии.

Внук Серкиза Федор Андреевич носил прозвище Старко, по которому его потомки стали писаться Старковыми. В Черкизове память о Федоре Старко сохранилась в названии ижной части села (по р.Москве), которая стала называться "Старки". Погост Старки, расположенный слева от села, известен и специалистам и любителям архитектуры по храму XVI в., построенному, как предполагается, по проекту В.И.Баженова. В актовом материале XVI в. упоминается "Старков погост", служивший возможно и торговым местом. Федор Старко был очень богатым че-

ловеком, принадлежавшим к верхам московского боярства. Через свою дочь Ирину он породнился с Алексеем Игнатьевичем Жеребцовым, состоявшим в довольно близком свойстве с женой великого князя Василия Темного.

У его единственного сына Ивана Федоровича были все данные, чтобы совершить быструю карьеру и упрочить то положение, которое занимали при московских князьях его предки. Будучи еще молодым человеком, в 1436 г. он был наместником (и, возможно, боярином) в таком важном городе, как Коломна. В этом году великому князю Василию Темному удалось "поимать" своего злейшего противника Дмитрия Шемяку и последний был отправлен в Коломну под надзор Ивана Старкова. Дмитрий Шемяка жил у Старкова скорее как почетный гость, нежели узник, и завязал с ним дружеские отношения, что сказалось десятилетием спустя. Летописец, описывая ослепление Василия Темного князьями Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским, писал, что в числе "злых советников" были братья Добрынские, а с ними "коромолил с Москвой" Иван Старков.

Василий Темный, после победы в феодальной войне, сурово расправился с врагами. Иван Старков подвергся опале, но благодаря близости ко двору, родственным связям, как выяснил академик С.Б.Веселовский, сохранил жизнь, но все-таки лишился боярства и вотчин. Село Серкизовское, судя по духовной грамоте Василия Темного 1462 г., попало в руки великого князя и было завещано им своей жене Марии. После ее смерти оно вошло в состав дворцовых вотчин великих московских князей, у которых находилось более двух столетий. Род же потомков Серкиза измельчал и навсегда выбыл из боярской среды.

В 1688 – 1689 гг. Черкизово было передано в вотчинное владение князя Михаила Алегуковича Черкасского, боярина влиятельного и популярного в Москве, решительно поддерживавшего Петра I в борьбе с царевной Софьей. Начиная с этого времени и до реформы 1861 г. село находилось в родовом владении князей Черкасских.

Уже в середине XVII в. село насчитывало большое число крестьянских семей (64 двора, где проживало 95 душ только мужского пола), а также трое воловщиков, т.е. работников,

ухаживавших за скотом.

Для XVII в. писцовые книги отмечают в нем наличие церкви Николы Чудотворца. В селе находилась и усадьба, отстроенная уже в XVIII в. и достраивавшаяся позднее. Сама усадьба, как вспоминал Н.П.Гиляров-Платонов, представляла собой "изящный дворец, с не менее изящными флигелями, с манежем, который сделал бы честь любому губернскому городу и не посрамил бы даже столицы, псарным двором в виде замка с башнями, оранжереями". Постройки в Черкизово восхищали современников своей архитектурой, и живописным расположением: "длинный ряд книжеских каменных домов, почти на версту в длину, разнообразной, но замечательной архитектуры, и при том расположенных со щепетильной симметрией, а впереди них - три церкви, две по бокам и одна в середине; перед книжеским главным домом. Таков был вид Черкизова с Москвой-реки. В стороне от книжеской - избы в несколько слобод, т.е. улиц, все смотрелось зажиточно".

Князья Черкасские были, по всей видимости, рачительными хозяевами. Если в 1705 г. в Черкизове насчитывалось 45 дворов, в которых проживало 207 человек крестьян, то к концу столетия в нем было уже 60 дворов и 662 человека. Село принадлежало тогда статскому советнику князю Борису Михайловичу и полковнице княгине Федосье Ивановне Черкасским. Источник фиксирует наличие двух господских каменных домов, трех церквей, две из которых были каменными (Успенская и Николая Чудотворца). Крестьяне занимались сплавом по Москве-реке в столицу стругов с хлебом, вином, солью и лесом.

В середине XIX в. владельцем села был князь Борис Александрович Черкасский, в состав вотчин которого, помимо Черкизова, входил еще ряд селений. Князь Борис Александрович был, вероятно, "прижимистным хозяином", о чем долгое время свидетельствовали разбросанные вдали от села "черкизовские отрезки" - земельные надели, которые князь отводил своим крестьянам чересполосно, в различных местах. Помимо земледелия местные жители активно участвовали в лавочной торговле "на Коломне", обслуживая не только местный, но и московский рынок. Сын Бориса Александровича умер рано, поэтому черкизовские владения были распределены князем между двумя его внуками.

Старшему были отданы половина угодий, примыкавших к селу, и половина усадьбы, а младшему отошли другая половина угодий и Старки. Первый продал свою часть имения (каменный дом-дворец) московскому финансисту Куманину, но и тот вскоре перепродал ее московскому купцу, собирателю старопечатных книг А.И.Хлудову. С 1882 и до 1917 г. этой частью имения владели дети А.И.Хлудова.

Вторая половина имения попала в руки некоего Ножуева, выходца из крестьян. Нажив капитал в Москве на ассенизаторских работах, он поселился в малом княжеском доме в Старках. Из села Настасьевно Ножуев взял в прислуги себе красивую девицу Дуняшу, влюбился в нее на старости лет и, по ее домогательствам, нотариально перевел свое имение на нее, после чего, купив в Коломне по Дуняшиному же настоянию двухэтажный дом, переехал на новое место жительства в город, где и скончался. А Черкизовское имение Дуняша, еще при жизни Ножуева, продала за 10 тыс. руб. профессору Василию Дмитриевичу Шервинскому. Профессор выезжал в имение на лето, где не только отдыхал, но и лечил местных жителей, оставил о себе память как о внимательном, отзывчивом, добром человеке, бескорыстном докторе. После Октябрьской революции 1917 г. усадьба была закреплена за В.Д.Шервинским, как заслуженным деятелем науки. Умер профессор уже в преклонном возрасте, в 1941 г., и был похоронен на Черкизовском сельском кладбище.

Владельцы первой половины имения оказались в значительной степени людьми бесхозяйственными. Еще при жизни А.И.Хлудова сохранился большой княжеский дом, расположенный на берегу р.Москвы в старинном липовом парке. В этом доме и обитало семейство Хлудовых. Сохранной в это время оставалась и примыкавшая к дому группа разнообразных построек, тянувшаяся вниз по реке, среди которых особенно выделялись массивные конюшни. Но при наследниках А.И.Хлудова дом с надворными службами – сарайми, кладовыми, погребами, одноэтажными и двухэтажными флигелями (деревянными и каменными), служившими бывшей многочисленной княжеской дворне, пришел в упадок. С памятью о Хлудовых связывается лишь земляной вал, сооруженный для защиты усадьбы, после одного чрезвычайно высокого поло-

водя. Как отмечал Н.П.Гиляров-Платонов, "все пошло на слом и продано в разброд: кирпичи - одному, мраморные плиты - другому, бронзовые и чугунные украшения нашли также охотников-покупщиков. На месте палат осталось голое место с тремя церквями".

Немногочисленные постройки, оставшиеся от усадьбы, при советской власти перешли в ведение Московского областного отдела социального обеспечения, организовавшего там сначала детский дом, затем дом инвалидов для учителей. Последнее, после окончания Великой Отечественной войны, он был преобразован в дом отдыха для инвалидов войны. На бывших усадебных землях в 1928 г. была создана Черкизовская сельскохозяйственная артель им. А.М.Горького.

В настоящее время от княжеской усадьбы остался двухэтажный кирпичный флигель, построенный в стиле зрелого классицизма. Специалисты полагают, что автор работы принадлежал к казаковской архитектурной школе. К зданию с торцов примыкают поздние постройки. Частично сохранилась Успенская церковь, сооруженная в 1749 г. и перестроенная в начале XIX в. Церковь соединялась переходом с колокольней. От колокольни осталась часть нижнего яруса, на церкви утрачены многие элементы.

В лучшем состоянии находится сейчас Никольская церковь погоста Старки. Она сооружена в конце XVII в., перестроена по заказу князя Черкасского в 1759-1763 гг. в псевдоготическом стиле. Считается, что автором проекта храма был архитектор В.И.Баженов. Закомары-кокошники и трехчастное вертикальное членение стен связывают храм и с древнерусской архитектурой. М.И.Ильин, описывая памятник, отмечал, что храм в Старках "высится на берегу реки как какое-то своеобразное сказочное сооружение, свидетельствуя о большой фантазии ее творца". В том же плане построена и стоявшая рядом с церковью колокольня, сооруженная одновременно с храмом. В настоящее время церковь освящена и принимает верующих прихожан. Рядом с храмом покоятся бывшие владельцы села Черкизова - князья Черкасские.

В.И.Кузнецов

ЯСЕНЕВО

Древнее село Ясенево, вошедшее в черту Москвы, впервые в форме "Ясиновское" упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г., завещавшего его сыну Андрею. Князь Андрей Иванович Серпуховской в свою очередь передал его в удел своему сыну Владимиру. Новый владелец уделенный серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, получивший это прозвище после Куликовской битвы, женился на дочери великого литовского князя Ольгерда Елене, от которой имел нескольких сыновей. Из их числа Василий получил Переяславль, а к нему "Ясеневское с деревнями да Паншину гарь".

Судьба детей князя Владимира Андреевича была трагичной. Василий Владимирович Переяславский скончался бездетным во время морового поветрия в 1427 г., от которого умерли и все его братья. В живых из мужского потомства Владимира остался лишь единственный внук Василий Ярославич, в руках которого сосредоточился удел его деда. Во время феодальной войны второй четверти XV в. Василий Ярославич был одним из немногих союзников московского великого князя, не отступавшим от него даже в самые черные дни. Во многом благодаря именно ему Василию Темному удалось сохранить за собой великое княжение. Но благодарность московского князя была совершенно противоположной — в июле 1456 г. Василий Ярославич был схвачен в Москве по личному приказу великого князя и отправлен в заточение в Углич, откуда был переведен в Бологду, где и скончался "в жалезех" уже при сыне Василия Темного Иване III в 1483 г. Все владения серпуховского князя, в том числе и Ясенево, были конфискованы.

После смерти Василия Темного в 1462 г. Ясеневское "со всем" перешло к его младшему сыну Андрею Васильевичу Меньшому, дополнив его удел — Вологодское княжество. Но и здесь род быстро прервался. Сам Андрей Васильевич умер в 1481 г. бездетным. "Село Ясеневское у Москвы" отошло к его брату Борису Болоцкому, а после его смерти перешло к сыновьям Борису и Ивану Борисовичам. Иван III, планомерно проводя политику централизации страны, не мог мириться с наличием под

Московой многочисленных сел своих сородичей, где уделные князья чувствовали себя полными хозяевами. Поэтому в июле 1497 г. он отдает волоцким князьям две дальние волости Буйгород и Колпь, лежавшие по соседству с их уделом, а себе забирает почти все их подмосковные села, включая и Ясеневское с деревнями.

Но Ивану III не удалось покончить с уделами. Наоборот, он восстанавливает их, распределяя земли между своими сыновьями. В 1504 г. он завещает Ясенево своему младшему сыну Андрею, ставшему уделным старицким князем. Годы правления Василия III прошли для Андрея Старицкого благополучно. Иначе стало в правление вдовы Василия III Елены Глинской при малолетнем Иване IV, когда Андрей был заключен в тюрьму, где вскоре погиб.

У Андрея остался малолетний сын Владимир. Отношения Ивана Грозного со своим двоюродным братом складывались вначале благоприятно и он возвращает ему отцовские владения. Но фигура Владимира Андреевича оставалась одной из самых реальных кандидатур на московский престол, что особенно ярко проявилось во время болезни царя в 1552 г., когда ряд бояр не соглашался присягнуть малолетнему сыну царя, а выдвигал в качестве преемника старицкого князя. В 1566 г. подозрительный царь, стремясь уничтожить социальную опору старицкого князя, меняет его владения и Ясенево вновь становится царской собственностью.

В 1572 г. Иван Грозный завещал его наследнику престола царевичу Ивану Ивановичу. Гибель старшего брата сделала единовластным владельцем всех царских земель Федора Ивановича.

Оставаясь дворцовым селом, Ясенево привлекло внимание патриарха Филарета, который в 1626 г. начал здесь строительство деревянной церкви во имя Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. После смерти отца царь Михаил Федорович передал Ясенево в пользование одному из близких Филарету людей, "благовещенскому протопопу сыну Ананьеву". Протоионы Благовещенского кремлевского собора по своему положению являлись духовниками царей. Ананью сменил не менее близкий ко двору человек – боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Левов,

Любимец царя, он ведал Приказом Большого дворца. Он вносит многочисленные вклады в местную церковь, дорогие приклады к иконостасу, книгу "Апостол" и строит "колокольницу на столбах, на пять колоколов".

К середине XVII в. Ясенево стало большим селом с многочисленными пустошами, покосами, пашнями и лесными угодьями. По описанию 1646 г. в селе значились: церковь Знамения Пресвятой Богородицы с приделами Николая Чудотворца и святой мученицы Софии, боярский, конюшенный и скотный дворы, 8 дворов деловых людей и 26 крестьянских и бобыльских дворов.

Сразу же после смерти А.М.Львова царь Алексей Михайлович возвращает Ясенево в дворцовое ведомство. Он хочет устроить здесь свою загородную резиденцию, в связи с чем строит рядом со старой церковью новую – Знаменскую, по свидетельству современников "дивно изукрашенную". Особенно славилось село своими фруктовыми садами. По описанию 1678 г. в Ясеневе находились "государевых два сада": один – позади церкви, а другой – меж крестьянских усадеб, воловий двор, два двора садовников и 26 крестьянских дворов, где жило 62 человека.

Ясенево было хорошо знакомо и Петру I. После свадьбы с Е.Ф.Лопухиной он в январе 1690 г. награждает Ясеневым отца царевича Федора Аврамовича Лопухина со специальной оговоркой, что в случае пресечения лопухинского рода село должно быть возвращено в дворцовое ведомство: "а в монастыри тое вотчины не отдавать". В первые годы брака с Е.Ф.Лопухиной Петр неоднократно посещал Ясенево, где, по преданию, долгое время сохранялся дуб, под которым он любил сидеть. С "отлучением" Лопухиной от мужа приезды туда царя прекратились.

Фактическим владельцем Ясенева еще при жизни Федора Лопухина, умершего в 1713 г., становится его сын Авраам, вокруг которого именно здесь собираются наиболее деятельные сторонники царевича Алексея. Аврааму был известен и план бегства племянника за границу, и его местопребывание в Европе. Поэтому он оказался одним из основных обвиняемых по делу царевича и в ноябре 1718 г. был приговорен к смертной казни с конфискацией всех владений, в том числе и Ясенева.

Сыновья Авраама Лопухина были восстановлены в правах в 1727 г. со вступлением на престол их двоюродного племянника Петра II и село было возвращено им. При сменном разделе Ясненево досталось старшему, Федору Авраамовичу, женившемуся на дочери фельдмаршала Б.П.Шереметева. Богатейшее приданое жены позволило ему развернуть в Ясненеве широкие строительные работы. В 1737 г. было закончено сооружение каменной церкви Петра и Павла, причем обветшавшая Знаменская разобрана. Вслед за ней возводится главный усадебный дом с характерным барочным пандусом со стороны сада и широкой парадной лестницей, которая вела на бельэтаж. До настоящего времени сохранились два его флигеля.

После смерти Ф.А.Лопухина строительные работы продолжала, начиная с 1757 г., его вдова, причем главным образом по разбивке сада, а с 1789 г. сын Василий, женатый на А.П. Гагариной. На рубеже XVIII – XIX вв. Ясненево оказывается во владении Гаврилы Петровича Гагарина, сенатора, ministra коммерции при Александре I. "Тайный подвижник", как отзывались о нем современники, сочетал качества чиновника со скрытым религиозным фанатизмом, находившим выражение в литературных сочинениях. Его увлечениям способствовало семейство жены, урожденной П.Ф.Воейковой. Брат Воейковой Александр учился в московском Благородном пансионе вместе с В.А. Жуковским и был женат на племяннице поэта. Литературные собрания в доме Воейкова пользовались успехом у москвичей. Воейков, Жуковский и Денис Давыдов не раз бывали в Ясненеве. Предположительно там же работал некоторое время В.Л.Боровиковский, написавший портреты дочерей хозяев – Анны, Варвары и Екатерины.

Единственный сын Гагариных Павел стал владельцем села в 1808 г. и здесь закончил пользовавшуюся большой популярностью книгу "13 дней, или Финляндия". Овдовев, П.Г.Гагарин поселился в Ясненеве и продолжил строительство, дополняя ансамбль флигелями и хозяйственными постройками. Вторая его супруга, в прошлом балерина М.И.Спиридонова, не была принята великосветским обществом и разделила ясеневское уединение.

нение мужа. После его смерти жена и дочь покинули Ясенево в 1850 г. и оно перешло к представителю другой ветви Гагариных, члену Государственного совета, обер-гофмейстеру С.И. Гагарину. При нем в Ясеневе стали часто собираться бывшие друзья и знакомые А.С.Пушкина.

С.И.Гагарин был женат на двоюродной сестре матери поэта. Его кузина В.Б.Вяземская, как и двоюродные братья В.Ф. и Ф.Ф. Гагарины относились к числу близких знакомых Пушкина. Поэт дружил и с племянниками С.И.Гагарина – чиновником Министерства иностранных дел Евгением Григорьевичем и с рисовальщиком Григорием Григорьевичем Гагаринами. Последний еще при жизни поэта делает рисунки к "Руслану и Людмиле", "Кавказскому пленнику", "Пиковой даме" и другим произведениям.

Приобретение Ясенева означало для С.И.Гагарина осуществление целой серии агрономических опытов. В истории русской агротехники имя владельца этого подмосковного села связано с основанием Московского общества сельского хозяйства. С 1823 г. он состоял его вице-президентом, а с 1844 г. – президентом. В Ясеневе осуществлялась серия опытов, закладывались большие оранжереи и опытные поля. Село к этому времени имело 60 дворов с 500 крестьянами, что удовлетворяло потребности в рабочей силе. Результаты опытов С.И.Гагарина нашли отражение в многочисленных публикациях. К концу XIX в. в Ясеневе жило до 700 человек, имелись мужское и женское земские училища, шесть лавок, большой кирпичный завод. Есть также указание на существование "дач" – остатка поместья, которое составило собственность единственной из оставшихся в живых дочерей Гагариных, троюродной сестры Пушкина М.С. Бутурлиной.

Промышленного развития или популярности как дачного места ввиду удаленности от Москвы Ясенево не получило. В 1960 г. оно вошло в черту "Большой Москвы", а с серединой 1970-х гг. стало районом массовой жилой застройки.

Лит.: Холмогоров В. и Г. Исторические материалы... М., 1891. Вып. 8. С. 55 – 59; Молева Н.М. Ясено́во // вопросы истории. 1984. № 4. С. 184 – 188; Она же. Земли московской давние преданы. М., 1985. С. 7 – 37.

ПОКРОВСКОЕ – ЗАСЕКИНО

Село Покровское в нынешнем Одинцовском районе расположилось к югу от Звенигорода на реке Изденке. В Московской области много сел носят это название – только в Одинцовском районе их два. В отличие от другого это село имеет уточнение : Засекино. История села уходит в далёкое прошлое. Судя по писцовой книге 1558 г., здесь располагалось сельцо Симановское, близ которого находился Покровский погост. Впервые он упоминается в середине XV в. в одном из документов Савво – Сторожевского монастыря.

Спустя столетие сельцо и погост принадлежали князьям Фёдору Михайловичу и Ивану Андреевичу Шуйским. Сведения о них сохранились довольно скучные. Иван Михайлович, по прозвищу Белень, при Елене Глинской был наместником в Холмогорах, позднее участвовал в качестве первого воеводы в походе на Казань. В 1547 г. молодой Иван ГУ делает его своим дворецким. Скончался он в 1559 г., не оставив потомства. Князь Иван Андреевич Шуйский был сыном его брата боярина Андрея Михайловича, казненного в 1543 г. царем. Свою службу он начал во время Ливонской войны, позднее получил чин боярина, а в 1573 г. погиб под Ревелем.

В начале XVI в. сельцо и погост были разорены и стали бесплодными. Позднее они возрождаются вновь и судя по переписной книге 1678 г. здесь значится село Покровское, принадлежавшее Ивану Афанасьевичу Рончищеву. При нем здесь жило 13 человек.

Иван Афанасьевич Рончищев был довольно известным дипломатом XVI века, участвовал в мирных переговорах со Швецией и Польшей. Позднее он дослужился до чина окольничего, руководил приказами Большой Казны, Монастырским, Разбойным. После его смерти его вдова Полагая Ивановна продает село в 1690 г. князю Михаилу Федоровичу Щирово-Засекину. По описанию 1705 г. за ним числились Покровское и соседняя деревня Раево, в которых находилось 16 крестьянских дворов и проживал 81 человек.

После Михаила Федоровича селом владел его сын Никита Михайлович, а затем внук Федор Никитич. Но владельцем село получило приданочное название : Засекино. В 1766 г. село досталось дочери последнего – мажорше Анне Федоровне Ланской,

которая продала его Ивану и Александру Алексеевичам Яковлевым.

Судя по Экономическим примечаниям в конце XVIII века Покровским владели братья Иван и Лев Яковлевы и вдова капитана Синявина. В селе стояли деревянная Покровская церковь, господский деревянный одноэтажный дом и 15 крестьянских дворов, в которых проживало 115 душ обоего пола. Крестьяне находились на барщине.

Иван Алексеевич Яковлев, отец А.И.Герцена, служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Дослужившись до чина капитана, он вышел в отставку, а в 1801 году уехал за границу, где прожил несколько лет. Во время нашествия Наполеона, он остался в захваченной французами Москве. Отискивая возможность выбраться из города, он явился за паспортом к маршалу Мортье, но тот не решился выдать ему документ без разрешения Наполеона. Последний, зная его брата, служившего послаником при Вестфальском короле, принял Ивана Алексеевича и разрешил отпустить его в Петербург с условием чтобы тот доставил Александру I письмо с предложением мира. В сопровождении французского отряда он добрался до передовых отрядов русской армии и был отправлен с фельд-егерем в Петербург. Здесь его доставили к Аракчееву и посадили под арест. Письмо было у него изъято, а относительно его последовало указание покинуть столицу. Позднее он жил в Покровском, которым владел вместе с братом Львом, Лев Алексеевич, в отличие от брата сделал довольно успешную карьеру: в 1820 году он был назначен сенатором.

В историю отечественной литературы Покровское вошло, связанное с именем известного писателя и революционера Александра Ивановича Герцена. Пожалуй, никто лучше его не расскажет о жизни Покровского первой половины XIX века: "... С Покровским я тоже был тесно соединен всем детством, - писал Герцен, - там я бывал даже таким ребенком, что не помню, а потом, с 1821 года почти всякое лето... Уединенное Покровское, потерянное в огромных лесных дачах, имело совершенно другой характер, гораздо более серьезный, чем весело брошенное на берегу Москвы реки Засильевское. Разница эта даже была заметна между крестьянами. Покровские мужчины, задвигнутые лесами, меньше васильевских походили на подмосковных, несмотря на то, что жили

двадцатью верстами ближе к Москве. Они были тише, проще и чрезвычайно тесно сжились между собой. Небольшое село из каких-нибудь двадцати или двадцати пяти дворов стояло в некотором расстоянии от довольно большого господского дома. С одной стороны был расчищенный и обнесенный решеткой полукруглый луг, с другой - вид на запруженную речку для предполагаемой лет за пятнадцать тому назад мельницы и на покосившуюся, ветхую деревянную церковь, которую ежегодно собирались поправить, тоже лет пятнадцать, "сенатор" и мой отец, владевши этим имением сообща. Дом, построенный "сенатором", был очень хороший: высокие комнаты, большие окна и с обеих сторон сени, вроде террас... Перед домом, за небольшим полем, начинался темный строевой лес, через него шел просек в Звенигород; по другую сторону тянулась селом и пропадала во ржи пыльная, тонкая тесемка проселочной дороги, выходившей через майковскую фабрику - на Можайку."

Следующий период пребывания Герцена в Покровском относится ко времени его возвращения из вятской ссылки. Здесь он жил с семьей летние месяцы 1843 и 1844 гг., вплоть до поздней осени. Сюда к нему приезжали гости из Москвы: поэт и переводчик Н.Х. Кетчер, знаметинный артист М.С.Щепкин, историк Т.Н.Грановский, литератор В.П.Боткин и критик В.Г.Белинский. С двумя последними был связан следующий эпизод. В.П.Боткин задумал жениться на продавщице модного магазина француженке Армане, но его отец, "старозаветный" купец, и слышать не хотел о браке. Герцен взялся устроить венчание друга без родительского благословения. Венчание должно было состояться в Покровском - был подкуплен отец Иоанн, настоятель местного храма. Все ждали опаздывающих молодых. "Тарантас, заложенный тройкой, быстро въезжал на двор и остановился, - вспоминал Герцен. - Я подошел подать руку Армане; она вдруг меня схватила за руку, да с такой силой, что я чуть не вскрикнул, и потом разом бросилась мне на шею с хохотом, повторяя: 'Месье Херцен...' Это был не кто иной, как Виссарион Григорьевич Белинский." Оказалось, что брак расстроился, а Белинский решил разыграть Герцена, переодевшись в женское платье.

В мае 1846 г. скончался отец Герцена - И.А.Яковлев. Два семейства крестьян, которым Иван Алексеевич дал вольную пришли из Покровского, чтобы нести гроб на руках до Девичьего монастыря, где проходило погребение. Незадолго до смерти Яковлев завещал: "Всех дворовых людей, хорошо и усердно мне служивших, отпускаю я на волю и поручаю вам выдать им денежное награждение по заслугам." Герцен отказался наследовать Покровское и оно досталось двоюродному брату писателя Дмитрию Павловичу Голохвастову, умершему от чахотки в 1849 году.

Судя по данным 1852 года, Покровским-Засекиным владела его вдова тайная советница Надежда Владимировна Голохвастова. В селе числились церковь и 40 крестьянских дворов. Спустя треть столетия, в 1890 году в селе проживало 316 человек. Рядом находилась усадьба, которой владел некто Балакин.

После Октябрьской революции судьба Покровского была во многом такой же, как и других подмосковных сел. По данным переписи 1926 года, в селе проживало 370 человек, располагалась школа I-й ступени. Жители занимались токарным промыслом, производством обуви и одежды, строительством. В окрестностях села появился совхоз "Покровский". Позднее совхоз стал именоваться "Покровское-Гарь", а около него построили мукомольный завод. В годы войны село находилось рядом с линией фронта и здесь дислоцировались части 5-й Армии, не пропустившие фашистов к Москве.

В наши дни Покровское стало современным селом, в нем расположилось отделение одного из крупных в районе сельхозпредприятий - Петелинской птицефабрики, работает 8-летняя школа, до 1969 год помешавшаяся в доме А.И.Герцена. Усадьба, пострадавшая от пожара в 1985 году, реставрируется, хотя сегодня все труднее верится, что мы увидим ее в былой красоте.

Лит.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы...
М., 1862. Вып. 2. С. 71-73; Боровкова С.М. Заповедная
звенигородская земля. М., 1962. С. 166-174.
Веселовский С.Е. и др. Подмосковье... М., 1962. С.
425 - 428.

И.Н.Митронов, Л.Г.Сапринина.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
История отдельных селений Подмосковья	
Аксиньино (К.А.Аверьянов)	4
Алексеевское (К.А.Аверьянов)	5
Алтуфьево (Н.М.Молева)	10
Аминьево (К.А.Аверьянов)	13
Ангелово (Е.Н.Мачульский)	16
Андреевское (К.А.Аверьянов, М.С.Черкасова)	19
Афинеево (Е.И.Македонская, К.А.Аверьянов)	22
Быково (Г.В.Булатже)	27
Воскресенское/Птичное/ (Е.И.Македонская)	30
Дарьино (И.И.Попов)	35
Ершово (К.А.Аверьянов)	40
Знаменское (К.А.Аверьянов, А.А.Пузатиков)	44
Иславское (Г.А.Павлович)	52
Каринокое (А.С.Подкорытов)	56
Косино (К.А.Аверьянов)	59
Леоново (А.В.Нефедов)	64
Люблино (К.А.Аверьянов)	68
Медведково (К.А.Аверьянов)	72
Нагатино (А.Б.Варенов)	77
Назарево (Г.В.Ильин)	82
Непецыно (В.И.Кузнецсов)	89
Остров (Ю.А.Бахныкин)	93
Реутово (Е.К.Сергеев, А.А.Чуканова)	97
Ромашково (А.С.Лившиц, В.В.Цоффа)	103
Сандыри (В.И.Кузнецсов)	107
Свиблово (К.А.Аверьянов)	III
Тайнинское (В.Ю.Кузнецкова)	II5
Тропарево (Н.П.Ильшева-Введенская)	120
Усово (К.А.Аверьянов)	123
Федоскино (М.В.Пржевальский)	127

Филимонки (А.С.Литвин)	133
Фуньково (К.А.Аверьянов, А.А.Юшко)	136
Черкизово (В.И.Кузнецов)	139
Ясенево (Н.М.Молева)	144
Покровское-Засекино (Н.Н.Митронов, Л.Г.Сапрыкина)	149

X X

ИСТОРИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ
ПОДМОСКОВЬЯ ХІV – ХХ вв.
Выпуск 2

Подписано в печать 28.XII.1992 г. Зак. 1310.
Формат 60x84/16. Лоч. л. 9,625. Тир. 600.

Москва. Типография АКАДЕМИИ МВД РСФСР